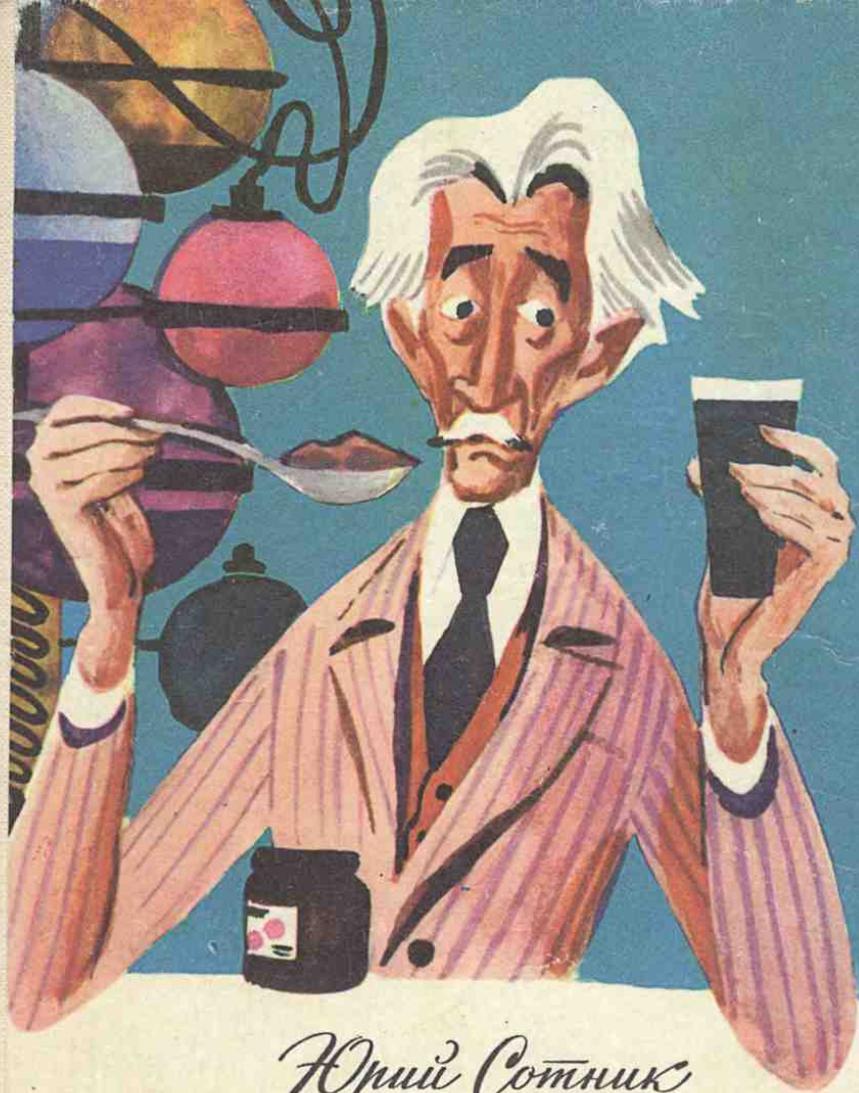

Юрий Сотник ЭЛИКСИР КУПРУМА ЭСА

Юрий Сотник

ЭЛИКСИР
КУПРУМА ЭСА

®

Ю Р И Й С О Т Н И К

ЭЛИКСИР
КУПРУМА
ЭСА

ПОВЕСТЬ

*Рисунки
Е. Медведева*

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1978

P2
C67

C $\frac{70803-522}{M101(03)78}$ 45P-78

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1978 г.

Глаза первая

В белокафельной кухне Маршевых было светло и шумно. Там громко говорили за чаем и чему-то смеялись четверо взрослых. А в дальней от кухни комнате, освещенной настольной лампой, царил тишина. Впрочем, не совсем полная тишина: здесь говорили вполголоса или шепотом.

— Пить хочется. Прямо кишки горят, — прохрипел Веня.

— Ну так иди попей, — сказал Родя.

— Ну их!.. Покажусь им на глаза — они спать пошлют.
Черт меня дернул селедки наесться...

— Давай тогда я принесу.

— И ты не ходи: вспомнят о нас и домой соберутся.

Помолчали. Веня тяжело вздохнул и зачмокал. Тут в Родино́й голове появилась идея.

— Из таза будешь пить?

— Да хоть из чего! Я же сейчас как в Сахаре... или в Гоби этой самой...

— Тогда я в ванную тихонько проберусь и тебе в тазу принесу.

— Во! Валяй! Побольше только!

Родя на цыпочках вышел из комнаты, а Веня остался в темноте.

Апрель выдался на редкость теплый, и окно было распахнуто настежь. У самого подоконника на деревянной треноге стояла самодельная подзорная труба, описание которой Родя вычитал в старой книжке без начала и конца. Он сделал ее из двух картонных трубок — тубусов, которые вдвигались друг в друга. Объективом служило очковое стекло для дальнотворных, а окуляром — окуляр от театрального бинокля, разбитого Вениной мамой. Треногу соорудил Веня. И вот теперь друзья собирались испытать свое детище, посмотреть на Луну и своими глазами разглядеть «моря», «океаны», а может быть, и кратеры, которые они видели на карте.

Друзья не учли одного: прямо от их дома тянулась широкая, но короткая Логовая улица, вдоль которой елочкой стояли многоэтажные здания. Небо было ясное, но луна пряталась за крышей дальней двенадцатиэтажной башни и скоро должна была выползти из-за нее.

Приятели были научены горьким опытом: если Веня задерживался у Роды после девяти часов, раздавался звонок, Веню звали к телефону, и он слышал голос своей мамы:

«Вениамин! Тебе известно, который час? Немедленно домой!»

Сейчас стрелка часов приближалась к половине десятого, но у друзей еще была надежда. Венины папа с мамой пришли поболтать с супругами Маршевыми, а когда взрослые Маршевы и Рудаковы сойдутся вместе, у них всегда найдется о чем поговорить. Только бы их не побеспокоить! Только бы им случайно не напомнить, что у них есть сыновья, которым пора ложиться спать!

В комнату неслышно вошел Родя с большим белым тазом.

— Я его сполоснул, конечно, — тихо сказал он и поставил таз на письменный стол.

Веня подошел к тазу, сунул в него голову, но дотянуться до воды не смог: Родя принес ее не так уж много, края у таза были высокие, а Веня был маленького роста.

— Тут нужно шею как у журавля, — проворчал он. — Или клюв такой.

Он поставил таз на пол, опустился на четвереньки и стал пить. Родя в это время говорил:

— Там у нас еще стакан есть с зубными щетками... но ведь ты побольше просил, а циркулировать туда-сюда — это дело рискованное.

— Бу, и браильно бделал, пто таз прибес, — пробулькал Веня.

Напившись, он водрузил таз обратно на стол, и приятели стали по очереди смотреть в трубу. Перед ними были сотни окон, и каждое светилось своим светом — желтым, красным, оранжевым, зеленым, голубым... Но эти окна друзей не интересовали. Их внимание привлекал лишь один дом — трехэтажный. Он стоял в самом конце Логовой, перпендикулярно к ней, — значит, прямо напротив мальчишек. Его окна на первом этаже закрывали полупрозрачные занавеси, а окна второго этажа и третьего были только обрамлены цветными портьерами. Вот на них-то и была нацелена труба, которую друзья предпочитали называть не подзорной, а астрономической.

Дело в том, что в трехэтажном доме помещался районный Дворец пионеров и школьников, и дворец не простой. Там, конечно, был и драматический коллектив, и танцевальный, и хоровой, и кружок художественной лепки и рисования, кружок «Умелые руки» и юных авиамоделистов... Но, помимо всего этого, при Дворце пионеров было научно-конструкторское общество «Разведчик». Некоторые члены этого общества выполняли исследования по заданию настоящих ученых из настоящих научно-исследовательских институтов и конструировали приборы по поручению настоящих заводов и фабрик. Дворец был построен сравнительно недавно; шефы не поскупились на оборудование, и таких мастерских и лабораторий, как у этого районного дворца, не было даже в городском Дворце пионеров.

От старшекласников Родя и Веня слышали, что в общество «Разведчик» принимают лишь тех, кто уже создал какую-нибудь собственную конструкцию или провел самостоятельное исследование. Оба надеялись, что, если астрономическая труба у них получится, их в общество примут.

Поле зрения у трубы было очень маленькое. Приятели заглядывали поочередно то в одно незашторенное окно, то в другое. Они видели движущиеся фигурки ребят и взрослых, но ни лиц, ни подробностей обстановки в помещениях разглядеть не могли. Может быть, стекла на окнах были запыленные, может, дело было в трубе.

Постепенно свет в окнах стал гаснуть. Потухали сразу два окна, три, а то и четыре. Как видно, это зависело от размера помещения, которое находилось за ними. Скоро погасло последнее окно.

— Все ушли,— прошептал Веня.

А луна еще не появлялась. Мальчики сели на кушетку и в который раз принялись разглядывать журнал с картой лунной поверхности.

Прошло минут десять, а может быть, и пятнадцать. Из

кухни продолжали доноситься веселые голоса, и непохоже было, что Рудаковы собирались уходить.

— Родька! — вдруг сказал Венька. — Да ведь сегодня пятница!

— Ну и что?

— У взрослых завтра выходной, а они забыли, что нам-то в школу идти, и сидят себе!

Эта мысль развеселила ребят, и они некоторое время дурачились, тихонько смеясь и толкая друг друга кулаками. Потом Родя встал, подошел к трубе и прильнул глазом к окуляру. Вдруг он замер на несколько секунд, потом выпрямился.

— Венька! А ну-ка посмотри! Ты ничего не замечаешь?

Труба оставалась наведенной на Дворец пионеров. Венька долго смотрел в нее, слегка передвигая трубочку окуляра, наконец проговорил неуверенно:

— Похоже... похоже, окошко чем-то черным занавесили, а сверху свет пробивается. Э!.. Смотри! И в другом окне тоже светится, только чуть поменьше.

Место у трубы снова занял Родя. Теперь он уже не сомневался, что оба окна занавешены черными шторами. Похоже было, что эти шторы висели на гвоздях, прибитых к углам оконной рамы, и наверху немного провисали. Друзья помолчали, глядя друг на друга.

— Интересное дело! — сказал Родя.

— Интересное дело! — повторил Венька.

— Ты ведь точно помнишь, что оба окна не были занавешены?

— Да я, как сейчас, их перед глазами вижу.

— Выходит, после того как дворец закрыли, в той комнате снова свет зажгли, а окна занавесили.

— Выходит, что так.

Родя вернулся к трубе. Он слегка передвинул ее вправо и опять увидел узкую полоску света, уже в третьем окне. После этого он дважды провел трубой вдоль всего второго

этажа, но в других окнах нигде света не было. Родя снова повернулся к Вене:

— Значит, так: это четвертое, пятое и шестое окна от правого угла. Ты занимался там в кружке «Умелые руки». Может, вспомнишь, что там за помещение... ну, с этими окнами — четвертое, пятое и шестое от угла?

— Так... «Умелые руки» находятся на третьем этаже, а на втором... общество это, «Разведчик».

— А может, все-таки припомнишь?

Родя сел и теперь смотрел на маленького Веню снизу вверх. Тот некоторое время молчал, почесывая нос, потом заговорил:

— погоди! Значит, на втором этаже крайняя дверь по коридору — это лаборатория электроники.

— Точно помнишь?

— Точно. На двери табличка висит.— Веня снова помолчал.— А вот рядом дверь... наверное, она самая и есть. Вроде... вроде бы химическая лаборатория. Если химическая — тогда дело ясное: там Купрум Эс порядок наводит. Он, сам знаешь, как вкалывать любит.

Купрум Эс — так за глаза школьники звали учителя химии Куприяна Семеновича, который по совместительству руководил во Дворце пионеров химической лабораторией. Он был стар, чудаковат, но старшеклассники его за что-то и любили и уважали.

— Хорошо,— сказал Родя.— Предположим, что там Купрум Эс порядок наводит. Но во-первых, как он туда попал, если Дворец пионеров заперт, а во-вторых, зачем ему занавешиваться?

Веня пожал плечами.

— Ну, насчет как туда попал — у него ключ свой может быть. Все-таки это тебе не кто-нибудь, а Купрум Эс. А насчет занавешивания... Мою маму, например, раздражает, если окна вечером не занавешены.

Родю такой ответ не удовлетворил.

— Значит, по-твоему, так получается: пока в лаборатории занятия шли, голые окна Купрума Эса не беспокоили, а когда он один остался — раздражать начали. Нет, тут что-то...

Родя не договорил. Веня случайно взглянул в окно и вскрикнул почти во весь голос:

— Э!.. Луна!

Большая, чуть кособокая луна висела рядом с крышей дальнего двенадцатиэтажного дома. Родя бросился к трубе и стал наводить ее на луну, а Веня схватил журнал и стал рядом с ним, торопливо говоря:

— На! Смотри на карту и ищи. Чего-нибудь крупное для начала ищи. Во! Океан Бурь ищи!

И в эту минуту голоса взрослых послышались из передней.

— Родька! — почти закричал Веня. — Наши домой собираются. Смотри скорее и дай мне! Океан Бурь...

На пороге появилась Венина мама:

— Венька, ты знаешь, который час? Половина одиннадцатого!

— Мам!.. Сейчас! Ну сейчас!

Венина мама повысила голос:

— Вениамин, никаких «сейчас»!

— Все! Пока! — со вздохом сказал Веня и направился к двери.

Родя проводил друга, потом быстро постелил постель, разделся, вышел в одних трусах сказать родителям «спокойной ночи», вернулся в комнату и, погасив свет, продолжал свои астрономические наблюдения. Он хорошо запомнил, как выглядят самые большие темные пятна на карте Луны, однако ему пришлось попытеть, прежде чем он обнаружил с помощью трубы сливающиеся друг с другом Океан Бурь, Море Дождей и Море Ясности.

И все же Родя был доволен. Как ни была несовершенна его труба, а все-таки с ее помощью «океан» и два «моря» бы-

ли видны яснее, чем невооруженным глазом. Ложась спать, Родя решил: на днях они с Веней пойдут и запишутся в научное общество. В секцию астрономии.

Глава вторая

В каждом классе есть свой силач, своя красавица и свой мыслитель. Бесспорным силачом в пятом «Б» был Лешка Павлов: он справлялся с любым мальчишкой в классе одной рукой. Мыслителем можно было назвать Родю, который постоянно «генерировал», как теперь выражаются, всякие увлекательные идеи. Красавицей была Зоя Ладошина. И не только красавицей: она еще была председателем совета отряда, и это свое положение Зойка ценила больше, чем положение первой красавицы в классе.

На следующее утро, когда Родя и Веня шли в школу, по другой улице шла туда и Зоя, шла не одна, а в сопровождении своего «актива» — так она называла шестерых ребят, окружавших ее. Время было раннее, и Зоя шла неторопливо, красиво вытягивая ноги в красных туфельках, чуть поводя при каждом шаге плечами, на которые спадали черные локоны. Неторопливо шагала и так же неторопливо говорила:

— Не знаю... Если меня даже и выдвинут снова председателем, я, наверное, все-таки откажусь.

Эта фраза вызвала у «активистов» негодование.

— Зойка! Ой!.. — пискнула Нюся Касаткина. — Ты с ума сошла!

— Зо-о-о-я! — протянула Соня Барбарисова. — Как тебе только не стыдно такое говорить!

— Не выдумывай, Зойка, давай лучше не выдумывай, не выдумывай! — забубнил толстый редактор стенгазеты Шурик Лопухов.

Зоя передернула плечами.

— Ну, граждане, почему все я да я? Надо же немножко

отдохнуть! Как будто, кроме меня, никого не найдется, чтобы председателем быть!

— Ну, кто найдется? Ну, кто найдется? — снова запищала маленькая Нюся.— Думаешь, я? Так меня в собственном звене никто не слушается, вот!

Соня Барбарисова старалась говорить как можно убедительней.

— Зоя, ты вот подумай и пойми: из нас из всех никто таким авторитетом в отряде не пользуется, как ты. А остальные ребята в классе — так ты сама знаешь, какие они пассивные: ничего не хотят делать по общественной работе.— Соня угрожающе подняла палец.— Зоя! Вот увидишь: если ты не будешь председателем, вся работа замрет!

— Развалится вся работа, развалится работа, развалится! — загудел редактор.

Будь «активисты» чуть посмекалистей, они бы сообразили, что Зоя не собирается расставаться с постом председателя, что, наоборот, она весьма обеспокоена предстоящими на днях перевыборами совета отряда. Весь этот разговор она завела не для того, чтобы просто поломаться перед своими приверженцами, а чтобы узнать, сколь твердо они собираются отстаивать ее кандидатуру. Но Зою окружал народ простодушный, и, покосившись на ребят, она убедилась, что все они серьезно озадачены и огорчены. Маленькая Нюся шла опустив голову со связанными под затылком косичками, держась двумя руками за ручку портфеля, который при каждом шаге бил ее по коленкам. Продолговатое лицо Сони Барбарисовой вроде бы еще больше вытянулось, а маленькие глазки редактора стали совсем круглыми.

Помимо Нюси, Шурика и Сони, Зою сопровождали еще трое: долговязый Жора Банкин и две беловолосые, почти безбровые сестры-двойняшки Настя и Катя Мухины. Они, по своему обыкновению, молчали, но вид у них тоже был огорченный. Ведь до сих пор эти ребята были очень довольны «мудрым» руководством Зои Ладошиной.

Школа номер двадцать восемь была новая, ребята учились в ней только первый год, поэтому выборы в пионерской организации проводили не прошлой весной, а в начале учебного года. Со старшей пионервожатой школе не повезло: она все время болела. Зато вожатая отряда появилась в пятом «Б» с первых дней сентября. Это была маленькая и очень энергичная девятиклассница, с быстрыми движениями и узким строгим лицом. Звали ее Дина Коваль. В то время она твердо решила посвятить свою жизнь педагогической деятельности. (До этого Дина так же твердо решила стать сначала юристом, потом врачом, потом художником-модельером.) Работа у нее на первых порах закипела. Дина сразу заметила в классе бойкую, властолюбивую Зою и предложила ребятам избрать ее председателем совета отряда. Зою избрали. Та в свою очередь предложила выбрать редактором стенгазеты Шурика Лопухова, потому что он неплохо рисовал, и Шурика выбрали. Остальных членов совета выбрали почти наобум, так как ребята еще мало знали друг друга.

Дина не стала заглядывать в журнал «Вожатый», чтобы узнать, какими делами можно увлечь пионеров. Она имела свои соображения на этот счет. У нее был брат-семиклассник, который грубил матери и ничего не хотел делать по дому, поэтому она первым делом решила воспитать в своих пионерах уважение к родителям и стремление во всем им помогать. Началась подготовка к сбору на тему «Моя семья». На заседании совета отряда Дина сказала, что в начале сбора должны будут выступить два человека: один на тему «За что я люблю своих родителей», а другой на тему «Как я помогаю маме». Вожатая считала, что после такого выступления ребята разговоятся, и каждый поведаст о том, за что он любит папу и маму и как он помогает по хозяйству.

— А если покритиковать еще кого-нибудь? — предложила Зоя.— Вот Генка Добровольский... он у нас в подъезде живет... так он ничего дома не делает, даже за хлебом его послать не могут.

Дина серьезно посмотрела на Зою:

— А тебя не зря выдвинули председателем. Очень дельное предложение. Кто еще хочет сказать?

Среди членов совета была маленькая, робкая Нюся Касаткина. Ей захотелось, чтобы вожатая похвалила и ее. Она подняла руку.

— А мо... а можно...— пропищала она, запинаясь от волнения,— можно я выступлю на тему, как я помогаю маме. Я картошку чищу, за хлебом хожу, пол подметаю...

— Прекрасно! Вот и запишем это выступление за Нюсей. У кого еще будут предложения?

Среди членов совета был Веня.

— По-моему, скукота получится,— пробормотал он.

Дина выпрямилась на стуле:

— Как? Что ты сказал?

— Скукота получится. Ну, что мы — октябрята? «За что я люблю маму... Как я помогаю родителям...»

— Пожалуйста! Предложи что-нибудь интересней. Ну?

— Подумать надо,— сказал Веня.

— Ну что ж! Ты думай, а мы будем работать, правда, ребята? Критиковать да раздумывать всегда легче, чем действовать. Вера, а что ты скажешь?

— А? — спросила Вера Полозова. Она пыталась изобразить в тетрадке волка из мультфильма «Ну, погоди!» и ничего не слышала.

С тех пор Дина перестала называть Веру и Веню пионерскими активистами, хотя они и продолжали числиться в совете отряда.

Завербовать второго выступающего оказалось не так-то просто. К кому бы ни обращалась Зоя — все отказывались. Один говорил, что у него других дел по горло, другие называли тему выступления глупой, но почему они так считали — объяснить не могли. Наконец, дошла очередь до очень прилежной отличницы Сони Барбарисовой, которой ее пятерки доставались с большим трудом. Тут уж Зоя решила не

отступать. На перемене она подошла к Соне сдвинув брови.

— Барбарисова, у меня к тебе такой вопрос: ты своих родителей любишь?

— Люблю. А что? — тихо спросила Барбарисова.

— Вот двенадцатого ты выступишь на сборе и расскажешь, за что ты любишь своих родителей.

— Зо-о-о-я! — протянула Соня. — Зо-о-о-я, но я же никогда не выступа-а-а-а-ла!

— Не выступала, а теперь выступишь. Надо ведь когда-нибудь привыкать.

Соня немного подумала, потом замотала головой.

— Нет, Зоя, я просто не смогу... Я даже не знаю, как начать это выступление.

— А ты заранее все обдумай и выступи.

Соня снова подумала.

— Зоя, понимаешь, если я даже что-нибудь придумаю, я... как начну выступать, так сразу растеряюсь и все пере забуду.

— А ты на бумажке напиши. Возьми тетрадку и напиши. Вроде доклада получится.

В тот день Соня Барбарисова не вышла гулять ни на минуту. Сразу после школы она засела за уроки, а потом весь вечер промучилась, пытаясь сочинить выступление. Попросить помощи у родителей она не решалась: было как-то неловко спрашивать папу с мамой, за что она их любит. Бледная, похудевшая за одни сутки, она на следующий день сказала Зое, что у нее ничего не получается, и та ответила:

— Придешь вечерком ко мне, я тебе помогу.

Вечером Соня явилась, и дело у них пошло.

— Кем твой папа работает? — спросила Зоя.

— Бригадиром... на стройке...

— Что он строит?

— Дом... жилой...

— У него эти... как их? Показатели хорошие?

— Не... не знаю.

— Пойди к телефону и спроси.

Соня пошла к телефону. Ее папу заинтересовало, почему дочке требуются сведения о его производственных показателях, Соня отказывалась говорить.

— Ну, папа...— тянула она плачущим голосом.— Ну, мне нужно! Ну, я потом скажу...

Но отец настаивал, и Соня призналась наконец, что она пишет «доклад». После этого она вернулась к Зое и доложила:

— План прошлого полугодия папина бригада выполнила на сто одиннадцать процентов, а план в этом месяце они думают выполнить на сто пятнадцать.

Зоя тут же усадила Соню за стол, сама стала одной коленкой на стул и, держась за спинку, принялась диктовать:

— Пиши: «Я люблю своих родителей за то, что они очень хорошие и трудолюбивые люди. Мой папа... этот... производственный отличник...» Нет! «Отличный производитель. Он строит жилые дома. Его цех...» Что? Не цех? Бригада? «В прошлом полугодии выполнили план...» На сколько? «...на сто одиннадцать процентов, а в этом месяце они дали слово выполнить план на сто пятнадцать процентов. Папа очень любит свой благородный труд, болеет за него душой, поэтому его бригада выполняет такой хороший план».— Зоя помолчала, отдыхая.— Так! Ну, а теперь... кто твоя мама?

— Хозяйка... домашняя...

Зоя так же быстро управилась с Сониной мамой, рассказав, как она создает хорошие бытовые условия для своего мужа, для Сони, для двух ее старших братьев и для старенькой бабушки.

Известие, что их тихоня дочка собирается выступить на сборе отряда, приятно взволновало Сонину маму, папу и бабушку. Даже братья отнеслись к этому с некоторым интересом. Сонино выступление называли не иначе как докладом и читали его соседям...

С выступлением, критикующим Генку Добровольского, который не помогает маме, у Зои все получилось неожиданно легко и просто. Зоя вспомнила, что на одной площадке с Генкой живет Жора Банкин. Он был такой же тихий и незаметный, как Соня, и даже внешне походил на нее: такой же худенький и долговязый. С хулиганистым Генкой он не дружил, но Зое было известно, что их мамы общаются между собой. Знала Зоя и то, что она нравится Жоре: всякий раз, когда она на него смотрела, он расправлял узенькие плечи и делал равнодушное лицо. И вот однажды она подошла к Жоре и сказала голосом мягким, почти нежным:

— Жора, можно тебя на минуточку? Мне надо с тобой поговорить.

— Пожалуйста,— прошептал Жора, и они вышли на площадку школьной лестницы, где не было толкотни. Жорино лицо было бледное, а оттопыренные уши его горели.

— Ты знаешь, что Генка Добровольский ничего не делает по дому, нисколько не помогает матери?

Жора смотрел на Зою очень пристально, даже слегка испуганно. Впервые за все время в школе первая красавица класса обращалась именно к нему. Он проглотил слюну и ответил торопливо:

— Знаю. Его мама говорила... моей маме...

Зоя склонила голову набок и посмотрела на Жору серьезными темными глазами.

— Жора, у меня к тебе просьба. Двенадцатого мы проводим сбор... Выступи, пожалуйста, и покритикуй Гену за то, что он не помогает матери.

Жора закачался, переступая с ноги на ногу.

— Но я... Понимаешь, я... Все-таки как-то... в семейные дела... все-таки неудобно как-то...

Зоя сделала каменное лицо, и голос ее зазвучал сухо.

— Какие же это семейные дела, если у нас в классе растет туняец? По-моему, это общественные дела.— Она передернула плечами и сделала вид, что собирается уйти.— А вообще я тебя понимаю: ты просто боишься, что Генка тебе по шее надает.

Тут у Жоры покраснели не только уши, но и все лицо.

— А я... я разве отказываюсь? Я просто так сказал, что немножко неудобно как-то... А вообще... пожалуйста, я... я не отказываюсь.

Одиннадцать человек со сбора сбежали, но двадцать пять все-таки присутствовали. Соня Барбарисова хоть и читала по бумажке, но то и дело запиналась. Нюся Касаткина довольно бойко рассказала, как она чистит картошку, моет по-

суду, ходит за хлебом и за молоком. Затем Жора в очень деликатной форме покритиковал тунеядца Генку.

— Мне кажется, Гена... ты... ты ведешь себя не совсем... не совсем по... порядочно,— закончил он.

— Кто еще хочет выступить? — спросила Зоя, но в ответ последовало молчание.

— Ну, ребята!.. Какие вы все пассивные! — проговорила Дина.— Неужели ни у кого не найдется что сказать о своих родителях?

Пока вожатая призывала ребят к активности, сестры Мухины ерзали за своим столиком, о чем-то шептались и толкали друг друга локтями. Их поразило то обстоятельство, что застенчивые Нюся, Жора и Соня вдруг набрались храбрости и выступили на сборе. Сестры долго спорили шепотом между собой, наконец Настя подняла руку, и ее пригласили к учительскому столу. Красная, словно из кипятка вытащенная, Настя сообщила отряду, что они с Катей не только чистят картошку, моют посуду и ходят в магазины, но научились обращаться с пылесосом и помогают маме убирать квартиру. После этого еще минуты три Зоя спрашивала, кто желает выступить, а Дина упрекала ребят в пассивности.

Получилось, что весь сбор отряда длился какие-нибудь двадцать минут, но по окончании его вожатая сказала Зое:

— Ничего! По крайней мере сегодня выявился настоящий актив. Как фамилии ребят, которые выступали?

Зоя назвала имена и фамилии.

— Ну вот! В дальнейшей работе ты на них и опирайся. Они, правда, немножко стеснялись, но у них есть вкус к общественной работе.

Когда участники сбора выходили из школы, Гена обратился к Жоре:

— Ну-ка ты, порядочный! Поди сюда!

Жора подошел.

— Чего это ты, порядочный, лезешь в мои личные дела?

Ответить Жора не успел, потому что Гена дал ему кула-

ком по скуле. И тут оказалось, что бледный, узкогрудый Жора очень неплохо дерется. Никто даже разглядеть не успел, как он сбил коренастого Генку с ног, как сел на него верхом (Гена лежал на животе). Все увидели только, что Жора вцепился в Генкины волосы и бьет его носом об асфальт. Их растащили старшекласники. Нос у Генки был разбит, но он родителям не пожаловался: самолюбие не позволило. На другой день Зоя предложила Дине устроить экстренный сбор и обсудить поведение Жоры и Генки, но возжатая заколебалась. С одной стороны, Генка поступил нехорошо, ответив кулаками на справедливую критику, но с другой стороны, и Жоре не следовало разбивать Генкин нос об асфальт. Дина так и не смогла определить, кто из двоих подравшихся больше виноват, и в конце концов предпочла совсем не обсуждать этого вопроса.

Как бы там ни было, а самые незаметные ребята в классе вдруг сделались «активистами», в то время как члены совета отряда, за исключением Нюси и Шурика, стали уваливать от заседаний.

Глава третья

А еще недели через две Дина твердо решила, что ее настоящее призвание не педагогическая деятельность, а работа гидом в «Интуристе». Она засела за английский язык и потеряла всякий интерес к обязанностям пионервожатой. На сборах и заседаниях совета отряда она, правда, бывала, но всякий раз минут через пятнадцать говорила, что ей необходимо куда-то уйти, и оставляла все на Зою, чем та была очень довольна.

Почти весь учебный год у Зои и ее «активистов» кипела бурная деятельность.

Стенгазета «За отличную учебу» выходила очень регулярно. Шурик, правда, не умел редактировать заметки, а тем более их писать, зато у него получались очень красивые

заголовки. Писали заметки все те же Соня, Жора, Нюся и сестры Мужины под наблюдением Зои. Разнообразием заметки не отличались. Предположим, первого числа в одной из них критиковался Юра Дергачев за то, что стал отставать по математике, а в другой хвалили Петю Короткова за то, что он учится только на четверки и на пятерки. Пятнадцатого числа критиковали Костю Переверзева за то, что он разговаривает на уроках, и хвалили Машу Салтыкову за то, что она учится на одни пятерки. Была в каждом номере еще и третья заметка. Она называлась «Наши задачи» или еще как-нибудь в этом роде. В таких заметках говорилось о том, что классу нужно повысить борьбу за успеваемость или усилить борьбу с нарушителями дисциплины.

Были в газете и карикатуры. Шурик рисовал их неплохо, но разнообразием они тоже не отличались. На них изображался или ученик спящий, положив голову на учебник, или ученик, ковыряющий в носу, глядя в потолок, или ученик-верзила, колотящий малыша или девочку. Какая ни была газета, но выходила она очень регулярно, за что Дина хвалила и редактора и Зою.

В своей кипучей деятельности Зоя не удовлетворялась планом работы, намеченным вместе с Диной. Она пошла дальше. Она составила список самых матерых двоечников и к каждому из них прикрепила одного из своих «активистов», чтобы те помогали им в учебе.

Жора, изрядно намучившись, все-таки помог Дергачеву исправить двойку, но остальные оказались плохими педагогами. Объяснить что-нибудь толком они не умели и каждое занятие кончали тем, что решали за двоечников задачи и подсказывали им, как писать упражнения. Лодыри-двоечники были очень довольны, но все это не помешало им остаться двоечниками до конца учебного года.

«Активисты», повторяю, были счастливы. До этого их почти никто не замечал, да и многие из них часто не умели занять себя чем-нибудь помимо уроков, а теперь их жизнь

была насыщена всякими неотложными делами, они почти каждый день устраивали совещания, о них с похвалой отзывалась вожатая, их имена часто появлялись в стенной газете, и домашние с гордостью говорили о том, какая у них огромная общественная нагрузка.

Но больше всех наслаждалась своим положением Зоя. Приходя из школы домой, она жаловалась бабушке на усталость, после обеда ложилась на диван, читала какой-нибудь журнал, а полежав с полчаса, отправлялась в папин кабинет. Папа был директором станкостроительного завода. По вечерам он звонил на завод, справлялся, как работает вечерняя смена, отдавал всякие распоряжения. Теперь Зоя тоже садилась за папин письменный стол и брала телефонную трубку.

— Барбарисова? Это Ладوشина. Как дела с заметкой про Паукова? Смотри, пятнадцатое число на носу...

— Жору, пожалуйста! Банкин? Привет! Завтра тебе придется немножко задержаться после школы: сестры Мухины пойдут к Валерки Иванова родителям говорить насчет его успеваемости, а Валерка обещал их на улице за косы оттаскать. Так что ты с ними пойдешь. Чтобы он их не оттаскал...

Так она обзванивала всех своих помощников и для каждого находила какое-нибудь новое поручение или деловое указание.

И вот теперь Зоя пребывала в отличном настроении: она убедилась, что «активисты» будут стоять за нее горой на предстоящих выборах, а об остальных ребятах можно было не беспокоиться. Дина Коваль не зря назвала их в свое время «пассивной массой». Каждый из них занимался какими-то своими делами, и кто будет председателем, их не интересовало.

Подходя к школе, Зоя еще издали увидела Родину Шевелюру. У него были особые волосы: в помещении их нельзя было назвать рыжими, скорее — только рыжеватыми, но на

солнце они горели как огонь. Вот и сейчас под легким весенним ветерком на голове у Маршева колыхалось что-то вроде маленького костра. Рядом с Родей шел Веня. Друзья приближались к воротам школьного двора, идя от противоположного конца улицы.

При виде Роди Зоя ускорила шаги.

— Маршев! Подожди минутку! — сказала она, потом обернулась к своим спутникам: — А вы идите! Мне надо поговорить.

Те, немного обиженные, двинулись на школьный двор,

оглядываясь на Зою и двух мальчишек, которые остановились у ворот.

— Ну... слушаю,— сдержанно сказал Родя, и довольно яркие веснушки на его лице побледнели, потому что сам он покраснел.

Маршев давно нравился Зое, но в начале года она чувствовала, что Родя не склонен обращать особого внимания на первую красавицу в классе. Однако где-то в конце марта Зоя догадалась, что положение изменилось. Однажды, случайно оглянувшись, она заметила такую картину: Маршев застыл неподвижно, приоткрыв рот, и смотрит на нее, как будто впервые увидел. И это повторялось не раз. Вот и теперь: едва она заговорила с ним, как он покраснел, и это Зое очень понравилось. Она кокетливо поболтала портфелем.

— Маршев! Вот про тебя все говорят, что ты очень умный, что у тебя в голове всякие там идеи...— Зоя помолчала. Склонив голову набок, она смотрела на Родю, а тот приподнял плечи и смотрел неподвижно на нее.

— Ну, ты давай ближе к делу,— поторопил Веня.

Зоя не удостоила его даже взглядом. Она продолжала смотреть на Родю.

— Маршев! Сегодня в три начинается сбор макулатуры. Вот придумай что-нибудь такое, чтобы наш отряд вышел на первое место в школе. Вот подай какую-нибудь такую идею! А, Маршев?

— Надо подумать,— тихо сказал Родя.

— Легко сказать «подумать»! — снова вмешался Веня.— Ты знаешь, какое теперь трудное положение с макулатурой?

— А если было бы легкое, я бы не просила,— отрезала Зоя.

В городе, по примеру Москвы, стали выдавать специальные талоны тем, кто сдаст двадцать килограммов бумаги, и по этим талонам в магазинах продавали такие книги, которые за простые деньги трудно купить. Теперь старую макулатуру несли на приемные пункты многие взрослые. Рассчи-

тывать на то, что юные сборщики позвонят в квартиру и им тут же отвалят пачку старых журналов, теперь не пришлось.

— Ну как, Маршев? Подумаешь?

— Подумаю... Только я не уверен, что... ну... что-нибудь получится.

— Одним словом, Маршев, я жду,— сказала Зоя и направилась было во двор, но тут ее окликнул Веня:

— Зойка, погоди!

— Ну, жду. В чем дело? — С Веней Зоя предпочитала разговаривать суховаты, даже чуть-чуть надменно.

— Ты ведь, кажется, во Дворце пионеров занимаешься? Зоя посмотрела на дворец. Он находился в сотне метров от школы по другую сторону улицы.

— Занимаюсь. В кружке художественного чтения.

Тут уже с Роди слетела вся его застенчивость. Он шагнул к Зое:

— Понимаешь, Лadoшина... У нас такое дело: нам очень нужно узнать, что за помещение находится вон за теми окнами. Вон на втором этаже — четвертое, пятое и шестое от того угла. Только точно.

Зоя опять посмотрела на дворец.

— Так. Значит, первая с того конца по коридору будет лаборатория электроники. А рядом... Знаю! А зачем это вам?

Мальчишки переглянулись. Им не хотелось сообщать Зое о сделанном вчера наблюдении. Вдруг за окнами творится что-то неладное! Вдруг там какая-то тайна, которую они могут раскрыть! Каждый из них не то чтобы подумал об этом, а скорее это почувствовал, и оба теперь растерянно молчали.

Настроение у Зои было прекрасное, и она опять поболтала портфелем.

— Ох, Маршев, Маршев! И всегда ты что-нибудь выдумашь! Скажите, зачем это вам нужно, тогда я скажу, что там за помещение.

— Ну-ну... понимаешь,— с запинкой ответил Родя,— мы пока не можем тебе этого сказать.

— Можете, но не хотите, а не хотите — тогда как хотите! — Зоя повернулась и уже деловым шагом пошла к подъезду школы.

— Зойка! Ты человек или кто!..— крикнул Веня.

— Вот придумайте сегодня с макулатурой — тогда скажу,— не оборачиваясь, весело ответила Зоя.

Веня молча погрозил ей вслед кулаком, а Родя сказал ему:

— Ну чего ты волнуешься? Завтра пойдем записываться в «Разведчик» и сами всё узнаем.

Глава четвертая

До сих пор Зоины «активисты» делали все только по ее указанию. Но сегодня они отступили от этого неписаного правила. Пока Зоя разговаривала с Родей и Веней, они, встревоженные, стояли у двери в школу и совещались.

— Нет, мы ее уговорим, уговорим ее, уговорим,— бормотал редактор.— А то вся работа развалится, развалится вся работа.

— Това-арищи! — вдруг протянула Соня Барбарисова.— А вдруг Зою другие ребята не переизберут! Возьмут и откажутся переизбрать. Вы знаете, как некоторые наши девчонки ее ненавидят!

— Ага,— подхватила Катя Мухина.— Они почти все ей завидуют.

А ее сестра добавила:

— Они только и знают, что ее «воображалой» называют. И другие всякие гадости.

— Гадости? Девчонки про Зою гадости?— вдруг запищала Нюся Касаткина.— А мы тоже молчать не будем, мы тоже будем действовать!

— Это как действовать?— не понял редактор.

— А вот пойдёмте, я вам скажу как!

И уже через несколько минут все шестеро начали «действовать».

Едва только Веня и Родя вошли в школьный коридор, как перед ними предстала торжественная, вся какая-то вытянутая Соня Барбарисова.

— Рудаков и Маршев! Мне надо с вами очень серьезно поговорить.

— Пожалуйста,— сказал Родя.

— Скоро в нашей пионерской организации начнутся перевыборы. Вот, Рудаков, Маршев, скажите мне откровенно: за кого вы собираетесь голосовать?

— Почему я знаю!— ответил Веня.

— Не думал еще,— сказал Родя.

— Вот многие ребята собираются голосовать за Зою Лadoшину, и я тоже так думаю, что она самая достойная. Рудаков и Маршев, давайте все вместе проголосуем за Лadoшину! А?

— Я не против,— сказал Родя.

— За Лadoшину так за Лadoшину,— добавил Веня.

Когда приятели подходили к кабинету биологии, за спиной у них послышалось какое-то гудение:

— Маршев и Рудаков! Маршев и Рудаков! Погодите минутку, погодите минутку, погодите минутку!

Маршев и Рудаков узнали голос редактора. Они остановились, обернулись, а тот продолжал гудеть:

— Давайте проголосуем дружно на выборах за Лadoшину! Проголосуем дружно за Лadoшину! Проголосуем, проголосуем, проголосуем!

— Да ладно тебе, проголосуем! — с нетерпением ответил Веня и добавил: — Вот далась им эта Лadoшина!

А войдя в кабинет, друзья увидели, как перед столом силача Лешки Павлова стоит Соня Барбарисова и тянет:

— Па-а-авлов! Мне надо с тобой очень серьезно поговорить.

После первого урока произошел случай, сильно настороживший обоих друзей. Едва они вышли из кабинета на перемену, Родя вдруг стал как вкопанный, глядя куда-то вдоль коридора. Посмотрел в ту же сторону и Веня и ничего особенного не увидел, кроме какого-то незнакомого старика, приближавшегося к ним. Секундой позже Родя толкнул Веню локтем и прошептал:

— Смотри! Это же Купрум Эс!

Даже теперь Веня не сразу узнал учителя химии — так он вдруг изменился. Обычно Куприян Семенович, несмотря на свои семьдесят лет, держался по-военному прямо, всегда на нем был белоснежный воротничок и темный галстук, всегда его усики, почти такие же белые, как воротничок, были аккуратно подстрижены. Теперь к ним навстречу шел ссутулившийся и довольно неопрятный старик. Воротничок его был измят, словно он спал не раздеваясь, галстук съехал сантиметра на два вниз, щеки ввалились, и на них поблескивала седая щетина. Но хуже всего были у него глаза: какие-то выцветшие и вроде ничего не видящие перед собой.

— Что это с ним? Заболел? — тихо спросил Веня, когда Купрум Эс прошел.

— А что, если не заболел? — тоже вполголоса проговорил Родя. — Что, если ему... ну... не по себе!

— В каком смысле не по себе?

— Ну, в таком смысле, что его что-то мучает. Вот давай сопоставь фактики: по ночам свет горит в химической лаборатории, а теперь Купрум Эс... сам видишь какой. А что, если он знает, что у него в лаборатории что-то неладно! Что, если он знает, что там по ночам творится, и это его мучает!

Веня замотал головой.

— Нет, Родька! Ты уж в самом деле, как начнешь фантазировать!.. Во-первых, мы даже не знаем точно, химическая там лаборатория или нет. Во-вторых... ну, ты все-таки конкретно скажи, что его может мучить. Ну, что?

Родя помолчал, подумал.

— А давай предположим так: у Купрума Эса в лаборатории пропадают какие-нибудь приборы, и он от этого переживает. А приборы эти ворует тот, кто по ночам занавешивает окна.

Теперь помолчал и подумал Веня. Вдруг он резко повернулся к Роде:

— В общем, знаешь что? Давай подойдем к Купруму Эсу и скажем ему насчет окошек. Если он не знает про

ночной свет — значит, там действительно вору, и мы, выходит, поможем их разоблачить, а если знает — тогда получается, что все в порядке.

— Ну что ж... Это мысль...— Родя хотел еще что-то сказать, но тут к ним подошла Нюся Касаткина.

— Мальчики, мальчики!— запицала она.— Вы знаете, что приближаются перевыборы в совет отряда?

— Ну, знаем,— раздраженно ответил Веня.— Скажешь, что надо за Ладошину голосовать?

— Мальчики, только за Ладошину, только за Ладошину и ни за кого больше! Мальчики, вы поймите, что она у нас самая достойная, что она у нас самая...

— Ладно! Вали отсюда!— сказал Веня и, взяв Родю за локоть, повел его прочь от Касаткиной. Но Родя не захотел обижать Нюсю и объяснил ей через плечо:

— Мы уже сказали, что будем голосовать за Ладошину.

Во время большой перемены они снова увидели химика в коридоре. Некоторое время приятели шли за ним, не решаясь заговорить, потом все-таки набрались храбрости, забежали вперед и остановились перед Купрумом Эсом.

— Куприян Семенович извините, пожалуйста! — очень вежливо начал Родя.— Можно с вами поговорить?

Куприян Семенович резко остановился и странно дернулся, словно его ударило током.

— А? Да-да!..— быстро сказал он, глядя мимо мальчишек своими невидящими глазами. Потом он взглянул на Родю более внимательно и повторил:— Да-да!.. Пожалуйста!

Родя определенно не знал, с чего начать разговор, поэтому тянул:

— Вы нас не знаете, Куприян Семенович, но разрешите вас все-таки спросить.

— Пожалуйста!— коротко повторил Купрум Эс.

— Вы ведь, кажется, ведете во дворце химический кружок?

— Не химический. Я руковожу секцией биохимии. Да. Вот так!

Теперь учитель очень внимательно, даже чересчур внимательно, как показалось Роде, смотрел на него. И Родя вдруг решил не мудрить, а говорить напрямик.

— Понимаете, Куприян Семенович... Мы просто хотели вас предупредить. Ведь ваша лаборатория... она находится рядом с... этой самой... с лабораторией электроники?

— Да. Электроники и автоматики. Только позвольте, о чем... о чем вы, собственно, хотели меня предупредить?

В разговор наконец вступил Веня:

— Понимаете, Куприян Семенович... мы заметили, что там ночью у вас свет горит. Кто-то зажигает. А мы знаем, что по ночам Дворец пионеров заперт.

— Это глу... это г-глупости!— тихим подрагивающим голосом проговорил Купрум Эс.— Там не может быть никакого света, и вы... и вы его видеть не могли. Вот так! Да! И это... и это очень непорядочно распускать такие глупые и панические слухи. Да! Извините, я тороплюсь. Меня ждут... Меня в учительской ждут...

И Купрум Эс быстро зашагал прочь от мальчишек, ссутулившись и сжав костлявые опущенные кулаки. Друзья молча смотрели ему вслед, как вдруг перед ними возникли сестры Мухины.

— Ребята, послушайте, за кого вы будете голосовать на выборах? — спросила Настя.

Веня замахнулся на сестер кулаком, а Родя быстро сказал:

— За Лadoшину, за Лadoшину, успо...— Он не договорил, потому что увидел, что к ним возвращается Купрум Эс. Учитель химии остановился шагах в пяти от них.

— Мальчишки! Прошу вас... прошу вас на два слова ко мне!

Сестры Мухины испарились, а ребята подошли к учителю.

— Вы... вы меня простите... Я был неправ. Да. Неправ,— заговорил Купрум Эс, понизив голос и озираясь.— Если вы не ошибаетесь, то это... это действительно очень странно и... и очень подозрительно. Вот так! И теперь... и теперь я прошу, скажите мне, где и каким образом вы видели свет. И когда? Вот именно: когда?

Ребята не стали говорить об астрономической трубе, а просто рассказали учителю, в каких окнах они заметили свет, и добавили, что свет этот пробивается в щели над черными шторами. Приблизительно назвали время, когда они наблюдали это явление.

Купрум Эс слушал их, тиская перед грудью тонкие пальцы одной руки пальцами другой. Светло-голубые глаза его то снова становились невидящими, то вдруг впивались в Родю и Веню. После того как ребята закончили свой рассказ, он долго молчал и вдруг словно опомнился:

— Да! Все это очень странно и... и очень подозрительно. Да! Вот так! Тебя как зовут?

— Родя Маршев.

— Родя Маршев. Очень хорошо! А... а тебя?

— Рудаков Веня.

— Да... Значит, Веня Рудаков. Родя Маршев и Веня Рудаков. Очень хорошо! Да!— Он помолчал, озираясь по сторонам, потом снова заговорил:— Значит, тебя — Родя, а тебя... тебя — Веня? Значит, так, Родя и Веня. Мы — таким образом: мы будем молчать. Вот именно: молчать. И мы расследуем. Мы расследуем это дело. Я... я сегодня же этим займусь, сегодня же. Да! Но если мы расскажем кому-нибудь, мы можем спугнуть этих... которые забираются. Вы согласны со мной, что надо молчать? Что надо... ничего и никому? Согласны?

Ребята кивнули, пробормотали, что согласны.

— И вы даете слово, что никому? Не расскажете никому? По крайней мере три дня. Вот так! Да. Три дня?

— Даем,—почти одновременно сказали Родя и Веня.

— Благодарю!.. Благодарю!..—Купрум Эс пожал им по очереди руки.— И мы этим займемся. Я сегодня же... сегодня же займусь... Вот так. Да! Мы их найдем, этих зло... злоумышленников. Мы их найдем! Да! Всего хорошего!

Купрум Эс быстро удалился.

— Родь!.. — сказал Веня.— А тебе не кажется, что он сам какой-то... ну, подозрительный, что ли?

— Кажется,— тихо ответил Родя.

За спиной у ребят раздался свирепый голос Лешки Павлова:

— Да отстаньте вы от меня с вашей Ладошиной! Сказал, что проголосую!

Обернувшись, они увидели, как от силача брызнули в разные стороны сестры Мухины.

Глава пятая

После пятого урока в кабинет вошла Дина Коваль. Она произнесла маленькую речь о значении сбора макулатуры для нашей страны. Затем она предложила ребятам разойтись по домам, пообедать, а к трем часам собраться в школьном дворе.

Как только речь зашла о сборе макулатуры, Родя вспомнил разговор с Зоей у ворот школьного двора. Он вспомнил, как Зоя назвала его человеком умным, «со всякими идеями в голове», что было, конечно, очень лестно; вспомнил, как она попросила его придумать что-нибудь такое, что помогло бы отряду выйти на первое место. Вспомнил Родя и устремленные на него Зоины глаза, большие, черные, с длиннющими ресницами. Вспомнил и стал думать.

Как всегда, Маршев и Рудаков шли домой вместе. Веня говорил все о тех же зашторенных окнах, о странном поведении Купрума Эса. Родя машинально поддакивал ему, а сам ломал себе голову над тем, где еще, кроме жилых квар-

тир, можно раздобыть старую бумагу. Потом Веня заговорил о том, как они пойдут завтра во Дворец пионеров записываться в общество «Разведчик». Родя по-прежнему поддакивал ему, а сам продолжал думать все о той же макулатуре, все о той же бумтаре.

Стоп! Почему у него в голове возникло это странное слово «бумтара»? И что оно означает? «Бумтара... Бумтара...» Ведь это похоже на сокращенное «бумажная тара»! Где, когда, каким образом это слово попало в его, Родину, память?

Приятели вошли в подъезд. Веня поднялся в лифте на пятый этаж, Родя поехал к себе на девятый. Отца дома не было. Он пошел к Рудаковым играть в шахматы с Вениным папой. Мать принялась кормить Родю обедом. Временами она хлопала себя ладонями по бедрам и говорила примерно так:

«Ну! Опять застыл! Опять на стенку уставился! Опять изобретаешь что-нибудь, горе ты мое!»

А Родя действительно временами застывал с непрожеванной котлетой во рту, глядя на кафельную стену. Если бы он мог взглянуть на себя со стороны, он бы убедился, что глаза его в подобные минуты чем-то напоминают глаза Купрума Эса — такие же широко открытые и такие же невидящие.

Итак, «бумажная тара». Неожиданно Родя обнаружил, что в голове у него звучит не одно только существительное — «бумтара», к нему откуда-то прибавилось и прилагательное: «проклятая бумтара». Где он слышал это выражение? Стоп, стоп!.. Теперь откуда-то выплыли еще и другие слова: «Мы пропадаем от этой проклятой бумтары».

— Вот что, товарищ Маршев! — сказала в этот момент мама. — Будешь ты есть, наконец, или мне убрать тарелку?

И едва только мама сказала «товарищ Маршев», как Родя полностью вспомнил фразу, услышанную им вчера: «Товарищ Ершов! Мы пропадаем от этой проклятой бумтары!»

— Все, мам! — сказал Родя. Он показал матери большой палец и с невероятной быстротой стал набивать рот кусками котлет и жареной картошки.

— Изобрел что-нибудь? — спросила мама.

Родя только помотал головой и снова поднял большой палец. Теперь он помнил все до малейших подробностей. Вчера после школы он зашел в магазин «Хозтовары» купить клей для своей трубы и, стоя у прилавка, услышал сердитый женский голос, доносившийся из служебного помещения. Кто-то говорил там по телефону:

«Товарищ Ершов! Мы же погибаем от этой проклятой бумтары! У нас килограммов двести ее скопилось, нам повернуться негде из-за нее, а вы — машина в ремонте да машина в ремонте! Как до вторника?! Да не можем мы ждать до вторника! Товарищ Ершов! Алло! Товарищ Ершов!..»

Чем окончился этот разговор, Родя, конечно, ждать не стал: ведь тогда это его нисколько не интересовало. Теперь он, чуть не подавившись, проглотил второе, выпил стакан киселя и, не отвечая на вопросы матери, бросился к двери. Было без двадцати пяти два. Через десять минут магазин, который находился недалеко от школы, должен был закрыться на обеденный перерыв.

Почти всю дорогу Родя мчался бегом, а метров за пятьдесят до магазина перешел на шаг. Он понимал, что будет несолидно вести деловые разговоры, пыхтя как паровоз.

Магазин был небольшой. В нем работали только две продавщицы да кассирша. Родя обратился к одной из продавщиц:

— Скажите, можно видеть заведующего?

— А зачем она тебе?

— По одному вопросу. Меня из школы прислали. Из двадцать восьмой, — соврал Родя.

Продавщица указала ему на дверь за прилавком, и он очутился в небольшом коридоре. Ему сразу бросились в глаза картонные коробки, громоздившиеся вдоль одной из

стен. Нетрудно было догадаться, что это и есть бумажная тара: полуразвалившиеся коробки стояли друг на друге в несколько рядов, и из всех щелей между рядами и в углах коробок торчали куски плотной бумаги — белой, коричневой, голубой...

Родя легко нашел маленький кабинет завмага и увидел за столом полную женщину с розовым лицом и очень высокой ярко-желтой прической.

— Зачем пожаловал, мальчик? — довольно строго спросила она, перебрасывая кружочки на счетах.

Волнуясь, Родя пролопотал заранее отрепетированную

фразу. Мол, у них сегодня в школе сбор макулатуры, и не может ли магазин отдать ребятам бумажную тару.

Заведующая сразу забыла про счета. Она откинулась на спинку стула и секунды две смотрела на Родю широко открытыми глазами.

— Ах ты солнышко мое! — сказала она ласково, вскочила, взяла Родю за руку и вывела его в помещение магазина.

— Тоня! Валя! — сказала она громко. — Смотрите, какой спаситель у нас явился! Школьники тару заберут!

И заведующая провела Родю по всем местам, где у нее хранилась бумажная тара. Кипы бумаги и картонные коробки, набитые ею, лежали у нее в подвале на складе, там же, где на стеллажах хранились коробки еще не распечатанные, с товарами. Кучу «бумтары» Родя увидел во дворе возле задней двери магазина... Показывая Роде все это богатство, заведующая говорила о том, как ей грозит штрафом пожарная охрана, какие неприятности у нее с домоуправлением из-за того, что она загромождает своей тарой двор.

— Даешь слово, что все сегодня заберете? — спросила она Родю на прощание.

— Даю! — ответил он и помчался домой.

Вбежав в квартиру, он позвонил Вене, сказал, чтобы тот немедленно явился к нему. Веня пришел и сразу оценил значение сделанного Родей открытия.

— Только тут надо с умом действовать, — сказал он. — А то другие классы узнают и нагрянут в магазин.

— А я о чем говорю? Эту операцию надо молниеносно провести. Во-первых, нужно мобилизовать других ребят, а во-вторых, нужно о транспорте подумать. Старыми методами тут ничего не сделаешь.

Под старыми методами Родя подразумевал авоськи, в которых ребята обычно таскали собранную макулатуру, да шпагат, которым они перевязывали пачки старых газет и журналов.

— Николаевы детскую коляску выкидывать собира-

лись, — сказал Веня. — Старомодную. Может, не выкинули еще.

Он отправился за коляской, а Родя позвонил Лешке Павлову. Тот в свою очередь обещал позвонить другим ребятам и как-нибудь решить проблему транспорта.

Так уж получилось, что в первый же год существования двадцать восьмой школы сбор старой бумаги и металлического лома стал здесь занятием увлекательным, тогда как в иных школах он являлся довольно скучной повинностью. Пожалуй, в этом заслуга Надежды Сергеевны — заместителя директора школы по воспитательной работе, которой часто приходилось заменять больную старшую вожатую. С самого начала она внесла дух соревнования в такие дела и всячески поддерживала его.

Вот и сегодня во дворе школы, словно первого сентября, собрались несколько сот ребят. Их уже поджидали вожатые, с тем чтобы построить свой отряд, подсчитать, сколько человек пришло, и рапортовать об этом Надежде Сергеевне. Все знали, что она появится на каменном крыльце школы ровно в три часа, а сейчас перед крыльцом толпились специально выделенные учетчики. Каждому завхоз выдавал безмен, чтобы взвешивать принесенную макулатуру, и каждый прикалывал себе на грудь тетрадный листок с обозначением класса, достижения которого ему предстояло учитывать.

Когда почти все были в сборе, во двор гуськом втянулась кучка мальчишек из пятого «Б». Первым шел Веня с допотопной детской коляской на высоких железных колесах, с кузовом, сплетенным из потемневших ивовых прутьев. За Веней шел Родя со старым отцовским рюкзаком за плечами. Рюкзак был так велик, что низ его болтался у Роди где-то под коленками. За Веней следовал Валерка Иванов. У него тоже был рюкзак, но уже поменьше, зато на плече, как лассо у ковбоя, висела свернутая кольцом бельевая веревка. Предпоследним был силач Леша Павлов, который толкал перед со-

бой деревянную тачку. Шествие замыкал Леня Марков. Он шагал належке.

Это шествие очень развеселило собравшихся ребят.

— Во дают! Во комики! — закричали в хохочущей толпе, а Дина Коваль нахмурилась. Все знали, как трудно стало теперь собирать бумагу, и все были уверены, что мальчишки из пятого «Б» просто хотят подурачиться. Одна только Зоя догадалась, что это неспроста.

— Придумал что-нибудь? — тихо спросила она Родю.

— Похоже, — так же тихо ответил тот. — Лишь бы только не сорвалось.

Появилась Надежда Сергеевна — маленькая круглолицая женщина лет тридцати пяти. Ребята обратили ее внимание на коляску, тачку и рюкзаки. Голос у маленькой Надежды Сергеевны был удивительно чистый и звонкий, и она сказала без всякого усилия на весь двор:

— Ну что ж, родненькие мои, шутка вещь хорошая. Теперь посмотрим, как шутники умеют работать.

Она зачитала список, и тут выяснилось, что пятому «Б» предстоит идти на Логовую, а не на улицу Нинели Калачевой, где находится магазин «Хозтовары».

— Ну, это дудки! — сказал Веня.

— Придется орудовать на чужой территории, — проворчал Павлов.

— Победителей не судят, — закончил Родя.

Наша пятерка прибегла к обманному маневру. Сначала они вместе с другими ребятами пошли на Логовую, а когда сборщики рассосались по жилым домам, быстро повернули назад.

Через полчаса они явились на школьный двор в том же порядке, в каком вошли первый раз. Только у Вени коляска была наполнена бумагой и кусками картона, а сверху еще стояли две коробки, наполненные тем же добром. Рюкзак у Роди был так набит бумагой, что самого Родю даже трудно было заметить: казалось, что это идет сам

рюкзак на ножках в джинсах, шатаясь от собственной тяжести. Валерка Иванов, помимо рюкзака, тащил в обнимку еще одну коробку, а тачку везли вдвоем Леша Павлов и Леня Марков. Сама тачка, как и детская коляска, была наполнена бумагой, а сверху, привязанные к тачке веревкой, возвышались уже не две, а пять коробок.

Нечего и говорить, какое впечатление произвело все это на окружающих. Даже Дина Коваль, давно утратившая интерес к своим пионерам, просияла и побежала в школу звать Надежду Сергеевну. Нашу пятерку обступила изрядная толпа: тут были вожатые, свободные от работы учетчики, были ребята, уже притащившие макулатуру. Все смотрели, как учетчик пятого «Б», восьмиклассник Митя Борин, взвешивает доставленное мальчишками богатство. А тот совсем запарился: его безмен мог взвешивать только до десяти килограммов, но почти каждая коробка и каждый рюкзак весили больше. Пришлось делить «бумтару» на мелкие порции, перевязывать их веревкой и каждую порцию взвешивать отдельно.

— Пятьдесят два килограмма! — объявил Борин, кончив взвешивать содержимое тачки. Он вытер пот со лба рукавом, извлек из кармана список пятого «Б» и устало взглянул на Павлова с Марковым. — Это вы привезли? Говорите фамилии! По двадцать шесть килограммов на каждого.

Но тут Лешка с Леней благородно запротестовали: они сказали, что основная идея принадлежит Маршеву, поэтому большая часть добычи должна быть записана на его имя. Родя в свою очередь благородно запротестовал, и в конце концов было решено разделить всю доставленную макулатуру на пять равных частей.

— Всего, значит, сто одиннадцать килограммов, — объявил учетчик, закончив взвешивание.

И тут все услышали голос Надежды Сергеевны:

— Родненькие мои! Как же вы это умудрились?

Она стояла, склонив голову набок, прижав сложенные

ладони к пухлой щеке, и во все глаза смотрела на грудку бумаги и картона.

Веня ухмыльнулся:

— Военная тайна, Надежда Сергеевна.

— Голубчики! Да я ведь спать сегодня не буду! Я ведь заболеть могу от любопытства!

Тут «голубчики» не выдержали, рассказали всю правду, и вожатая шестого «А» вознегодовала:

— Надежда Сергеевна! Это же... это же вроде браконьерства получается! На улице Калачевой наш отряд собирает, а они... Нет, это настоящее браконьерство!

Надежда Сергеевна подняла голову. Она была меньше ростом, чем вожатая.

— А твой отряд, лапушка, додумался заглянуть в «Хозтовары»?

Ответа не последовало.

Ребята снова пустились в магазин, где осталось примерно половина того, что они уже притащили. Когда мальчишки сгружали очередную добычу, во двор уже вернулось много других сборщиков. Каждый принес килограмма четыре бумаги, самое большее — шесть. Пришла и Зоя вместе с сестрами Мухиными.

— Что, Ладошина, неплохие у Родьки появляются идейки? — весело спросил Веня. Он подвел Зою к учетчику и показал цифры, записанные у того на листке.

Ладошина была потрясена, но ничем этого не выдала.

— А я и так знала, что Маршев что-нибудь придумает, — сказала она и с удовольствием заметила, что веснушки на лице у Роды побледнели, потому что он покраснел.

Глава шестая

К вечеру небо затянуло тучами, наблюдать луну было нельзя. Перед тем как улечься спать, Родя осмотрел три подозрительных окна на фасаде Дворца пионеров. Все окна

были темны. Впрочем, нет! Что-то похожее на тонюсенькую и очень бледную полоску света пробивалось в верхней части одного из окон. Родя долго, до ломоты в глазах, приглядывался к ней, но так и не смог понять: показалось ему это или нет.

Утром (это ведь было воскресенье), сразу после завтрака явился Веня, и приятели решили придать астрономической трубе более достойный вид. Они выкрасили ее черной краской для кожи, которую Родя нашел в хозяйстве отца. Краска была блестящая, на ацетоне. Она быстро высохла, и картонную трубу стало трудно отличить от металлической или пластмассовой. Громоздкую треногу друга оставили дома.

Часов около двенадцати они вошли во дворец. Несмотря на воскресный день, в вестибюле было тихо. Только откуда-то сверху доносились звуки аккордеона и пение. Напротив входной двери за столиком с телефоном сидела женщина в черном халате. Она спросила:

— Вы в какой кружок, молодые люди?

Родя немного растерялся, но Веня быстро ответил:

— А мы еще ни в какой. Мы только записываться.

— Тогда к дежурному педагогу ступайте. Вон в ту дверь. Ребята направились было к двери в конце вестибюля, но вдруг Веня свернул к стене направо.

— Давай-ка посмотрим,— сказал он.

На специальной доске висело два больших разграфленных листа бумаги. На одном сверху было написано: «Расписание занятий кружков и коллективов». Тут значился и театральный коллектив, и хореографический, и струнный, были здесь кружки лепки и рисования, кройки и шитья, и «Умелые руки»... Ребята не дочитали расписание до конца. Оно их не интересовало. Но рядом висел другой лист, над которым красовался заголовок: «Расписание занятий секций общества «Разведчик».

— Во! Гляди! — сказал Веня и стал читать вслух: —

«Секция кибернетики»! «Электроники и автоматики»! «Бионики»! Что такое бионика?

Прежде чем ответить, Родя почесал макушку:

— Ну, это примерно так... Вот, например, летучая мышь... Она летает в полной темноте и ни на что не натывается.

— А! Знаю! У них там что-то вроде радиолокатора. Только не радио, а этим... как его... ультразвуком.

— Ну да. А птицы во время перелета еще как-то ориентируются. Вот люди и стараются узнать, как это у них получается, чтобы использовать это дело в технике.

— Так! Едем дальше. «Секция математики». Что же, они сидят да задачки решают? Мало я с ними в школе мучаюсь! «Энтомология», «Геология»... Во! «Секция биохимии. Ведет К. С. Дрогин». «Ка Эс» — это Куприян Семенович, Купрум Эс, одним словом. Гляди! У него две группы занимаются: одна по воскресеньям и четвергам, а другая по вторникам и субботам. С шести тридцати. А когда кончаются занятия, не указано.

— Значит, он и сегодня вечером будет заниматься.— Родя пробежал глазами все расписание до конца и сказал: — Слушай-ка! А ведь тут секции астрономии нет. Куда же нам записываться?

Веня некоторое время молчал, глядя на расписание.

— Вот это да! — наконец проговорил он.— На Луну летают, на Марс, на Венеру, всякие там автоматические станции... а тут даже астрономии нет.— Он помолчал и повернулся к Роде: — Что будем делать?

— Может, давай запишемся к Купруму Эсу, на биохимию? Заодно разведем, что там у него с этими окнами.

— А ты знаешь, с чем ее едят, эту биохимию?

— Н-ну... это, наверное, химия пополам с биологией.

— А точнее?

Химию Родя с Веней еще не проходили, но химическими экспериментами занимались еще в прошлом году, когда учились в четвертом классе в старой школе. Родя нашел

учебник химии, по которому учился еще его папа. Веня стащил у отца граммов пятьдесят аккумуляторной кислоты, и они развели ее по всем правилам, как было указано в учебнике: наливая кислоту в воду, а не наоборот. Затем они выковыряли цинк из старых батареек, нарезали его на мелкие кусочки и смешали все это в бутылке с разбавленной кислотой. На горлышко бутылки они нацепили оболочку воздушного шарика, купленного в игрушечном отделе универмага. Цинк очень хорошо реагировал с кислотой, даже слышно было, как шипят пузырьки водорода в бутылке, но шарик надувался медленно. Экспериментаторам надоело ждать, и они решили посмотреть, как водород горит. Пока Родя зажимал ладонью горлышко бутылки, Веня сбегал в кухню и принес спички. Бутылка, к счастью, не разорвалась, но водород так хлопнул, что прибежала Венина мама и тут же выбросила «лабораторию» в мусоропровод.

— А точнее? — повторил вопрос Веня.

— Ну, понимаешь, это смесь биологии и химии.

— Что «химия пополам с биологией», что «смесь биологии и химии» — это же один черт! В общем, ты в этом деле понимаешь не больше меня.

— Ага,— согласился Родя.

— Ну, вот придем мы сейчас к дежурному педагогу, а он спросит: «А что вас, собственно, интересует в этой самой биохимии?» Тогда что?

— Конечно, глупо получается... — Родя подумал. — Слушай! А давай придем и откровенно скажем: «Мы хотим не только мастерить что-нибудь, как в кружке «Умелые руки», а заниматься чем-нибудь более серьезным — что-нибудь исследовать, изобретать... Вот чем вы нам посоветуете заняться?»

— Ладно! Давай так. Только на черта мы трубу тогда притащили?

— Ну, пусть видит, что мы не игрушки какие-нибудь умеем делать.

Прятели подошли к указанной им двери и постучали.

— Да! — послышался низкий голос.

Ребята вошли в маленький кабинетик и увидели сидящую за столом пожилую женщину, сухую, со впалыми щеками и с черными, с яркой проседью, волосами.

— Чем могу служить, ребята? — спросила она басом.

Друзья помолчали, оробев. Потом Веня тронул Родю локтем, и тот заговорил, держа трубу двумя руками перед грудью:

— Здравствуйте! Мы хотим записаться в общество «Разведчик».

— Ничего не выйдет, дорогие. В «Разведчик» мы записываем начиная с седьмого класса, а вы, судя по вашему виду, этого возраста еще не достигли.— Она помолчала, глядя на трубу.— Что это у тебя?

— Труба... астрономическая.

— Самодельная,— добавил Веня.— Мы думали, у вас астрономическая секция есть, и хотели в нее записаться, а теперь...— Веня запнулся.

— А теперь?— спросила женщина.

— А теперь мы думали, что вы нам посоветуете, чем бы заняться.

— Ну чем именно?

— Ну, что-нибудь исследовать... или сконструировать что-нибудь... Полезное что-нибудь такое.

— Увы, друзья,— твердо сказала женщина.— В общество «Разведчик» принимаются ребята с более основательными знаниями. Это во-первых. А во-вторых, вот вы даже сами еще не знаете, что хотите исследовать, что конструировать. А ведь к нам идет молодежь с уже определившимися интересами. Так что милости просим годика через два.

Ребята двинулись было к двери, но Родя вдруг остановился.

— Странно! — сказал он, вдруг осмелев.— Дворец пионеров, а занимаются тут все больше комсомольцы.

— Ошибаешься, дорогой: не Дворец пионеров, а Дворец пионеров и школьников. А среди школьников могут быть и десятиклассники. Кроме того, для ребят вашего возраста у нас двадцать два кружка и коллектива. На выбор!

Ребята невнятно пробормотали «До свидания» и ушли. На душе у обоих было кисло.

— По-дурацки все получилось,— сказал Родя.— Надо было сначала придумать что-нибудь определенное — чем хотим заниматься, а тогда уж разговаривать.

— Ага. А то пришли как идиотики,— согласился Веня. Вдруг он повертел головой, оглядываясь, схватил Родю за руку и шепнул: — Ну-ка... пошли!

Родя сразу понял своего друга. Слева от двери вела наверх лестница; техничка, сидевшая в вестибюле, смотрела в сторону, противоположную от ребят, а там, наверху, находилась лаборатория биохимии, которая так их интересовала. Вдруг дверь ее открыта? Вдруг в эту лабораторию можно заглянуть? Ни Родя, ни Веня не думали, зачем им, собственно, туда заглядывать и что они в результате этого заглядывания смогут узнать. Оба шмыгнули к лестнице, на цыпочках поднялись по ней и очутились в широком, уходившем вправо коридоре. Здесь было так же пусто и тихо, как в вестибюле, только сверху по-прежнему доносилась музыка и пение. Прямо напротив лестницы находилась дверь с табличкой: «Лаборатория электроники и автоматики».

— Видал? — тихо сказал Веня.— Это самая крайняя комната. Тут, считай, три окна. А теперь пошли сюда!

Он повел Родю направо и остановился перед следующей дверью, на которой висела табличка: «Лаборатория биохимии». Все точно! Там первое, второе и третье окно, а здесь — четвертое, пятое и шестое.

Родя попробовал открыть дверь, но она была заперта. Больше тут делать было нечего, и друзья направились обратно к лестнице, но, прежде чем свернуть на площадку,

Родя остановился. К глухой торцовой стене коридора были прислонены большие щиты. Самый крупный из них был шириной метра в два, а высотой — все два с половиной. Наверху его Родя прочел надпись: «Периодическая система Менделеева».

Друзья вышли на площадку лестницы. Тут Родя опять остановился и стал смотреть на щиты сбоку. Остановился и Веня. Щиты были прислонены к стене с большим наклоном. Подумав немного, Родя вдруг опустился на четвереньки и уполз в темное пространство между щитами и стеной. Держась ладонями за коленки, Веня с недоумением смотрел вслед своему другу. Секунд через пятнадцать Родя вернулся.

— Видал? — сказал он, отряхивая ладони и брюки. — Там даже сидеть можно, только голова немного упирается.

— Па-а-анятно,— протянул Веня.

— А что именно тебе понятно?

— Ну, те, кто в лабораторию пробирается, могут сначала тут спрятаться, а потом, когда все уйдут...

— Я не об этом думал. Я думал о том, что мы сами здесь можем засаду устроить.

— Гм! Засаду? Так ведь это же на всю ночь! А что родители скажут?

— Что-нибудь придумать для них придется, чтобы не волновались. А может, и вообще не надо будет никакой засады. Понаблюдаем еще разок за окнами, посмотрим, что скажет завтра Купрум Эс... Может, он уже в милицию заявил, и она сама засаду устроит.

— А ну-ка дай я погляжу,— сказал Веня и, став на карачки, тоже уполз за щиты.

— Ну как? — спросил его Родя, когда он вернулся.

— Нормально. Лишь бы кто-нибудь заглянуть не догадался, когда мы тут будем сидеть. Пошли!

Приятели повернулись, шагнули на площадку да так и

застыли. Перед ними на лестнице, несколькими ступеньками ниже, стояла Зойка Ладощина и серьезно смотрела на них своими черными глазами.

Очень долго длилось молчание. У Вени даже челюсть свело от удивления и досады. Наконец, он выдавил с трудом:

— Ты... ты что тут?

— Я подымалась по лестнице, увидела, как Маршев вылезает из-за этих штук, ну... и я пошла уже потише. И я все слышала.

— А ты... ты почему во дворце? — снова спросил Веня, хотя этот вопрос его нисколько не интересовал.

— Я тут в кружке занимаюсь. Художественного слова. У нас сегодня репетиция внеочередная. К Майским праздникам.— Зоя помолчала, посмотрела в упор на Родю, на Веню.— Мальчишки, ну а теперь говорите: кто забирается в лабораторию и при чем тут Купрум Эс?

— Мы не имеем права этого сказать,— как можно тверже ответил Родя, а Веня добавил:

— Мы дали слово никому не говорить.

Снизу на лестнице появились сразу три девочки. Они поздоровались с Зоей и прошли на третий этаж. Только они исчезли из виду, как внизу появились еще две девочки. Члены кружка художественного слова начали собираться.

— Ну-ка пойдете! — сказала Зоя и, взяв ребят за рукава, увела их в коридор второго этажа, где по-прежнему никого не было.— Мальчишки, слушайте! — решительно заговорила она, сдвинув брови.— Куприян Семенович — наш знакомый. Он даже какой-то дальний родственник моей бабушки. И если вы мне ничего не скажете, я ему сама расскажу, как вас тут увидела, как вы ползали вон там, как вы говорили, что к нему в лабораторию кто-то забирается. Понятно теперь?

— Но... Ну, мы же слово дали! — сказал Родя.

— А теперь еще слушайте! Если вы мне расскажете, я

вам сама кое-что расскажу. Его родные замечают, что с ним неладное творится. Да и я замечаю, какой он странный стал. Ну?

И ребята не выдержали. Они рассказали Зое про светящиеся щели на окнах и про разговор с Купрумом Эсом.

— Ну, теперь что ты скажешь? — спросил Веня Зою.

Зоя подумала, опустив голову, прикусив нижнюю губу. Потом обратилась к Роде:

— Значит, он сначала сказал, что все это глупости и что нехорошо распускать такие слухи. Так?

— Так, — подтвердил Родя.

— А потом он вернулся и стал просить, чтобы вы ничего не говорили?

— Ну да. Чтобы не спугнуть этих... кто в лабораторию забирается.

Зоя снова потупилась, прикусила губу. На этот раз она пребывала в раздумье что-то очень уж долго. Наконец она подняла голову.

— А теперь вы дайте мне слово, что никому не разболтаете про то, что я вам скажу.

— Даю честное слово, что никому не разболтаю, — сказал Родя, и Веня повторил эту фразу.

— Очень может быть... — медленно проговорила Зоя. — Очень может быть, что он сам туда забирается.

Тут Родя посмотрел на Веню, Веня посмотрел на Родю, и каждый невольно отметил, что вид у его друга очень глупый.

— Вот это да-а-а-а!.. — протянул Веня.

— А почему... а почему ты так думаешь? — спросил Родя.

— К нам недавно приходила его жена — бабушкина приятельница, — и она говорила, что Купрум Эс как-то странно стал себя вести.

— В каком смысле странно?

— Стал по ночам пропадать. То скажет, что в кино пой-

дет на последний сеанс, а раньше его в кино было не за- тащить... То скажет, что у него совещание в районе и вернет- ся в час ночи... А то просто уйдет прогуляться — и опять до часу... И весь дерганый какой-то... и до утра часто не спит...

— Да, Родька! Тут, похоже, что-то есть,— сказал Вени и обратился к Зое: — А что, он всегда был такой... немножко с приветом?

— Бабушка говорит, что он раньше настоящим ученым был. Он в каком-то очень важном институте работал, и у него эти... научные труды есть. Он даже бабушке одну свою книжку когда-то подарил. «Химия человеческого мозга» называется. С надписью.

— А почему он простым учителем стал? — спросил Родя.

— Ну, какие-то неприятности у него в институте получились. Он ушел и стал учителем. Ой, товарищи, мне пора, я на репетицию опаздываю,— сказала Зоя другим тоном и пошла к лестнице.— Мы с вами еще об этом поговорим, толь- ко не разболтайте никому,— добавила она, обернувшись.

Друзья тоже направились к выходу. Шли они очень мед- ленно, останавливаясь через каждые два-три шага. Идя по коридору и спускаясь по лестнице, они обсудили такие вопросы.

Если в лабораторию в самом деле проникает Купрум Эс, тогда, возможно, он вернулся к научной работе и производит какие-нибудь опыты. Но почему он это делает тайно? На этот вопрос могло быть только два ответа. Первый: опыты Куп- рума Эса имеют оборонное значение. Второй: Купрум Эс свихнулся и сам затевает что-нибудь недоброе — например, готовит взрывчатку или яд.

Было еще одно предположение, которое высказал Родя: может быть, Зоя ошибается, и в лаборатории орудуют посто- ронние.

Друзья так обалдели от всех этих предположений, что с удовольствием выскочили на свежий воздух.

Глава седьмая

Выбежав из дворца, они тут же встретили свою одноклассницу Лялю Данилову, которую в шутку звали Круглой Отличницей, хотя среди ее отметок имелись и четверки. У Ляли была круглая физиономия, круглые очки на курносом носу и волосы все в круглых завитушках. Только фигурка у нее была тоненькая, стройная. Она шла во дворец с красной картонной папкой в руке.

Ребята поздоровались с ней.

— Ты что, занимаешься здесь?

— Нет, я записываться...

— В какой кружок?

— Я не в кружок, я в научное общество.

— Куда-куда? — хором спросили мальчишки.

— В научное общество «Разведчик».

Ребята захохотали.

— Во, Родька, не только мы дураки! — воскликнул Веня и тут же рассказал Ляле, как им предложили явиться «годика через два».

— Я знаю, что записывают с седьмого класса, — спокойно ответила Ляля, — но меня, может быть, примут. В порядке исключения.

Она поднялась по ступенькам дворца и скрылась за дверью, а ребята уставились ей вслед.

— Видал? — сказал Веня. — «В порядке исключения»!

А Родя предложил:

— Давай походим тут, подождем, что у нее получится.

Приятели походили в небольшом парке перед дворцом минут пять или семь и снова увидели Лялю с ее красной папкой. Губы ее были сильно втянуты в рот.

— Что, не приняли? — догадался Веня.

— Нет, — коротко ответила Круглая Отличница и прошла мимо ребят. Но те двинулись за ней.

— Слушай,— сказал Родя,— а почему ты решила, что тебе сделают исключение?

— Мне старший брат сказал, что, может быть, сделают. Он говорит, что моя работа очень серьезная. Он сам член общества, только в другой секции.

— А что у тебя за работа? — спросил Веня.

— Я пустельгу прошлым летом изучала.

— Кого?

— Пустельгу. Это маленький сокол такой.

— Постой! А как ты его изучала? Расскажи подробней,— попросил Родя.

— Я летом жила у дяди в охотничьем хозяйстве, и он мне сказал, что пустельгу многие считают вредным хищником потому, что она уничтожает мелких полезных птиц. Охотники ее за это стреляют. А дядя много лет в лесу живет и ни разу не видел, чтобы пустельга охотилась на птиц. Вот он и посоветовал мне понаблюдать за пустельгой.

Ребят все это заинтересовало, и Круглая Отличница рассказала, как она вела свои наблюдения.

Дядя показал ей несколько сосен, на которых были гнезда пустельги. Самки в это время сидели на яйцах, а самцы занимались охотой. Дядя же научил Лялю самой простой маскировке: подбравшись поближе к сосне с гнездом, она связывала верхушки двух молодых деревьев, росших друг возле друга, и получалось что-то вроде шалашика. Здесь Ляля затаивалась и смотрела в бинокль на птиц.

— Подолгу сидела? — спросил Веня.

— Больше двух часов не выдерживала. Комары ели. У дяди от них мази не было, так что я вся распухшая ходила.

— Все-таки здорово! — сказал Родя.— Ну, и что же ты установила?

— Что пустельга, наоборот, даже полезная птица: она мышей уничтожает и крупных насекомых, жуков всяких...

Правда, ящерицы ей тоже попадаются, но мышей в три раза больше.

— Ты, значит, наблюдала в бинокль, какую самец приносит добычу?

— Не только в бинокль. Я еще погадки изучала.

— Погадки? А это что такое?

— Ну, то, что желудок пустельги не переваривает: шкурки мышей, кости, всякие жесткие остатки насекомых... Пустельга их отрыгивает, и они падают на землю.

— Бе-е-е! — брезгливо проблеял Веня. — И ты в этом копалась! И тебе не противно было?

— Сначала противно... Но ведь люди и в трупах копаются для изучения медицины. Так вот, я ни разу не видела, чтобы пустельга какую-нибудь птичку принесла, и в погадках никаких остатков птиц не нашла.

— Вень! — сказал Родя. — Ну, может быть, мы с тобой недостойны того, чтобы нас приняли: построили трубу, а что делать дальше не знаем. Но ведь Круглая настоящее исследование провела, да еще когда была в четвертом классе.

— Между прочим, мою заметку о пустельге по областному радио передавали, — вставила Ляля. — В детской передаче. Я ее еще осенью написала.

— Венька, слышал?.. Ляля, так что же тебе та тетка сказала? Ну, дежурный педагог?

— Сказала, что у меня образование недостаточное, что мне еще рано.

— По-моему, это безобразие, — сказал Родя. — Ты чем в «Разведчике» хотела заниматься?

— Продолжать птиц изучать. В «Разведчике» секция орнитологов есть.

— А теперь что будешь делать?

— Не знаю. К дяде мы в этом году не поедem, а брат мой не может руководить: он орнитологией не интересуется.

— Ну вот! У тебя призвание, а ты больше года теряй!

— И я не одна такая, — заметила Круглая Отличница.

Она рассказала, что к ее брату, который занимается в технике электроники и автоматики, часто приходят за советом мальчишки и даже девчонки, увлеченные техникой. Ляля назвала имена этих ребят, и среди них друзья услышали имя Валерки Иванова, того самого, с которым они собирали бумажную тару.

— Во, Родька! — удивился Веня. — Год проучились и не знаем, что он тоже такими делами занимается. А что он делает, этот Валерка?

— Он прибор такой построил, чтобы свои телефонные разговоры на магнитофон записывать.

И у Маршевых, и у Рудаковых магнитофоны были, поэтому друзья спросили почти одновременно:

— А как он его сделал?

— Я не могу объяснить. Хотите, пойдемте к нам, и Валерка покажет свое приспособление. Он в нашем доме живет.

Ребята согласились, и скоро они стояли перед дверью Лялиной квартиры. Круглая Отличница открыла ее своим ключом.

— Гена, ты где? — спросила она.

— В кухне, — слышался ответ.

В этот момент раздался негромкий треск, лампочка в передней погасла. Тут же из кухни выскочил Лялин брат и, не обращая внимания на ребят, пробежал в комнату. Оттуда донесся его сердитый голос:

— Ты что наделал? Ты зачем пробки пережег? Ты зачем пинцет в розетку засунул?

— Пойдемте! — спокойно пригласила Ляля, и все трое тоже вошли в комнату.

Там, расставив ноги, стоял невысокого роста коренастый парень в пестром свитере и потрепанных черных брюках. Родя и Веня видели его в школе. Скуластый, с волосами всклокоченными, но не курчавыми, как у Ляли, он мало походил на сестру. Перед ним, сунув указательный палец в рот, застыл мальчонка лет восьми.

— Я тебе что всегда говорю? — продолжал Гена. — Смотреть смотри, а трогать ничего не смей! Зачем сунул в розетку пинцет? Отвечай, ну!

— Так, — ответил мальчишка, не вынимая пальца изо рта.

— А вот за это иди теперь домой! Иди, иди! Уматывай! И вообще тебе обедать пора.

Взяв малыша за плечи, Гена выводил его из квартиры, затем вернулся в комнату.

— Привет! Садитесь, — хмуро сказал он ребятам и обратился к сестре: — Ну как?

— Никак. До седьмого класса.

— Бюрократы! Что она тебе сказала?

Ляля передала брату разговор с дежурным педагогом.

— Она хоть работу посмотрела?

— Так... полистала...

— Еще лучше! Пожалуй, надо было сразу к руководителю секции идти, а не к дежурному педагогу.

— Я спросила ее об этом, а она говорит — безнадежно: у них правила строгие.

Друзья слушали этот разговор и оглядывались.

Как видно, брат и сестра жили в этой комнате вместе. Тут были два дивана-кровати, стоящие углом друг к другу, шкаф и два стола с висящими над ними книжными полками. Один стол был маленький — новый, полированный, а другой побольше — обшарпанный, покрытый сверху листом пластмассы. На нем лежали инструменты и куски разноцветной проволоки, а сбоку были прикреплены небольшие тиски.

Ляля представила Веню и Родю и объяснила, зачем она их привела.

— Так ты позвони Валерке, и валите к нему. Зачем ему таскать магнитофон туда-сюда!

Ляля ушла звонить в другую комнату. Гена посмотрел на Родю:

— Это ты вчера придумал насчет макулатуры?

— Ага! Это он! — с гордостью ответил Веня.

— Башка работает.— Гена взял у Вени астрономическую трубу.— Что это у тебя?— Получив ответ, он навел трубу на окно: — Резкость неважная.

— А надо покрутить окуляр в одну сторону или в другую,— сказал Веня.

Гена покрутил.

— Теперь лучше. Только поле зрения маленькое.— Он стал разглядывать трубочку окуляра.— Резьба остроумно сделана.

На маленькую трубочку окуляра Родя намотал виток к витку голую проволоку, а на краю большого тубуса укрепил два зубчика из жести. Когда маленький тубус поворачивали, зубчики скользили между витками проволоки, и окуляр вдвигался в трубу или выдвигался из нее.

Вернулась Ляля и сообщила:

— Валерка сам придет. Он хочет свое усовершенствование тебе показать.

Пока ждали Валерку, разговор снова зашел о «Разведчике», Ляля сказала Гене, что Родю с Веней не приняли туда.

— Ну, нас-то, может быть, правильно не приняли,— скромно заметил Родя.— Мы еще не знаем, что хотим исследовать.

Сунув руки в карманы брюк, Гена ходил по комнате мелкими неслышными шажками. Вдруг он остановился.

— Вы бы, знаете, какое исследование провели? Социологическое!

— Социологическое?

— Ага. Проведите опрос четвертых, пятых, шестых классов и выясните, кто чем увлекается... Сколько среди вас конструкторов да изобретателей, сколько исследованиями всякими занимаются, вроде Ляльки...

В этот момент раздался звонок, Ляля побежала в переднюю и вернулась с Валеркой. Валерка был наполовину ка-

зах, но по виду его можно было принять за казаха чистокровного. Сейчас его смуглое лицо сияло улыбкой, а раскосые глаза так сузились, что их почти не было видно. В левой руке он нес маленький кассетный магнитофон, на пальце правой руки у него был наперсток, а на этом наперстке лежал короткий цилиндрок сантиметра два с половиной в диаметре. От цилиндрика свисал провод в пластмассовой оболочке, а на конце провода болтался какой-то блестящий наконечник.

— Здравсте! — сказал Валерка всем и обратился к Гене, покачивая цилиндриком на указательном пальце: — Ну как, товарищ Данилов?

Гена подошел, осмотрел наперсток и цилиндрок.

— Во!.. Это дело! Все гениальные идеи просты, — сказал он и добавил, кивнув на ребят: — Объясни вот людям назначение прибора.

Оказывается, Валеркин отец был журналист. Ему часто приходилось получать всякие сведения по телефону, а записывать все от руки было делом нелегким и долгим, поэтому он постарался приспособить для этого магнитофон.

— Папа и так микрофон к трубке приложит, и эдак, — улыбаясь, рассказывал Валерка, — ничего не получалось: или магнитофон еле-еле записывает, или он сам ничего не слышит. Ну вот, значит, отец уехал в командировку, а я к Гене... И он мне посоветовал.

— А что посоветовал? — спросил Родя.

— Электромагнитную индукцию использовать, — сказал Гена. — Я где-то читал, что на этом принципе такие приборы строятся, а как именно их делать, не знал, так что Валерке пришлось поэкспериментировать.

Родя и Веня слышали выражение «электромагнитная индукция», но что это такое, толком не знали, а спрашивать им не хотелось. Все прошли в другую комнату, и Валерка стал демонстрировать свой прибор. Он сел возле

круглого столика, на котором стоял телефон, поставил на него свой магнитофон и взял левой рукой блестящий наколечник на конце провода.

— Итак, уважаемые граждане, начинаем испытания. В левой руке у меня штекер, и я его тыкаю в гнездо для микрофона.

— Вставляю, а не тыкаю,— поправил Гена.

— Ага. Вставляю. Теперь снимаю трубку, а эту штучку прикладываю вот так.— Валерка взял правой рукой трубку, а цилиндрок на указательном пальце прижал к ее верхней части с тыльной стороны.— Теперь, значит, набираем номер и ведем разговор.

Трубка тихонько загудела, потом невнятно вякнула.

— Бабушка? Алло, бабушка! — заговорил Валерка.— Знаешь, что я тебе хотел сказать? Я тебе вот что хочу сказать...

Как видно, Валерка еще не придумал, о чем говорить с бабушкой, зато у бабушки тема для разговора сразу нашлась. Трубка завякала быстро и довольно энергично, и у конструктора лицо стало серьезным.

— А что такое? — спросил он.

На этот раз трубка звучала секунд пятнадцать, после чего Валерка пробормотал:

— Не знаю... Вчера у Соколовых чай с вареньем пили... Может быть...

Бабушка снова что-то заговорила, и говорила она долго, а Валеркино лицо все больше вытягивалось.

— Ладно, бабушка... Учту, бабушка,— наконец сказал он и повесил трубку.

— Попало за что-то? — спросил Гена.

— Ага. Бранится.

— Ну, все-таки дай прослушать.

Валерка сел на диван, поставив магнитофон на колени, нажал клавиш обратной перемотки, потом — воспроизведения, и все услышали разговор:

«Бабушка? Алло, бабушка! Знаешь, что я хотел тебе сказать? Я тебе вот что хочу сказать...»

«Погоди-ка, вот! Сначала я тебе кое-что скажу: где это изгваздал так новый костюм? Пакостный ты мальчишка!»

«Не знаю... Вчера у Соколовых чай с вареньем пили... Может быть...»

«Весь пиджак, все брюки этим проклятым вареньем заляпаны! Не умеешь есть культурно за столом, так тебя и в гости не надо брать. Ведь только месяц, как купили костюм, а он его уже весь изгадил! А бабушка в чистку его таскай! Как будто у нее других дел мало! Нет, миленок мой, пусть твоя мама его в чистку таскает да в очереди стоит. Не умеет воспитывать сына, вот пусть и таскает, пусть сама и мучается! Чего ж бабушка за нее будет му...»

Разговор, конечно, был малоприятный, но запись получилась такой отчетливой и громкой, что Валерка с каждой секундой веселел, и к концу его он по-прежнему улыбался, и узкие глаза его превратились в темные черточки.

— Ну, все! — сказал Гена. — Что и требовалось доказать! А с наперстком гениально придумано.

Роде и Вене, конечно, захотелось подробнее узнать, как работает прибор, и Гена попытался им объяснить. Оказалось, что цилиндрик на указательном пальце Валерки представлял собой электромагнит, вынутый из старого реле. Обмотка магнита в телефонной трубке, который заставляет колебаться мембрану, излучает слабые электромагнитные волны, а те наводят ток звуковой частоты в проволочных витках на пальце Валерки. Гена дал Иванову несколько электромагнитов от разных реле с разными количествами витков проволоки — от двухсот до нескольких тысяч, и Валерка долго возился, испытывая, при каком из них запись получается громче и чище. А потом возникла проблема, которая оказалась не менее сложной, чем возня с магнитами: как закрепить прибор на телефонной трубке?

Сначала Валерка хотел приделать к телефонной трубке

крючок, чтобы вешать на него свой прибор, но домашние не разрешили портить трубку. Он придумывал всякие зажимы да ручки особой формы, но все это было громоздко и неудобно. Вдруг Валерка увидел, как мама шьет, надев на палец наперсток, и задача была решена.

Опять раздался звонок, и в комнате появился высоченный парень. Это был Юра Новожилов, капитан баскетбольной команды школы.

— Привет! — бросил он и, взглянув на Родю с Веней, спросил: — Новые подшефные?

— Пока нет, слава богу, — ответил Гена и обратился к мальчишкам: — Ну, а теперь уматывайте: мы заниматься будем.

Ребята двинулись было к двери, но тут Родя приостановился и спросил:

— Ген!.. Вот ты говорил про социологическое обследование... Зачем оно нужно?

— Какое обследование? — переспросил Юра.

— Социологическое. Садись! Сейчас объясню.

Юра сел, а Гена обратился к ребятам:

— Ну, кто знает: какая разница между творческим трудом и обыкновенным?

— Творческий — это когда что-то новое придумывают, — сказал Веня.

— Ну, правильно. Или исследуют новое. — Гена повернулся к Юре: — Теперь давай посмотрим, где таким, как они, применять свою творческую энергию? Дворец пионеров возьмем... Кружок рисования и лепки — творчество?

— Творчество, — ответил Юра. — Театральный кружок — тоже творчество, хореографический — тоже творчество...

— Ну, а я про что? — перебил его Гена. — В области искусства тут порядок, а в области науки и техники что для них во дворце? Кружок «Умелые руки»? Там столярничать учат да лобзиком пилить. Кружок юных авиамоделлистов? Там самые простенькие схемки собирают по готовым чер-

тежам... И все! Что-то маловато для века научно-технической революции.

— Так ведь они и сами того... маловаты еще,— усмеялся Юра.

— Маловаты? А ты смотри, что получается. Оптику в самых старших классах проходят, а вот эти двое уже подзорную трубу построили. Валерка электричества не проходил, а со своим прибором управился. А ведь, кроме них, ко мне еще человек пять ходят... Юрка Николаев из шестого «А» электронную черепаху делает, Ира Малышева — с транзисторным приемником... А сколько еще таких, о которых мы не знаем! Каждый у себя дома ковыряется... Ну, помогают им отцы, братья... а организованно... «Жди до седьмого класса» — и дело с концом! Нет, здесь что-то не так!

— Тут это... ну... вроде дискриминации получается,— сказал Родя.

Оба старшекласника рассмеялись.

— А что! Правильно, дискриминация! — сказал Гена.— Вот вы, значит, давайте так: заведите на каждый класс тетрадку и выясните, кто из ребят чем увлекается. Кто — техническим творчеством, а кто — научно-исследовательской деятельностью. Понятно?

— А дальше что? — спросил Юра.

— А дальше, с конкретными цифрами, можно будет разговор поднимать.

— Чтобы их в «Разведчик» приняли?

— Н-ну... чтобы для них филиал при «Разведчике» организовали.

— Думаешь, получится?

— Спорим, что получится, если цифры будут убедительные!

— А как ты этого добьешься?

— А там уж посмотрим.

Капитан баскетбольной команды улыбнулся, глядя на Гену:

— Слушай! Почему тебе в пионервожатые не пойти? Ты же прирожденный вожатый! К тебе вот такие так и липнут, и ты с ними с удовольствием возишься...

— А мне вчера на комитете это самое и предложили. И как раз вот к ним,— Гена кивнул на ребят.— Вместо Дины Коваль. Надежда Сергеевна предложила.

— Ну, а ты?

— Сказал, что подумаю. Ведь это же на будущий год, а в десятом классе знаешь какая нагрузочка! — Гена повернулся к мальчишкам: — Значит, понятна задача? А теперь — привет!

Глава восьмая

На следующий день Зоя и ее «активисты» шли в школу в прекрасном настроении: ведь отряд вышел на первое место по сбору макулатуры! На радостях ребята сообщили Зое, что они позавчера говорили с одноклассниками о предстоящих перевыборах и что многие согласны вновь избрать ее председателем. Зое захотелось немножко помататься.

— Вот увидите, меня все равно не выберут. Это они только так говорят... — сказала она. — Вы даже не знаете, как меня многие ненавидят!

Это привело к тому, что Зоины друзья еще раз посоветовались тайком от нее и решили усилить агитационную работу. Один только молчаливый Жора Банкин подумал, что они, пожалуй, уже в субботу успели надоесть ребятам, но вслух он этого не сказал.

Совещались и наши «социологи»: Ляля, Родя, Веня и Валерка. Было решено, что мальчики сегодня же займутся опросом пятого «Б», а Круглая Отличница обойдет знакомых ей конструкторов в параллельных классах и в шестых и привлечет их к «социологическому исследованию».

Едва Леша Павлов вышел после урока в коридор, как перед ним предстал Шурик Лопухов:

— Павлов, Павлов! Так, значит, ты будешь голосовать за Ладошину? Значит, проголосуем дружно за Ладошину, проголосуем?

— Отойди, а то как ляпну сейчас!..

Толстый редактор заморгал и попятился. Он не понял, почему вдруг рассвирепел силач.

Затем к Павлову подошел Родя. У него в руках была чистая тетрадка и шариковая ручка.

— Так, Лешка, с тебя начнем. Чем ты увлекаешься дома?

— А тебе зачем?

— Социологическое исследование проводим.

— Что?

— Ну, опрос населения. Не населения, а учеников пятых классов.

— А кто вам поручил?

— Никто. Просто один человек посоветовал.

— А зачем?

— Ну, ты сначала ответь на мой вопрос, а потом я все объясню. Значит, чем ты занимаешься дома?

— Ну, летом — футбол во дворе, зимой — хоккеем... Книжки читаю...

— А тебе никогда не хотелось что-нибудь такое исследовать или изобрести?

Павлов подумал.

— Да вроде... вроде нет. Ну, а теперь говори: зачем тебе это нужно?

— Сейчас.

Родя положил тетрадь на подоконник. Наверху страницы он написал: «5-й кл. «Б», а пониже: «Алексей Павлов. Летом — футбол, зимой — хоккеем. Чтение».

Разговор с Павловым занял всю перемену. Роде пришлось объяснить, зачем они ищут исследователей да изобретате-

лей, сказать, что такие имеются даже в их классе, но о них мало кто знает, привести в качестве примеров Лялю и Валерку. Услышав о пустельге, силач тут же стал расспрашивать, как Ляля изучала эту птицу. Стоило Роде упомянуть о приборе Валеры Иванова, и Леша пожелал узнать подробней, как он устроен.

Леше повезло, что его не вызвала математичка: на втором уроке он был рассеян. Он вспоминал запись в тетрадке у Роды: «Летом — футбол, зимой — хоккей. Чтение». И ему было как-то досадно, что запись такая куца.

А Родя скоро понял, что социологический опрос — дело трудоемкое. Каждый опрашиваемый, подобно Павлову, хотел знать, зачем это делается и кто из ребят чем занимается. Чтобы получить ответ на один вопрос, приходилось отвечать на десять, так что в течение дня Родя, кроме Павлова, успел опросить только четверых.

Две девочки, к которым он подошел после Лешы, ни наукой, ни техникой не увлекались. Одна занималась в танцевальном коллективе Дворца пионеров, а другая — художественной вышивкой под руководством тети. Зато после них Роде попались сразу два биолога. Первой была Маша Салтыкова — полная, розовощекая девочка с очень толстой русой косой.

— Я провожу опыты с нашим котом Фомой. Я хочу установить, есть ли у кошек внутренние часы, — сказала она.

— Что? — не понял Родя.

— Внутренние часы. Может ли кошка чувствовать время.

— Ну-ка расскажи подробней!

— Ну, если подробней, так все это началось с петуха. Я жила в деревне у бабушки, а у нее был петух... И вот мне захотелось узнать, правда ли, что петухи кричат в определенное время — например, в полночь. Я спала одна

в маленькой комнатушке, и там стоял будильник. Я, значит, решила не спать, пока петух не закукарекает... Трудно, конечно, было: свет не зажжешь — бабушка заругается... Стрелки часов еще разглядеть можно, а читать нельзя. Я первую ночь выдержала, он в пять минут первого закричал, а на другую ночь заснула. Бабушка рано утром входит, а я положила голову на стол, сижу и сплю.

— А дальше что?

— А дальше бабушка стала расспрашивать, я сдуру объяснила ей, в чем дело, и она забрала будильник.

— А с котом?

— А с котом, значит, так: я решила узнать, как он чувствует, который час. Я сказала маме, что буду кормить его сама, а блюдце с едой начала ставить не на пол, а на свой столик, чтобы его с пола не было видно. Значит, чтобы поесть, Фома должен вспрыгнуть сначала на стул, а потом на стол. Еду я накладываю ровно в восемь утра, в три часа дня и в восемь вечера. Он несколько раз вспрыгнул зря на стол, а потом перестал.

— Стал прыгать вовремя?

— Да нет, просто стал наблюдать за мной. Только я встану утром — он за мной повсюду ходит да ждет, когда я положу еду... Только приду из школы — он опять начинает следить. У меня что-то не продумано еще в этой... в методике.

— Я бы занялся одним исследованием, — сказал Маршеву Дима Тарусов, — да не знаю, как к нему приступить.

— А что за исследование?

— Летом я сделал такое наблюдение: насекомые, которые залетают в комнату, тычутся в потолок.

— Как это?

— Ну вот, положим, залетает ко мне в комнату шмель (мы рядом с парком живем), ему, конечно, хочется выбраться из комнаты, и он начинает летать туда-сюда. На стены он не натывается: подлетит к ней и сворачивает. На оконные

стекла натывается, но это понятно: стекла прозрачные. Но почему потолка они не могут разглядеть, никак не пойму. Наткнется на потолок, жужжит и елозит по нему спиной или головой... Как они не обдерутся только!

— Я что-то этого не замечал,— сказал Родя.

— А я наблюдал шмеля, стрекозу и муху, вот такую здоровенную. И что интересно: простые, комнатные мухи — они видят потолок: подлетят и ходят по нему кверху лапами. А те насекомые, которые на свежем воздухе живут, никак не могут понять, что наверху камень, а не чистое небо. А что же у них глаза? Ведь я читал, что у них глаза чуть ли не во все стороны видят.

Валерка за этот день выявил двух конструкторов, а у Вени произошел интересный разговор с Жорой Банкиным. Тут, как и в случае с Валеркой, тоже оказался замешан магнитофон. Жора подошел к Вене и тихо заговорил, переминаясь с ноги на ногу:

— Рудаков, ты извини меня, может быть, тебя уже спрашивали... Тут вот какое дело: ты будешь за Ладошину голосовать?

— Буду,— ответил Вени и в свою очередь спросил, чем Жора занимается помимо учебы.

— Вообще... я вообще фольклор собираю.

Вени сначала не понял, но потом разобрался, в чем дело. Как и Маша Салтыкова, Жора ездит отдыхать к родственникам в деревню. Там живут старик и старуха, каждому под девяносто лет, которые знают множество старинных сказок, песен и частушек. Когда Банкин поехал в деревню на зимние каникулы, папа дал ему дешевый батарейный магнитофон, и Жора записал на пленку, что рассказывали или напевали старик со старухой, а по возвращении домой он в течение нескольких недель слово в слово переписывал все это на бумагу.

Так трудились наши «социологи» почти весь учебный день, а в конце этого дня произошло следующее.

...Последним уроком была история — любимый предмет Лешки Павлова. Леша с увлечением слушал рассказ учительницы о водопроводе, сооруженном рабами Древнего Рима, о построенных ими дорогах, которыми можно пользоваться и в наши дни. Вдруг что-то слегка царапнуло Лешу под затылком. Он пошарил за воротником и извлек оттуда сложенную в несколько раз маленькую бумажку.

— Хи-хи! — тоненько послышалось сзади.

Силач обернулся. За его спиной сидела Нюся Касаткина. Прикрыв ладошкой нос и рот, она улыбалась прищуренными глазами. Леша развернул записку и прочитал:

«Павлов! Голосуй за Зою Ладошину!!!»

Павлов показал Касаткиной кулак и снова стал слушать учительницу. Еще через несколько минут что-то задело его за ухо, и вторая записка шлепнулась к нему на стол. В ней было написано то же самое, что и в первой, только восклицательных знаков было не три, а пять. Павлов снова обернулся и прошептал:

— Не мешай слушать! Убью!

Но Нюся знала, что силач никогда не трогает не только девочек, но даже мальчишек, если они явно слабее его. Записки продолжали падать то на стол, то на пол рядом с ним, причем Нюся бросала их так, что каждая задевала его голову.

Но вот кончился урок. Учительница вышла из кабинета. Ребята стали укладывать учебники, застегивать портфели. И тут вдруг Павлов вскочил, вырвал у Нюси «Историю древнего мира» и принялся шлепать ею Касаткину по темени, по макушке, по затылку, по плечам...

— Павлов! Как не стыдно! — закричала Зоя.

— Лешка, брось! Лешка, ты чокнулся, да? — слышались голоса мальчишек.

Но Лешка не слышал. Ухватив Нюсю за перевязанную лентой метелочку волос, он вытащил ее из-за стола, поставил на четвереньки и закричал:

— Собирай, дура паршивая! Собирай, что насорила! Собирай, ну!

К Лешке бросились Родя, Веня и другие ребята. Они уцепились за Павлова, попытались оттащить его от Нюси:

— Лешка, брось!

— Лешка, отпусти ее!

Павлов сделал резкое движение, и мальчишки отлетели в стороны.

— Собирай, гада! Собирай, говорю!

Заливаясь слезами, Нюся собрала с пола записки, и Павлов за ту же метелочку поднял ее на ноги.

— Лешка, что с тобой? — спросил Родя.

— С кем связался, Павлов! С кем связался! С кем связался! — повторяла одна из девочек.

— Довели, вот и связался,— сказал, тяжело дыша, Павлов. Он быстро прошел к учительскому столу. Лицо его было красное, маленькие голубые глаза сверкали.— Они мне все уши прожужжали, чтобы я голосовал за Ладошину. Сначала Барбарисова жужжала, потом этот, потом вон тот, потом эти две, а эта вот... эта... она мне урок истории сорвала, весь урок записочки кидала... агитационные.

Павлов на некоторое время умолк, чтобы перевести дух, и тут Круглая Отличница вставила:

— Между прочим, они мне тоже надоели. Все время пристают с этой Ладозиной.

— И мне! И ко мне приставали,— слышались голоса.

— Подождите, я еще не кончил! — сказал Леша.— И вот я думаю: а на фига нам эта Ладошина? Сборы у нас — со скуки умрешь... И вообще, какая у нас пионерская работа? Вожатая носа не кажет, все Зойке доверила, а Зойка... ну, как это? Ну, как это говорят? — Павлов стал щелкать пальцами, подыскивая нужное выражение.

— Мероприятия проводит,— подсказала Маша Салтыкова.

— Для галочки,— добавила Круглая Отличница.

— Во! — подхватил Павлов.— Для галочки! Только вид показывают, что работа кипит.

Несколько человек одобрительно загалдели, а щуплый Оська Грибов вдруг закричал:

— Доло-о-ой! — Умом он не отличался, а пошуметь любил.

— Да тише вы! Ну, дайте договорить! — крикнул Павлов.— Смотрите, что получается. Благодаря кому мы на первом месте по макулатуре? Благодаря Родьке Маршеву! А кому от этого слава? Зойке, председательнице! Так почему же нам Родьку председателем не выбрать?

Снова послышался одобрительный гул.

— Ура-а-а! Дае-е-ешы! — закричал теперь Оська.

И тут заговорила Зоя Ладошина: Заговорила, бледная, вертя во все стороны головой. Вернее, не заговорила, а почти закричала:

— Слушайте! Ну, слушайте! Ну, дайте же сказать! (Класс немножко утих.) Спросите Мухиных, спросите Барбарисову, Касаткину вот спросите... Я еще вчера говорила, что не хочу больше быть председателем. И я... я очень согласна, что нужно выбрать Маршева. Я сама за него буду голосовать. Двумя руками! Вот!.. А мне... мне это председательство вот так надоело! Вот так! Вот так! — Зоя провела ребром ладони по горлу и бросилась к выходу.

— Я не могу быть председателем,— быстро сказал Родя.— У меня другая работа есть.

Он сказал это больше для Зои, ему было неловко перед ней, но та уже хлопнула дверью.

— Верно! — согласился Дима Тарусов.— Он социологический опрос проводит.

— Какой опрос? Что за опрос? — послышались голоса, но тут вернулась учительница и попросила освободить кабинет.

Глава девятая

Весь день Роде было не по себе. Он понимал, как оскорблена Зойка, и чувствовал себя виноватым перед ней, словно это не Павлов, а он сам предложил отстранить Ладошину от председательства. Однако вечером настроение у него исправилось. К Вениным родителям нагрязнуло целое семейство родственников из другого города. Они остались ночевать, а так как места в квартире не хватало, Веню «подкинули» на ночь к Маршевым. Он должен был спать в Родиной комнате на раскладушке.

В четверть одиннадцатого вечера Родина мама тихонько приоткрыла дверь в комнату сына. Свет был потушен. Ребята лежали под одеялом и тихонько посапывали. Татьяна Игнатьевна закрыла дверь и подумала: как хорошо, что ее сын так привык вовремя ложиться спать, и как хорошо, что Родин друг похож в этом отношении на него. Она не знала, что полчаса тому назад Родя предупредил Веню:

— Мама всегда заглядывает ко мне минут через пятнадцать после того, как я лягу. Посмотрит, увидит, что все в порядке, и уже больше не заходит.

Когда Татьяна Игнатьевна закрыла дверь, друзья вылезли из-под одеял и оделись. Родя бесшумно открыл окно. Подзорная труба была заранее установлена на треноге, а луна уже выползла из-за большого дома.

Друзья принялись за наблюдения. Они смотрели в трубу по очереди, сверялись с картой, называли «морья» и «океаны»... А минут через десять Родя тихо, но с сердцем сказал:

— Ну, а что дальше? Что мы с этой штуковиной нового откроем? Даже больших кратеров не видно, которые на этой карте есть.

— Конечно, был бы настоящий телескоп, может, чего-нибудь и открыли бы,— неуверенно пробормотал Веня.

— Да брось ты, пожалуйста! Что мы можем открыть,

если мы даже не знаем, что уже открыто, а что — нет! А потом, автоматические станции: они ведь лучше всякого астронома обследовали Луну. Даже противоположную сторону засняли.

На этом наблюдения и кончились. Родя закрыл окно, приятели снова улеглись. Помолчав, Родя заговорил вполголоса:

— Все-таки знаешь, о чем я думаю? Мне кажется, у нас нет задатков, чтобы стать учеными. Ну ладно: Круглую Отличницу дядя надоумил пустельгой заняться, Валерку с его прибором — Гена... Но ведь Салтыкова-то сама придумала внутренние часы у животных исследовать! А Тарусов сам заинтересовался, почему насекомые потолка не видят. Вот у них, по-моему, есть самое главное качество, чтобы стать исследователями. А у нас... сомневаюсь!

— Ну что ты волнуешься! Тебе сколько лет? Двенадцать! Ну, Салтыкова да Тарусов чуть пораньше нашли, чем заниматься. А ты что думаешь, все настоящие ученые с пеленок исследованиями занимаются?

Помолчали. Минуты через две Родя громко прошептал:

— Не спишь?

— Нет.

— Интересно все-таки, почему Купрум Эс был ученым, а стал обыкновенным преподавателем?

— Чего-нибудь не получилось у него с наукой.

— Как же не получилось, если он даже книжки писал? Помнишь? «Химия человеческого мозга»!

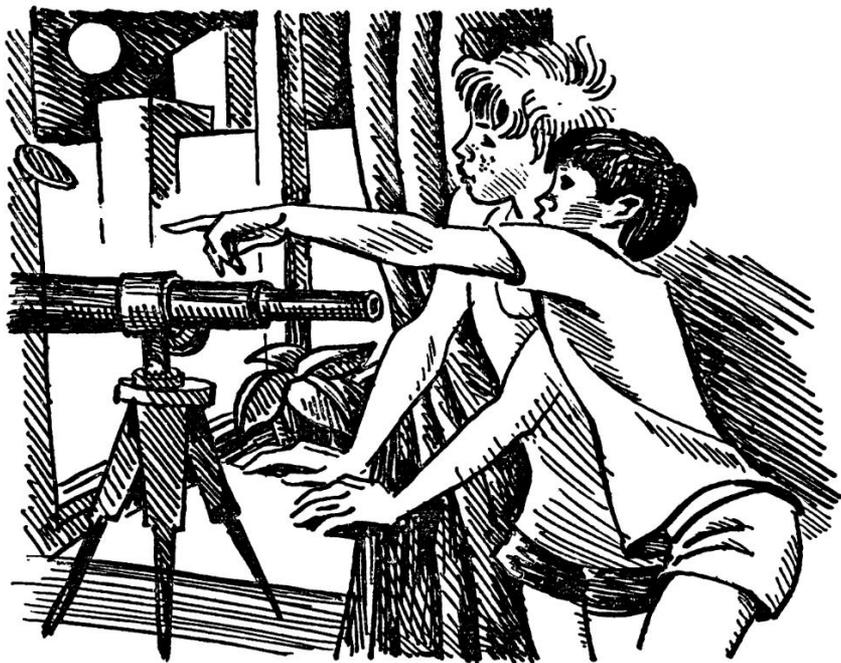
Веня не ответил. Он вдруг сбросил одеяло и сел на своей раскладушке.

— Ты что? — спросил Родя.

— Мы про окна-то забыли во дворце. Не мешает все-таки взглянуть.

Веня подошел к трубе, навел ее сквозь оконное стекло на Дворец пионеров и стал смотреть.

— В этом темно, — прошептал он. — В этом тоже

ничего... Тут... Родька! Ой!!! — вскрикнул он почти полным голосом, отскочил от трубы, словно это была не труба, а гадюка, но тут же снова приткнулся к окуляру и секунды через две снова отскочил. — Родька! Скорее! Человек! Там человек! Человек!

В следующее мгновение Родя был у трубы. Он еще невооруженным глазом заметил, как на темном фасаде дворца ярко светится одно окно, а прильнув к окуляру, увидел, как в этом окне, очевидно стоя на подоконнике, балансируя, раскачиваясь, судорожно дергается темная человеческая фигура, держа край черного занавеса в руке. Прошло несколько секунд... Человек подтянул угол занавеса к верхнему углу окна, и оно снова стало черным. Только с правой стороны осталась светлая щель. А еще через несколько секунд и эта щель исчезла.

Некоторое время приятели молчали, глядя в лунном свете друг на друга.

— Вот это да-а!..— прошептал Веня.

— Ты видел, как он суетился? Видел, как он спешил?

— Ага. Перепугался.— Веня подошел к трубе и тщательно осмотрел все три окна.— Нигде ни щелочки! — сказал он, выпрямляясь.

— Теперь тебе ясно, кто там орудует? — спросил Родя.

— Ясно. Я не дурее тебя.

— Ну, кто?

— Купрум Эс, конечно. Зойка права. Пока мы с ним не поговорили, у него почти во всех окнах щели светились. А как поговорили — все стал законопачивать.

Друзья заснули только в третьем часу. Утром Родина мама с трудом разбудила их, но как только они вспомнили о человеке в окне, им сразу расхотелось спать.

Долго не спала в ту ночь и Зоя.

Выбежав из школы, она свернула не направо, как обычно, а налево и пошла домой, делая крюк, чтобы «активисты» не нагнали ее да не стали выражать свое сочувствие. Как ни старалась Зоя казаться спокойной, бабушка, открывая ей дверь, сразу догадалась, что что-то неладно.

— Неприятности какие-нибудь?

— Никаких неприятностей,— буркнула Зоя.— Устала просто.

С отворачиванием она кое-как одолела обед, потом легла на диван с книжкой. Когда бабушка входила в комнату, Зоя делала вид, что читает.

Зазвонил телефон.

— Бабушка, меня нет дома! — крикнула Зоя.— Скажи, что не знаешь, куда я ушла.

Бабушка поговорила по телефону и заглянула к Зое:

— Соня Барбарисова звонила.

— Ну ее!

Вернулась с работы мама. Как видно, бабушка сказала ей, что Зоя чем-то огорчена, и она пришла к дочке, села рядом на край дивана.

— Ну что с тобой, мое солнышко? Ну поделись со своей мамой.

— Ой, да ничего со мной! Устала просто!

Когда приехал с завода папа, Зоя уже сидела за уроками. Она знала, что мама с бабушкой обязательно расскажут папе о Зоином плохом настроении, и ждала, что он тоже придет. Он пришел, уже переодевшись в тренировочный костюм, который всегда носил дома. Когда-то папа много занимался спортом, а потом бросил. Трикотажный костюм плотно облегал его широкие плечи, еще сохранившиеся бицепсы, и уже изрядно выросшее брюшко.

— Говорят, мы не в духе, — пробасил он шутливо. — А в чем дело, позвольте спросить?

Зоя не отвечала и смотрела в учебник.

— Так, значит... Разговаривать не расположены. Но ведь Митрофан Петрович не зря любит детективные романы читать. Сейчас разберемся. Позвольте ваш дневничок!

— Бери, пожалуйста, — буркнула Зоя и снова уставилась в учебник.

Ее портфель лежал на углу стола. Папа вынул оттуда дневник, просмотрел. Все отметки были хорошие.

— Н-нда! Детектив в данном случае ошибся. Стало быть, какой-то конфликт. Ну что ж, привыкай! У меня на работе что ни день, то конфликт.

И он вышел.

Домашних заданий было много, но Зоя в тот день не сделала ни одного. Она машинально листала да перекладывала с места на место учебники и тетради, а в голове ее слышался одобрительный гул ребячьих голосов и выкрики Лешки Павлова: «Да на фига нам эта Ладошина!.. И вооб-

ще, какая у нас пионерская работа!.. Мероприятия проводит! Для галочки! Благодаря кому мы на первом месте по макулатуре? Благодаря Маршеву! А кому от этого слава? Зойке, председательнице!»

И Зоя снова и снова возвращалась к мысли, что весь этот учебный год она, в сущности, руководила не отрядом, а лишь кучкой робких и недалеких ребят, из которых молчаливый Жора Банкин был самым умным. Ей вспомнились сборы, с которых часть пионеров убегала, а те, что оставались, сидели зевая. И вспомнилась Зойке глупая «агитация», которую проводили ее поклонники. «Идиоты! Кретины несчастные!» — шептала она.

Позднее, лежа в постели, Зоя стала думать: как бы ей сделать что-нибудь такое, чтобы ребята поняли, какого человека они сегодня отвергли и унизили. Но ничего реального Зойка придумать не могла, и тогда она стала мечтать. Много волнующих сцен нарисовала она в своем воображении, но больше всех ей понравилась такая.

Родя и Венька построили какой-нибудь мотор, работающий на бензине, и принесли его в школу, чтобы перед началом урока продемонстрировать классу. Но почему-то (почему именно, Зоя не придумала) бензин разливается по полу перед самой дверью и вспыхивает. Пламя преграждает всем выход из кабинета. Класс забился в дальний угол, все кричат, все плачут от страха, и только одна Зоя Ладошина сохраняет самообладание. Бесстрашно она бросается в огонь, пробегает сквозь него, выскакивает в коридор, а оттуда на площадку лестницы, где висит огнетушитель. Проходит минута, и вот пламя погашено пенной струей. У Зои обгорело платье, обожжены руки (лицо и волосы, конечно, не пострадали: она по-прежнему прекрасна). Исполненная величавого спокойствия, она подходит к Родьке Маршеву, которого так недавно прочили в председатели, и презрительно бросает ему: «Ну, что ты дрожишь как осиновый лист? Ведь все уже кончилось!»

...Утром, идя по школьному коридору, Родя и Веня встретили Купрума Эса. Увидев ребят, он приостановился с испуганным видом, а потом быстро прошел мимо них. Прошел бочком, почти касаясь спиной стены. При этом он выставил в сторону мальчишек левую ладонь, а два пальца правой руки прижал к губам: мол, не подходите ко мне и никому ни слова!

А Зоя утром снова сделала крюк, чтобы избежать своих «активистов», которые имели обыкновение встречаться на одном из перекрестков. Но в школе к ней сразу подошли Соня Барбарисова, сестры Мухины и Шурик Лопухов. Юся Касаткина не решилась подойти. Она остановилась поодаль, виновато и жалобно поглядывая на Зою.

— Зо-о-я! — заговорила Барбарисова. — Мы вчера тебе весь вечер звонили. Мы вчера так переживали, так переживали!..

— Да отстаньте вы! — сказала Зоя, и, чтобы все поняли, как ей безразлично то, что произошло вчера, она, увидев издали Родю и Веню, закричала: — Маршев, Родя! Подожди минуточку, мне хочется спросить тебя насчет того дела.

Обиженные «активисты» с удивлением наблюдали, как Ладошина подошла к своему сопернику и его другу и удалилась с ними в дальний конец коридора, о чем-то мирно беседуя.

Родя втайне очень обрадовался, что Зоя первая окликнула его и даже назвала по имени, что она, как видно, насколько не обижена. Он тоже решил назвать ее по имени:

— Зоя! Ты знаешь, что мы вчера вечером видели?!

И приятели рассказали ей о человеке, метавшемся в освещенном окне. Рассказали и о том, как встретили Купрума Эса две минуты тому назад. Все это заставило Зою на время забыть про вчерашнее.

— Мы почти уверены, что ты права, — сказал Родя. — Там именно он орудует.

А Веня спросил:

— Вот скажи: не мог он свихнуться и начать какую-нибудь взрывчатку в лаборатории готовить? В преступных целях. А?

— Н-не знаю,— с запинкой ответила Зоя.— А что вы сами думаете делать?

— Тут, значит, два варианта,— заговорил Родя.— Мы сначала хотели сказать директору Дворца пионеров или просто в милицию заявить, но потом решили, что интересней самостоятельно это дело расследовать.

— А как?

— Ну, засаду устроить.

— На втором этаже? За теми штуками?

— Ну да.

Зоя помолчала, неподвижно глядя на Родю большими красивыми глазами. Веня объяснил:

— Понимаешь, там внизу у технички есть телефон... Мы, значит, посмотрим, кто в лаборатории орудует и что они вообще там делают, а в случае чего спускаемся к телефону — и в милицию! Чтобы их накрыли.

А Родя добавил:

— Еще, может быть, там не Купрум Эс, а может, там целая банда орудует.

Зоя не стала задумываться над тем, как смогут мальчишки, не будучи сами замеченными, разглядеть, кто орудует в лаборатории и что он (или они) там делает. В голове ее сверкнула такая мысль: это не Родька с Венькой, а она сама спускается по темной лестнице Дворца пионеров со второго этажа в вестибюль. И это не Маршев и Рудаков, а она, Зоя Ладошина, звонит по телефону в милицию и встречает милиционеров у входа во дворец.

— А... а когда вы собираетесь? — тихо спросила Зоя.

На это ответил Веня:

— Мы, значит, так: сегодня после школы сходим и запишемся в какой-нибудь кружок, который занимается по вечерам. Позанимаемся разок, изучим обстановку и...

Зазвенел звонок, и все трое двинулись к кабинету математики.

— Тут еще такой вопрос надо решить,— проговорил на ходу Родя,— что сказать родителям, чтобы они не беспокоились.

— Ага,— сказал Веня.— Ведь их инфаркт может хватить, если мы пропадем до утра.

Глава десятая

Но получилось так, что друзьям пришлось на какое-то время забыть о таинственных окнах. Слух о проводившемся вчера «социологическом опросе» широко распространился в пятых, четвертых и даже шестых классах. Он взбудоражил исследователей, рационализаторов и изобретателей, которых, как и предсказывал Гена, оказалось гораздо больше, чем это было заметно на глаз. На первой перемене Веню схватил за локоть незнакомый мальчишка. Он был маленького роста, тощий, но жилистый. Он походил на цыганенка. У него был длинный грачиный нос, большие черные глаза и черные жесткие, торчащие волосы.

— Эй! — сказал он резким голосом.— Ты записываешь в общество?

— В какое общество?

— В пионерское. В научное.

Веня объяснил ему, что никакого пионерского общества еще нет, что они просто спрашивают у ребят, кто чем занимается.

— Давай записывай меня! — приказал мальчишка.— Алька Портнов, Александр то есть. Пятый «А».

— А ты что исследуешь?

— Я ничего не исследую. Я двигатель изобрел. На самом дешевом топливе. Записывай!

— А что за топливо? — немного опешив, спросил Веня.

— Вода! Самая обыкновенная! Ты знаешь, что получается, если разлагать воду электрическим током?

— Знаю. Гремучий газ получается,— ответил Веня.

— Ну вот! Теперь смотри: нажимаем на стартер, заставляем крутиться генератор. Генератор вырабатывает ток, ток вырабатывает этот... гремучий газ... А тут — двигатель, самый простой, автомобильный... Гремучий газ попал в цилиндр, а тут искра, понимаешь... и пошло! Двигатель крутит генератор, генератор вырабатывает ток, ток разлагает воду, получается гремучий газ...

— погоди! Постой! — сказал Веня и потер ладонью макушку.— А гремучий газ-то, взорвавшись, превращается обратно в воду!

— Ну правильно, в воду!

— Так какое же это изобретение? Это перпетуум-мобиле! Мальчишка засверкал глазами и полез на Веню грудью.

— Какая там тебе перпетуум-мобиля! Это двигатель! Самый экономичный!

— Ну погоди. Ты же сам сказал, что гремучий газ снова превращается в воду... А эту воду снова можно разложить... Значит, что же получается? Вечный двигатель!

Мальчишка перестал налезать на Веню и просиял. У него были крупные, с голубоватым отливом зубы.

— Вот это ты правильно! Именно вечный! Я даже сам не допер до этого, а теперь понимаю: вечный! Заправил литром воды и газуй хоть вокруг света: вввжи!.. Записывай!

— А ты знаешь, что вечный двигатель невозможен? — спросил Веня.

Алька опять сжал маленькие, но, как видно, крепкие кулаки.

— Почему невозможно? Докажи!

— Н-ну... По науке невозможен, я где-то читал...

— «Где-то читал, где-то читал!» — все больше кипятился изобретатель.— Ты докажи, почему невозможен! Докажи!

Веня пятился от изобретателя, ожидая, что вот-вот при-

дется драться, но тут он увидел Маршева, который разговаривал с Круглой Отличницей.

— Родь! Родь! — позвал Веня.

Родя подошел, выслушал своего друга и пожал плечами.

— Ну и запиши: «Изобретает перпетуум-мобиле». Нам ведь главное — записать, а прав он или нет, потом разберутся.

Вообще изобретателей вечного двигателя набралось порядочно: ровно двадцать пять человек. Это было установлено, когда Валерка Иванов, Круглая Отличница, Родя и Веня собрались вместе и перечитали свои записи. Шестеро таких изобретателей приходилось на пятые классы, и девятнадцать — на четвертые.

Вскоре обследователи перестали расспрашивать каждого о подробностях его исследования или изобретения: некогда было. На всех переменах конструкторы и исследователи сами разыскивали «социологов», и возле каждого из них образовывалась небольшая очередь. Были тут изобретатели усовершенствованных удочек, вроде удочки с лампочкой возле крючка для подманивания рыбы светом, был изобретатель миниатюрной электрической зажигалки, ради которой нужно было таскать с собой батарею для карманного фонаря. Находились и такие, кто хотел попасть в списки обследователей просто так, из тщеславия, лишь бы на него обратили внимание. Тогда происходили разговоры вроде следующего:

— Запиши меня!

— А чем ты занимаешься?

— Я? Я этим... Ну, как его? Ну... археологией.

— А что ты делаешь?

— Ну, это... копаю.

— Что копаешь?

— Ну... яму, конечно.

— Где?

— Ну, у нас... во дворе.

— Зачем копаешь?

— Ну, чтобы эти найти.

— Что «эти»?

— Полезные ископаемые.

— Отойди, гад!— Валерка Иванов переложил шариковую ручку из правой руки в левую и плюнул в правую ладонь. «Археолог» испарился.

В конце большой перемены Ляле принес тетрадку с результатами опроса Петя Клюквин из пятого «А» (Круглая Отличница с ним вчера говорила). За ним явился Юра Николаев из шестого «А», тот самый, который строил «электронную черепаху». А на предпоследней перемене к толпе выбежавших из кабинета пятиклассников подошел здоровенный угрюмый малый с широким лицом и с челкой над самыми глазами.

— Э!..— сказал он низким голосом.— Позовите Данилову!

Лялю стали звать, но та уже куда-то убежала.

— А кто тут еще опросом занимается?— спросил малый.

— Я занимаюсь,— ответил Родя.

— На! Передай Даниловой! Скажешь — от Столбова из шестого «Б».— Парень сунул в руки Маршеву тетрадь и пошел было прочь, но вдруг приостановился и оглянулся на Родю:— Ну-ка пойдём.

Родя прошелся с ним до окна в торцовой стене коридора. Тут Столбов остановился, положил локоть на подоконник.

— Что Генкина сестра вам говорила? Нас пустят в «Разведчик» до каникул? Хотя бы тех, которые в шестом?

— Она ничего такого не говорила,— ответил Родя и добавил, что, по его мнению, этот вопрос решится не скоро.

— Плохо дело,— проворчал Столбов.

— Тебе-то что! Ты осенью в седьмом уже будешь, а вот нам...

— А мне осенью не нужно. Мне сейчас...

— А что у тебя за работа?

Столбов расстегнул портфель.

— Ты про биологическую борьбу с вредителями растений слышал?

— Слышал такое выражение, но что это — не знаю.

— Есть химическая борьба, когда их ядами травят,— заговорил Столбов, роясь в портфеле,— только это дело вредное: людей можно отравить, домашних животных... А есть, значит, биологический метод. Это когда на вредителей всяких паразитов напускают, а эти паразиты вредных гусениц губят... А есть еще способ, когда этих гусениц всякими ихними болезнями заражают.— Столбов извлек из портфеля закупоренную стеклянную баночку, на две трети заполненную каким-то желто-бурым порошком.— Видал?

— Что это?

— Гусеницы. Толченые.

— ?

— У нас огородный участок за городом, и на капусту прошлым летом вредитель напал — капустная совка. Мы давай гусениц вручную собирать. Только поздно хватились: треть капусты пропала. А потом я заметил, что много гусениц больных или вовсе дохлых. Я их, значит, насобираал...

— Дохлых?

— И дохлых и больных. Больным дал подохнуть от болезни, а потом высушил всех на солнце и истолок.

— Ну и что?

Столбов прищурил один глаз, разглядывая содержимое банки.

— А то! Может, тут у меня бактерии или микробы, от которых гусеницы погибли. В сушеном виде, значит. Если гусеницы летом снова появятся, я это дело в воде размешаю, капусту опрыскаю и здоровых гусениц, может, всех перезаражу.— Столбов спрятал банку обратно в портфель и еще больше помрачнел.— Только я ведь наобум работаю... Мне бы хоть микроскоп... Хоть бы посмотреть, живые они или нет, эти микробы! Я бы на них водой капнул — и под микроскоп!

— А ты у биологички попроси!

— Просил. В три шеи выгнала. Грозилась директору сказать, что я заразу в школу таскаю.

Родя живо представил себе сцену между Столбовым и преподавательницей биологии. Это была женщина довольно молодая, но очень неприятная, которая и ребят не любила, и свой предмет.

— Пока!— сказал Столбов.— Гене привет передай.

И уже на самой последней перемене Ляля подвела к Маршеву и Рудакову маленького русоволосого мальчонку. Друзья подумали, что он второклашка, но это оказалось не так.

— Вот, знакомьтесь!— сказала Круглая Отличница.— Сам опрос в четвертом «Б» провел, по своей инициативе. Толя Козырьков зовут.

Веня взял у мальчишки тетрадку. Отдав ее, тот опустил голову и начал краснеть.

На первой странице ребята прочли:

«Козырьков Толя. Четвертый кл. «Б»

Ленейка для разризания пластмассы».

День выдался утомительный, и Веня был не в духе.

— Козырьков Толя. Это ты, значит?— спросил он.

— Я,— ответил Толя, глядя в пол.

— У тебя что — двойки по русскому?

— Тройки,— ответил Толя и еще сильнее покраснел.

— Ведь «линейка» от слова «линия» происходит, а ты пишешь «ленейка»!

— Хватит тебе придирааться!— сказал Родя и обратился к мальчишке:— Что это за линейка?

Толя еще ниже опустил голову и заговорил тихим прерывающимся голосом, словно отвечая трудный урок:

— Мой папа любит мастерить, и он режет пластмассу... Он пластмассу режет... Он положит на пластмассу линейку, и по этой линейке режет... такой железкой с зазубринкой...

Он проведет по линейке железкой, и получается царапина на пластмассе... Потом он еще раз проведет, и... глубже станет... царапина. А потом... потом совсем разрежет. Только пластмасса скользкая, и линейка скользит... Соскользнет, и царапина — не туда... Папа очень много пластмассы испортил... — Толя умолк и стоял не подымая головы, словно ожидая получить двойку.

— А что ты придумал?— спросил Родя.

— А я придумал, чтобы к линейке наждачную бумагу приклеивать... Нарезать полосочками и приклеивать... Клеем «БФ»... И тогда она не скользит...

— Гм! Это дело!— сказал Венья.

— А почему обязательно «БФ»?— спросил Родя.

Тут впервые Толя осмелел и поднял голову.

— Потому что у папы линейка стальная. Другим клеем она не приклеится...

И каждую перемену друзей разыскивал Портнов, которого Венья теперь иначе не звал, как Перпетуум-мобиле. И каждый раз он докладывал о новом кандидате в пионерское научно-конструкторское общество. Чистой тетрадкой Алька не запасся, поэтому он вел свои записи на промокашках, на выданных из старых тетрадей листочках.

— Во!— говорил он возбужденно.— Димка Грибов! У него аквариум, и он хочет золотую рыбку с пескарем скрещивать.

— А это зачем?— спрашивали его.

— Ну как зачем!— кипятился Перпетуум-мобиле.— Для науки!

И ни Родя, ни Венья, ни Круглая Отличница не замечали, что к разговорам о «социологическом опросе» внимательно прислушивается Надежда Сергеевна. Не замечали, пока она сама к Ляле не подошла.

— Слушай, голуба моя, объясни, пожалуйста, кто придумал этот «социологический опрос» и с какой целью он проводится?

— Мой брат придумал,— ответила Ляля и рассказала все, что хотела узнать замдиректора.

— Вот оно как! Ну спасибо,— сказала Надежда Сергеевна и ушла.

К концу учебного дня у наших обследователей скопилось пять тетрадок и куча записок на отдельных листочках, принесенных Алькой Портновым.

Ляля собрала все это и побежала разыскивать Гену. Вернувшись, она доложила:

— Он сказал, чтобы вы к нам пришли часа в четыре.

Как всегда, по дороге домой друзья проходили мимо Дворца пионеров, и здесь только им вспомнилось освещенное окно и черная фигура, метавшаяся в нем. Оба остановились перед воротами дворца.

— Запишемся,— предложил Родя.

— А в какой кружок?

Родя задумался, и тут его осенило.

— Слушай! Запишемся в такой кружок, который занимается в пятницу вечером.

Веня сразу понял своего друга. Вы уже знаете, что к Рудаковым приехали родственники — дядя Миша с женой. Дяде Мише исполнилось пятьдесят лет, и он собирался отметить это событие в пятницу ужином в ресторане. Были приглашены и супруги Маршевы.

— Правильно!— сказал Веня.— Раньше, чем в полпервого ночи они домой не вернутся. Может, и успеем провести эту операцию.

Друзья вошли во дворец и записались в фотокружок, который занимался в пятницу вечером. На этот раз дежурил другой педагог — мужчина.

В четыре часа Веня и Родя явились к Гене. Они застали его и Лялю во дворе. Надо сказать, что двор этот больше по-

ходил на парк. Тут росли старые тополя и липы, тут были ярко раскрашенные скамейки, беседки и песочницы для малышей. И было тут маленькое футбольное поле, огражденное сеткой, какой обычно ограждаются теннисные корты. По этому полю, сражаясь за мяч, метались восемь полевых игроков примерно Родиного возраста, а в воротах из планочек прыгали два вратаря. Кроме того, по площадке со свистком в зубах бегал взъерошенный коренастый парень, в котором ребята узнали самого Гену. Он временами свистел и командовал:

— Угловой у ворот «Синицы»!.. Стоп! Рукой сыграл. Штрафной от ворот «Чижа»!..

А снаружи, вцепившись в решетку и прильнув к ней носами, стояли еще человек десять мальчишек. Вид у них был такой, словно они узники в тюремной камере, а крошечное футбольное поле для них целый мир, где царят свобода и счастье.

Недалеко от футбольного поля была другая площадка, с клумбой посредине. Здесь приятели увидели Круглую Отличницу и Валерку, тут же было много старшеклассников. Один брэнчал на гитаре, двое других играли в бадминтон, перебрасываясь воланом через клумбу, остальные просто сидели на скамейках, и Родя с Веней заметили, что в руках у некоторых тетради с результатами их неоконченного опроса.

— Гена, иди! — позвала Ляля, увидев Рудакова и Маршева.

— Ге-е-на-аа! Соци-о-о-ологи пришли-и-и! — дурачась, закричала одна из девушек.

— А с линейкой — это надо на заметку взять, — сказал какой-то парень, листая тетрадку.

— С какой линейкой? — спросили его.

— Для резки пластмассы.

Это было единственное серьезное замечание, которое ребята услышали по поводу опроса. Старшеклассники были

явно заинтересованы этим мероприятием, но относились к нему, как к чему-то очень забавному.

Пришел Гена и грубовато сказал старшекласникам:

— А ну давайте сюда! — Он забрал у них тетрадки и Алькины листочки и кивнул «социологам»: — Пошли! Тут не дадут поговорить: зубы скалить будут.— Отойдя с ребятами в сторонку, он продолжал: — Значит, я проанализировал материал. У вас один шестой еще не охвачен и два четвертых, но, в общем, что-то около тридцати процентов получается.

— Исследователей и конструкторов,— пояснила Ляля.

— Да. Правда, вечных двигателей что-то многовато... Но это ведь о чем говорит? Тяга у людей к изобретательству имеется, а направить их — никто не направляет.

Пока Гена говорил, игра у футболистов прервалась.

— Гена! Ну, Ген!.. Ну, иди, суди!— кричали они.

— Играйте!— крикнул Гена.— Пусть Димка судит пока!

— Ген!.. Ну мы закончим опрос, а что дальше?— спросил Валера.

— А дальше... для начала вот что сделаем: напишите статью в стенгазету. Не в отрядную, а в большую, общешкольную.

— А что написать?— спросила Ляля.

— Ну, ты помнишь, о чем я дома у нас говорил? Об этом и напишите. Приведите цифры, только сначала закончите опрос...

— Ген!..— снова закричали футболисты.— Ну, не умеет Димка судить! Он только под ногами путается!

— Да отстаньте вы!.. Сейчас, говорю!— огрызнулся Гена и снова обратился к ребятам: — Про научно-техническую революцию не забудьте упомянуть.

«Социологи» помолчали, озадаченно поглядывая друг на друга. Потом Родя пробормотал:

— Ген!.. Гена! А может, лучше тебе статью написать... Все-таки общешкольная газета... Там старшекласники все-таки, а мы... Мы что-нибудь не так напишем.

Глаза у Гены вдруг сузились и стали злыми.

— А вот такие разговорчики ты лучше оставь,— процедил он сквозь зубы и спросил Лялю:— Ты им сказала?

— Нет, не успела еще.

— Ну так я скажу. Я сегодня дал согласие быть у вас пионервожатым.

— Вот... Да-а-а!— обрадовался Веня.

— Подожди, не давай! У нас учебная программа напряженная, затем я из «Разведчика» уходить не собираюсь, значит, со временем у меня будет туго. Значит, если с вами придется нянчиться и все за вас делать, я — пас. Понимаете? Я только общее руководство могу осуществлять, а работать должны вы сами. Так что пусть вот это дело,— Гена постучал ногтями по тетрадам,— будет для нас проверкой. Пробным камнем, как говорят. Всем понятно?

— Всем! Понятно! Всем!— торопливо ответили мальчишки.

Гена сунул в руки Маршева материал опроса.

— Считайте себя инициативной группой и действуйте, а я пошел, а то они себе глотки сорвут,— проговорил он и отправился к футболистам.

«Инициативная группа» решила сделать уроки, а часов в шесть собраться у Маршева и засесть за статью.

Глава одиннадцатая

А вот как провела этот день Зоя.

На первом уроке она сидела рядом с Соней Барбарисовой, подперев подбородок кулаком, делала вид, что внимательно слушает объяснение преподавательницы, но сердце у нее колотилось и мысли в голове налезали одна на другую.

«Тоже мне героини!» — думала она про Маршева и Рудакова. Забраться на ночь в пустой и темный Дворец пионеров

они не боятся, возможность попасть в руки неизвестных злоумышленников их тоже не страшит, а вот что скажут наутро папа с мамой, это их беспокоит. Чего доброго, они даже откажутся от своего предприятия, лишь бы только родителей не тревожить! Нет, она — человек иной закваски, ее не остановит такой пустяк. Она попросту оставит родителям записку: «Не беспокойтесь, вернусь только утром».

В этот день председатель совета отряда Ладошина получила несколько замечаний от педагогов за то, что ничего не слушает на уроках. Во время перемен ей не хотелось встречаться ни с Маршевым и Рудаковым, ни со своими друзьями. Она уходила куда-нибудь на другой этаж, чтобы оставаться со своими мыслями одной. Теперь ей рисовались сцены куда более волнующие, чем простенькая история с пожаром, о котором мечтала Зоя ночью.

Вот она пробирается по темной лестнице в темный вестибюль, вот набирает телефон милиции, сообщает что нужно и ждет. Проходит две минуты, может быть, три... Ко дворцу подкатывает машина, и с десятков милиционеров врываются в вестибюль. (Заперты будут двери дворца или распянуты настежь, Зоя об этом не думала.) А утром и родители Зои и вся школа узнает о ее подвиге, а еще через несколько дней всей стране становится известно, что пионерку Зою Ладошину наградили медалью за разоблачение шайки опасных преступников.

Однако чем подробнее разрабатывала Зоя план своих действий, тем больше ей становилось не по себе. Зоя была почти уверена, что никто не заглянет за щит с таблицей Менделеева, где она будет прятаться. Даже мысль о появлении сумасшедшего Купрума Эса или неизвестных злоумышленников ее не очень пугала. Но при мысли о том, что она останется совсем одна в огромном пустом и темном здании, у Зои от страха холодело под ложечкой. Встреча с самыми свирепыми бандитами казалась ей не столь ужасной, как это одиночество в темноте. А ведь

может и так случиться, что никто в лабораторию не придет, и тогда ей придется терпеть этот ужас до самого утра! Нет, такого она не выдержит, этак она сама спятит не хуже, чем Купрум Эс.

Зоя решила, что ей не обойтись без сообщника, и стала перебирать в уме возможных кандидатов. Было бы глупо думать, что Соня, сестры Мухины или Шурик Лопухов согласятся идти выслеживать сумасшедшего или бандитов. Чего доброго, они еще предупредят взрослых о Зоиных планах, чтобы спасти ее от этого опасного предприятия. Влюбленный в Зою Жора Банкин, возможно, не побоится бандитов, зато, как Маршев, побоится беспокоить родителей. Но вот у Нюси Касаткиной с родителями дело обстоит проще: Нюсин отец в командировке, а мама работает кассиршей в аэропорту и нередко дежурит там ночами. К тому же Нюська понимает, что это она — виновница вчерашнего скандала, и, наверно, будет рада искупить свою вину.

Когда прозвенел последний звонок, Ладوشина подошла к Нюсе. (Та в течение всего дня не решалась с ней заговорить.)

— Твоя мать когда будет ночью дежурить?— спросила Зоя. Спросила сухо, как бы нехотя, сурово сдвинув брови.

Нюся очень обрадовалась, что ее наконец удостоили разговором.

— Сегодня,— просияв, ответила она.— А что?

— Мне нужно, чтобы ты помогла в одном деле. Сегодня вечером. Можешь?

— Могу! Пожалуйста, конечно, могу! А как?

И тут Зоя подумала: а зачем Нюське все объяснять? Ведь она может испугаться и на попятный пойти...

— Сегодня пойдем во Дворец пионеров и побудем там... часов... часов до десяти, до половины одиннадцатого.

— Зоя, а меня туда пустят? Я ведь там никуда не записана.

— Пустят. Со мной.

— Зоя, а что мы будем там делать?

— Я за тобой зайду. Без четверти восемь. Не подведешь?

— Не подведу. Только, Зоя, что мы там...

— Потом узнаешь. Сейчас мне некогда.

Зоя повернулась и быстро побежала от Нюси к лестнице.

Этот день был, пожалуй, самый томительный в Зоинной жизни. Читать она ничего не могла. На месте ей не сиделось, и она принялась слоняться по квартире, что-то весело напевая, чтобы бабушка не догадалась, как она взволнована. Но Зоину бабушку Веру Федоровну трудно провести. Когда Зоя в какой-то раз сунулась в кухню, бабушка, как всегда прямая, подтянутая, стояла перед мойкой с сигаретой в зубах и мыла посуду. Она даже не обернулась, даже не вынула сигареты изо рта, прежде чем спросить:

— Так, чем же мы озабочены, позвольте узнать?

— Ничем,— со вздохом ответила Зоя и, чтобы не попадаться бабушке на глаза, отправилась во двор. Там она с кем-то играла в мяч, с кем-то болтала, но с кем играла и о чем разговаривала, она так и не запомнила. Запомнила Зоя лишь то, как она спрашивала чуть ли не у всех прохожих, который час.

Наконец она увидела возвращающуюся с работы маму и пошла вместе с ней домой. Теперь Зое надо было делать вид, что она готовит уроки. Сегодня она даже не пыталась понять, что написано в учебниках, даже не заглянула в дневник. Она сидела за столом и думала о том, что вот уже второй день не выполняет домашних заданий, что ей, наверное, впервые в жизни предстоит получить так много двоек. Но тут Зою обдавала волна радости. Ну кто придаст значение каким-то там двойкам, да и кто из педагогов осмелится поставить эти двойки, если скоро весь город будет знать о совершенном ею подвиге! А через минуту эта мысль сменя-

лась другой: ну кто вспомнит про какие-то там двойки, когда вся школа, а может быть, и весь город будет идти за гробом юной героини, убитой злоумышленниками в коридоре Дворца пионеров! (Какая судьба постигнет Нюську Касаткину, Зоя об этом не думала.)

Наконец в восьмом часу Зою позвали ужинать. Перед тем как идти в кухню, она вырвала листок из тетради и написала:

Дорогие мама, бабушка и папа!

Пожалуйста, не беспокойтесь, но я сегодня дома ночевать не буду. Не волнуйтесь и не ищите меня, завтра все узнаете.

Ваша Зоя.

В семь часов ужинала только одна Зоя, а все взрослые в этой семье ужинали поздно, в девятом часу. Покончив с едой, Зоя выбрала подходящий момент, открыла холодильник и положила записку в кастрюлю, где хранились котлеты. Как только бабушка вынет кастрюлю, чтобы их разогреть, она тут же найдет послание. После этого Зоя сказала домашним, что хочет прогуляться перед сном, и вышла.

Минут через пятнадцать они с Нюсей шагали к Дворцу пионеров. Маленькая Нюся то семенила рядом с Зоей, то забегала вперед, чтобы заглянуть в глаза, и все спрашивала, зачем Зое нужна ее помощь и в чем эта помощь должна выражаться. А Зоя, проволновавшись целый день, так и не придумала, как все это Нюське объяснить, и теперь плела, что на ум взбредет.

— Понимаешь, мне нужно одного человека разоблачить...

— Человека? Взрослого?

— Ну, взро... не взрослого, конечно, а этого... мальчишку.

— Зоя! А что он делает, Зоя?

— Н-ну... не очень красивыми делами занимается,— цедила сквозь зубы Зоя, напряженно стараясь придумать, что это за «некрасивые дела».

— Зоя, а в каком смысле некрасивыми делами? Зоя, и потом... что мне надо будет делать?

К счастью для Зои, они вошли в это время в ворота Дворца пионеров и двинулись по короткой аллее к его входу. Тут Зоя нашла предлог, чтобы сменить тему разговора.

— Значит, так,— сказала она.— Если тебя будут спрашивать, куда идешь да зачем — ты молчи и ничего не говори. Я за тебя буду говорить. Понятно?

Нюся молча кивнула и притихла. Она не сказала ни слова, пока девчонки не оказались на третьем этаже.

Разговаривать им много не пришлось. Женщина в черном халате, сидевшая рядом с телефоном, спросила Зою, как старую знакомую:

— Зойка, а ты куда это так поздно?

— Мне Александр Павлович велел прийти в восемь часов. У нас особая репетиция. А эта девочка,— Зоя кивнула на Нюсю,— она у нас новенькая. Ей тоже Александр Павлович велел прийти.

— Идите, раздевайтесь,— сказала женщина, и тут Зоя поняла, что она не все до конца продумала.

На ней и на Нюсе были плащи. Но ведь их в гардеробе на всю ночь не оставишь! Если они не явятся за плащами до закрытия дворца, их наверняка примутся всюду искать.

Нюся спокойно направилась к гардеробу. Зоя нагнала ее и схватила повыше локтя.

— Стой! Подожди! — прошептала она.

Нюся остановилась и в недоумении завертела головой, помахивая своей метелочкой на затылке. Тут на лестнице послышался гомон, топот, и через несколько секунд в вестибюль ввалилось десятка два мальчишек в тренировочных костюмах. Зоя увидела, что гардеробщица занялась маль-

чишками, а женщина у столика не смотрит в ее сторону. Она еще сильнее вцепилась в локоть Нюси и очень быстро подтащила ее к лестнице.

— Снимай плащ! — прошептала она, когда они были уже на третьей ступеньке. (Сделав рот сковородником, обалдело глядя на Зою, Нюся повиновалась.) Зоя тоже сняла плащ, сложила его и скрутила в рулон.— Сверни его так! Слышишь? Сворачивай так! Быстро!

Нюся страдальчески смотрела на Зою. Один уголок рта полез у нее куда-то вниз, а другой — вверх, так что губы ее приняли форму знака, который в математике обозначает бесконечность. В полном молчании она кое-как скомкала плащ.

— Пошли! Быстро! — шепотом скомандовала Зоя, и они бегом пустились вверх по лестнице.

На площадке второго этажа они остановились. Щиты, за которыми Зоя собиралась спрятаться, стояли на прежнем месте. Где-то справа из коридора доносились голоса старшеклассников.

— Бросай плащ! Вот как я, бросай! — тихо сказала Зоя и швырнула свернутый плащ в черное треугольное пространство между щитами и стеной.

Нюся тоже бросила свой плащ, но так близко, что его мог бы увидеть каждый, поднимающийся по лестнице.

— У, дура! — прошептала Зоя. Она стала на колени и толчком засунула Нюсин плащ поглубже.— Пошли!

Девчонки поднялись на третий этаж. Здесь былолюдно и шумно. Недавно окончил занятия струнный оркестр, но музыканты не расходились, а стояли в коридоре, тренькая своими балалайками и домрами и о чем-то болтая. Тут же болтались ребята из других кружков, окончивших занятия, а из помещений, где занятия еще продолжались, слышались стук молотков, звуки рояля и чья-то взволнованная декламация.

Осмотревшись, Нюся опять начала расспрашивать Зою,

что они тут будут делать и в чем должна заключаться ее, Нюсина, помощь. Зоя так и не придумала толком, что ей соврать, поэтому она накинулась на «помощницу»:

— Ой, Нюська, ну не приставай ты ко мне с вопросами! Мне это дело сам директор поручил!

— Как... какой директор?

— Ну вот этого... Дворца пионеров. Ты что, не понимаешь?

— Зоя! Зоя, я все-таки... он что тебе поручил?

— Вот это дело расследовать.

— Зоя, ты все-таки извини, пожалуйста... но все-таки какое дело?

Зоя в нетерпении крутнула головой.

— Ой, ну какая ты!.. Понимаешь, тут... тут один мальчишка... ну, воровством занимается. А я, значит... а я, значит, это заметила. А директор, значит... он, значит, попросил меня его разоблачить.

— Зоя, а я? Я зачем тебе нужна?

— Ой, какая ты!.. Ну, как свидетельница.

— Зоя, ну а все-таки... Почему ты именно меня выбрала?

— Фу-ты!.. Ну, потому, что ты самая боевая. И еще потому, что я больше всех тебе доверяю. И вообще молчи, пожалуйста! И не мешай мне наблюдения вести!

Зоя умолкла и стала делать вид, что пристально и подозрительно приглядывается к каждому, проходившему мимо, а у Нюси рот снова принял форму знака бесконечности. Она умолкла, пораженная двумя только что сделанными открытиями: во-первых, она, оказывается, «боевая», а во-вторых, Зоя Ладوشина, сама Зоя Ладوشина считает ее, Нюсю Касаткину, наиболее достойной своего доверия. Она так усиленно старалась понять, в чем выражается ее «боевитость», что даже не заметила, как прошло довольно много времени.

Глава двенадцатая

Коридор постепенно пустел.

Закончил работу кружок «Умелые руки», потом — хореографический, окончились репетиции и в кружке художественного слова. Руководитель Александр Павлович вышел в коридор вместе со своими чтецами и декламаторами, а Зоя, чтобы не встретиться с ними, поспешно отвела Нюсю в сторону.

Скоро кружковцы тоже ушли, и в коридоре, помимо Нюси и Зои, осталось человека три или четыре.

— Пошли! — сказала Зоя, и они спустились в коридор второго этажа, где было еще довольно оживленно: членам научного общества «Разведчик» позволялось заканчивать работу в половине десятого. Зоя подошла к двери лаборатории биохимии и потрогала ее. Дверь была заперта: или занятия в лаборатории уже кончились, или их вообще в этот день не было.

Зоя подвела Нюсю к щитам.

— Теперь так, значит, — тихо заговорила она. — Я тебя загорожу, а ты лезь вот сюда, куда мы плащи забросили.

Нюсе все меньше нравилось это предприятие. И вообще какое-то тяжелое предчувствие охватило ее.

— Зоя, — сказала она тихонько и очень жалобно, — ну зачем все же это?

— Лезь, говорю, пока никто не видит! — яростно прошипела Зоя, и Нюся уползла за щиты, часто шмыгая носом.

Зоя постояла несколько секунд, убедилась, что никто не смотрит в ее сторону, что никто не идет по лестнице, и присоединилась к Нюсе. Теперь они сидели рядом, прислонившись спиной и затылком к стене и поджав коленки к самой груди. Несколько минут прошли в полном молчании.

— Зоя, а где директор? — прошептала вдруг Нюся.

— Какой директор? — не поняла Зоя.

— Дворца пионеров.

— Внизу сидит. С педагогами. Мы, когда увидим того

мальчишку, дадим ему пройти, а сами спустимся к директору и скажем. И вообще молчи, пожалуйста! А то ведь услышат — и все пропало!

Наверное, минут пятнадцать Нюся не произносила ни слова. Сидеть с поджатыми к груди коленками было очень неудобно, ноги стали болеть.

— Повернись! — прошептала Зоя. — Спиной ко мне повернись!

Обе повернулись спиной друг к другу, боком к стене и вытянули ноги. Теперь Зоя, не поворачивая головы, могла видеть часть лестничной площадки, а Нюся ничего увидеть не могла: перед ней была лишь темная боковая стена коридора.

То и дело перед глазами Зои возникали ноги выходивших на площадку старшекласников, а потом, когда они сбегали вниз по лестнице, Зоя видела их спины и, наконец, затылки. Шаги в коридоре звучали все реже... И вот наступила минута, когда они совсем перестали звучать. За спиной у Зои послышался жалобный шепоток:

— Зоя! Мне кажется, что ты... что ты от меня что-то скрываешь.

— Ну что я от тебя скрываю? Ну что? Ну... — Зоя не договорила, и обе разом затихли.

Внизу послышались шаги и голоса. Скоро Зоя увидела, как по лестнице поднимаются две женщины и мужчина. Женщины говорили о какой-то стиральной машине, их спутник молчал. Все трое миновали площадку и пошли дальше, на третий этаж.

— Зоя, кто это? — прошептала Нюся.

— Одна — техничка, мужчина — дежурный педагог, а третья — не знаю кто. Должно быть, из этих... администраторов.

— Зоя, а почему ты им не сказала, что мы тут сидим?

— Это зачем еще? — изнемогая от злости, спросила Зоя.

— Ну чтобы они знали, что мы тут... дежури́м.

Зоя была в отчаянии. И черт ее дернул связаться с этой дотошной Нюской! Ну что ей еще можно наврать?

— А потому... а потому, что директор не велел им говорить,— прохрипела она сердито.— Потому, что эта... которая про стиральную машину... она как раз мать того самого мальчишки! Понятно тебе?

— Понятно. Только, Зоя, мне кажется, что ты меня обманываешь.

— Ну и пусть тебе кажется! Скоро сама поймешь, как я тебя обманываю. Сиди и молчи только!

Нюся опять притихла. Сверху приглушенно доносились голоса, временами там негромко хлопали двери. Так прошло еще несколько минут. Потом трое взрослых спустились на второй этаж и прошли в дальний конец коридора. Судя по звукам, доносившимся до нее, Зоя поняла, что взрослые отпирают ключом дверь каждого помещения, осматривают его и снова запирают дверь. Голоса, потрескивание ключей в замках, стук дверей слышались все ближе, и Зоя забеспокоилась: а что, если взрослым вздумается заглянуть за щиты?

— Биохимию можно не открывать,— уже совсем близко сказал мужчина.— Они сегодня не занимались.

И уже совсем рядом брякнул ключ в замке, скрипнула дверь, щелкнул выключатель.

— У электроников тоже порядок,— проговорила женщина.

Еще через несколько секунд дверь лаборатории электроники была заперта, свет в коридоре второго этажа погас, и трое взрослых стали спускаться по лестнице, слабо освещенной снизу.

— Зоя! — слабо пискнула Нюся.

И тут сердце у Зои как-то по-нехорошему забилося, и ее охватила тоска и сомнение. Вот совсем скоро трое взрослых уйдут, и они с Нюской останутся тут одни. Да, конечно, когда рядом Нюська, сидеть в пустом и темном здании не

страшно. Ну, а что будет, когда здесь появится тот самый «кто-то», кого Зоя так легкомысленно вздумала «разоблачить»? Теперь она была бы рада-радехонька, если бы им оказался Купрум Эс, пусть даже и сумасшедший: все-таки от старенького учителя всегда можно увернуться, всегда можно убежать. Но сейчас Зоя была почти уверена, что это не Купрум Эс. Тот, кто не боится пробираться сюда каждую ночь, должен быть сильным, смелым, ловким и, конечно, безжалостным, готовым на все! Теперь Зое было ясно: как только она увидит этого страшного «кого-то», она и думать забудет о том, чтобы пробраться в вестибюль да еще вести там телефонные разговоры. От ужаса она шевельнуться не сможет, даже вдохнуть глубоко не посмеет! А ведь мямля Нюська может зареветь с перепугу, и тогда этот «кто-то» хладнокровно их пристукнет.

Зоя подумала о том, что она могла бы сейчас спокойно лежать в постели, слушая, как в соседней комнате негромко разговаривают родители. Вспомнилась Зое записка, оставленная ею в холодильнике, и она ясно себе представила, как взволнованы сейчас домашние, подумала, что ее уже ищут, хотя она и просила этого не делать. И ей стало горько от мысли, что никто не догадается поискать ее во Дворце пионеров. И Зое очень захотелось оказаться дома, успокоить родителей и успокоиться самой. А тут еще эта Нюська все чаще и все жалобнее попискивала шепотком:

— Зоя!.. Ну, Зоя!.. Зоя!..

— Сиди тихо! Я сейчас...— шепнула вдруг Зоя. Она выползла на площадку, тихонько, держась за перила, спустилась на несколько ступенек и стала прислушиваться к тому, что делается внизу.

Вестибюль был по-прежнему освещен, но голосов там не было слышно. Зоя знала, что внизу расположены фойе, зрительный зал со сценой и примыкающая к ней гримерная. Как видно, взрослые проверяли теперь, все ли в порядке в этих помещениях. А может быть, входная дверь еще не за-

перта? А если и заперта — может, ключ торчит в двери? Может, сказать Нюське, чтобы она вылезала из убежища, быстренько спуститься вниз, а там... Ох, как хорошо было бы оказаться теперь на улице, на свободе!

Но тут Зое представилось, как она появляется домой, как рассерженные родители допрашивают ее, где она пропадала и что означает эта дурацкая записка. А что будет завтра в школе? Ведь Нюська же растреплет всем, как они просидели весь вечер за щитами и затем сбежали, так ничего и не совершив. И, конечно, Маршев с Рудаковым поймут, что Ладошина решила их опередить в поимке злоумышленника, но в последнюю минуту струсила. Маршев, может быть, и промолчит, но Рудаков уж не постесняется выставить ее на помешнице.

И Зоя, собравшаяся было позвать за собой Нюсю, вцепилась в перила и не двинулась.

В вестибюле слышались шаги и голоса. Зоя услышала, как одна из женщин сказала:

— Вырубайте свет, Виталий Филиппович!

Вестибюль погрузился во мрак.

— Идемте, товарищи,— произнес мужской голос.

Стукнула внутренняя дверь застекленного тамбура у входа, щелкнул ключ в замке. Через несколько секунд стукнула дверь наружная.

— Зо-о-оя!.. Ну, Зо-о-оя!..— тихо слышалось наверху.

Зоя не ответила. Она на цыпочках добралась до нижнего пролета лестницы, свернула на него и спустилась по нему до конца. Свет от луны да от фонарей в саду просачивался сквозь полупрозрачные занавеси на больших, как витрины, окнах. Зоя смогла разглядеть почти весь пустынный вестибюль. Теперь, когда путь к отступлению был отрезан, у нее даже стало легче на душе: не надо было мучиться, колебаться. Зоя вернулась на второй этаж и, стоя на площадке, сказала хотя и не громко, но уже не шепотом:

— Нюска! Вылезай! Разомнись немного.

Послышался шорох, шмыганье носом, и Нюся выползла из черного треугольника за щитами.

— Зоя, а где директор?— снова спросила она, едва поднявшись на ноги.

— Нету здесь никакого директора,— мрачным голосом ответила Зоя.— И вообще мы одни теперь. Во всем доме! Во всем дворце!

— Ка... как одни?— со слезами в голосе пропищала Нюся.

— Садись! Я тебе расскажу всю правду.

Зоя села на верхнюю ступеньку, Нюся машинально опустилась рядом с ней и в отчаянии замотала головой.

— Каку-у-у-ю пра-а-авду?— проплакала она уже в голос.

И тут Зоя выложила ей все. И про светящиеся щели, обнаруженные мальчишками, и про темную фигуру в освещенном окне, и о странном поведении Купрума Эса, и про то, что таинственный «кто-то», может быть, вовсе не Купрум Эс, а какой-нибудь очень опасный злодей или даже несколько злодеев. Разговор этот продолжался довольно долго потому, что каждая фраза, сказанная Зоей, вызывала у Нюси новый взрыв отчаяния и новые потоки слез.

— Ой, Зоя, ну что ты со мной сделала! Ой, ну... ну как... ну как тебе только не стыдно! Ой, что ты со мной сделала!

— Да тише ты!— то и дело повторяла Зоя.— Будешь реветь, так мы даже не услышим, когда они войдут.

И она несколько раз вставала, спускалась по освещенной лунной лестнице, прислушивалась к тишине в вестибюле и возвращалась. Потом Зоя так и не могла даже приблизительно определить, сколько времени все это длилось, она помнила только, что Нюся наконец стала спокойней: она теперь не плакала, а только всхлипывала. А Зою

все больше тревожило, что Нюска может выдать их, когда наступит самый страшный момент, когда «он» придет. И она принялась подбадривать подругу, а заодно и себя.

— Нюска! Ну ты только пойми, — заговорила она горячим полупшепотом, — ты только пойми, какая нас ожидает слава, если нам все это удастся!

Однако Нюся принялась всхлипывать еще чаще.

— Зоя! Ну, Зоя! Ну не нужна мне никакая слава! Ну ты сама пойми, что у меня нервная система для такого не приспособлена! Ну я просто не выдержу и...

И вот тут-то обе услышали, как внизу негромко, но отчетливо стукнула внутренняя дверь. Взглянув на подругу, Зоя увидела в лунном свете, что та сидит с дико вытаращенными глазами, прижав растопыренную пятерню к разинутому рту. В следующий момент Нюска исчезла. Без единого шороха, совсем как ящерица, она скользнула за щиты. Еще через две секунды там же очутилась и Зоя.

Они забились в самую глубину своего убежища. Нюся стояла на коленях, прильнув всем туловищем, щекой и ладонями к прохладной стене коридора, а Зоя стояла на четвереньках, уткнувшись макушкой в дрожащую Нюскину спину. В таком положении Зоя даже не могла видеть, что творится у нее за спиной, и это было особенно страшно. Однако она не смела не то чтобы повернуться, но даже пальцем шевельнуть.

А на лестнице уже слышались шаги. Это были неторопливые шаркающие шаги. Похоже было, что там идет всего один человек и идет не таясь, не крадучись, но довольно часто останавливаясь. Во время таких остановок он как-то странно топтался на одном месте и временами что-то бормотал. Что именно он бормотал, перепуганная Зоя не пыталась понять. Но вот шаркающие шаги стали ближе, еще ближе... Зоя напрасно опасалась, что Нюска от страха выдаст ее и себя. Та не только дышать, даже дрожать перестала. Замерло дыхание и у

Зоя. Сейчас решится их судьба: сейчас пришелец или заглянет к ним за щиты, или мимо пройдет.

А тот уже топтался на площадке перед самым входом в их убежище. Топтался, бормотал, и Зоя наконец расслышала его бормотание:

— Да!.. Так что же ты забыл? Так что же ты, старый маразматик, забыл? Да! Вот именно: старый маразматик!

«Купрум Эс! — сообразила Зоя и сразу почувствовала, как ей стало легче дышать.— Купрум Эс, и, как видно, даже не сумасшедший, если он сам себя обзывает «старым маразматиком».

Купрум Эс двинулся дальше в коридор, и девчонки услышали, как он сунул ключ в замок, как открыл дверь. Несомненно, это была дверь в лабораторию биохимии. Зоя прислушалась к этим звукам, а сама думала, что ей делать дальше. Хорошо, пусть Купрум Эс не сумасшедший, но ведь может же и нормальный человек затевать что-нибудь недоброе. Значит, надо быть поосторожней.

Шаги Купрума Эса слышались теперь очень негромко. Как видно, он уже был в лаборатории, но дверь за собой не закрыл.

— Это Купрум Эс. Не бойся, но сиди тихо,— шепнула Зоя и выползла из-за щитов. Подумав, она, сидя на полу, сняла туфли и только после этого вошла в коридор.

Там было совершенно темно, и только открывая створка двери в лабораторию была слабо освещена. Зоя набралась храбрости и приблизилась к двери, прижимаясь к противоположной стене коридора. Сначала она ничего не разглядела, кроме светившегося напротив двери окна. Но вдруг на фоне этого окна, откуда-то слева, появился черный силуэт Купрума Эса. Учитель подтащил к окну стул, забрался на него, оттуда — на подоконник, поднял руки, и тут Зоя увидела, что в руках у него болтается черный занавес. Купрум Эс растянул его перед рамой окна, и в лаборатории стало совершенно темно. Зоя поняла,

что это было последнее окно, которое учителю надо было занавесить. Она на цыпочках шмыгнула обратно на площадку и стала смотреть в коридор из-за угла.

Вот слабо щелкнул выключатель, и из открытой двери хлынул свет. Теперь Зоя не решалась приблизиться к лаборатории, она только слушала. Похоже было, что Купрум Эс хозяйничает там, никого не опасаясь. Он громко покашливал, звенел ключами, что-то отпирал и запирали, что-то передвигал... И у Зои вдруг мелькнула такая мысль, что ей захотелось обругать себя дурой. Она подошла к входу за щиты и шепнула:

— Нюська, вылезай!

Из темноты слабо послышалось:

— Зоя, я боюсь.

— Ну, вылезь на минуту, я тебе несколько слов скажу!

Нюся выползла, пятась, а Зоя продолжала:

— Ну что ты трусишь? Ведь это же Купрум Эс, от него трехлетний ребенок удерет!

— Зоя, но я все-таки боюсь.

— А если боишься, спускайся вниз и сиди. Там ты где угодно можешь спрятаться.

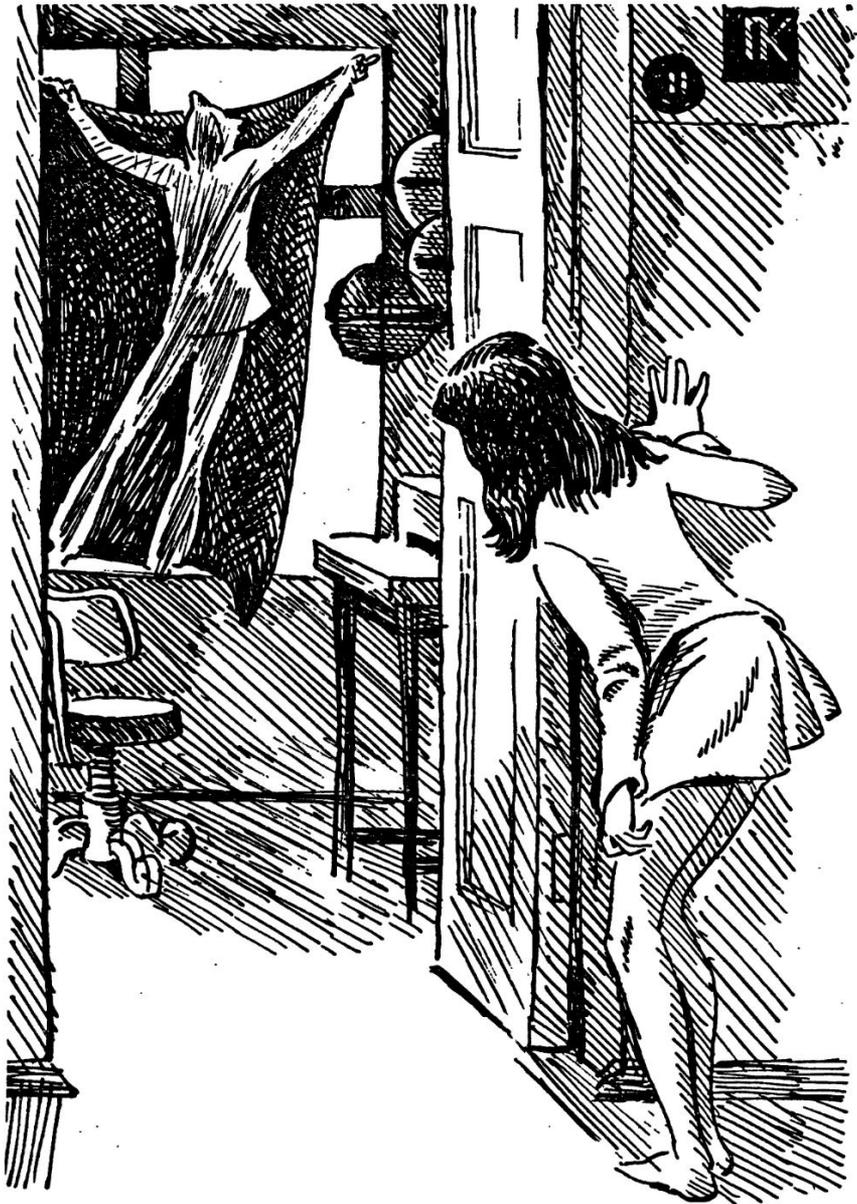
— Зоя, а ты?

— А я буду наблюдать за ним. Я знаешь о чем сейчас подумала? Это Маршев с Рудаковым мне голову задумали, наплели про всякие там взрывчатки да яды... А Купрум Эс, может, наоборот, что-нибудь полезное придумывает. Очень ему нужно взрывы устраивать да людей травить!

— Зоя, ты, может быть, права, но только как ты отличишь, отраву он делает или что-нибудь полезное?

— Ну и пусть не отличу! Зато я твоему Маршеву смогу завтра сказать, что лично следила за Купрумом и не струсила, как некоторые. Вот!

Нюся знала, что Зою не переспорить. Она только заявила, что никуда отсюда не уйдет, что сидеть в темном

вестибюле ей будет страшней, чем здесь, за щитами, сравнительно недалеко от Зои.

— Ладно! Тогда устраивайся удобней и сиди. Только тихо сиди.

Нюся уползла за щиты и шепнула оттуда:

— Зоя, только ты не очень долго?

— Как придется,— ответила Зоя и удалилась в одних чулках в коридор.

Глава тринадцатая

Дверь в лабораторию была по-прежнему открыта. За дверью, у перпендикулярной к ней стены, Зоя увидела большую мойку для посуды. Дальше до самого окна тянулся покрытый пластиком стол, над ним висели застекленные шкафы, а на столе стояли какие-то громоздкие приборы и металлические штативы. Вдоль окон тянулся такой же стол, только подлиннее.

Услышав, что Куприян Семенович покашливает и бормочет где-то в середине комнаты, Зоя набралась храбрости и шмыгнула мимо открытой двери, чтобы разглядеть другую часть лаборатории. И тут она сделала очень приятное для себя открытие: между стеной и распахнутой створкой двери была щель сантиметра в два шириной. Если спрятаться за створкой и прикинуть глазом к щели, можно было видеть добрые две трети помещения, а самой оставаться незамеченной. Зоя так и сделала.

В центре комнаты был еще один стол, длиной метра в два, и примерно треть его занимал диковинный аппарат. Он состоял из стеклянных шаров, стеклянных цилиндров с металлическими змеевиками внутри, стеклянных и металлических трубок и путаницы разноцветных толстых и тонких проводов. У самого основания аппарата чернела доска с какими-то рычажками и измерительными приборами.

Куприян Семенович стоял перед аппаратом по ту сторону стола, так что Зоя хорошо разглядела его лицо. Ничего безумного она в нем не подметила. Учитель был сосредоточен и выглядел даже свежее и подтянутее, чем последнее время в школе.

Он отмеривал мензуркой какие-то разноцветные жидкости из широких бутылок и выливал эти жидкости в шары. Только теперь Зоя заметила, что сверху у каждого шара есть что-то вроде металлического горлышка с завинчивающейся пробкой. Некоторые шары Купрум Эс наполнял доверху, другие — только наполовину, а в иные наливал жидкость не из мензурки, а из пипетки, по каплям. Завинтив пробку очередного шара, он делал какие-то записи в тетради и бормотал:

— Эн-Це-Эл — восемьдесят кубиков. Зет — два с половиной кубика.

Иногда он прерывал свое занятие, прохаживался по лаборатории, тер ладонью лоб и говорил:

— И все-таки что же я забыл? Ну что я забыл? Ужасная глупость! Да!

Но чем дальше шла его работа, тем Купрум Эс становился сосредоточеннее и беспокойнее. Завинтив пробку на последнем шаре, он уже не старался припомнить, что он забыл. Он раза два прошелся вокруг стола, нервно тиская руки и, как показалось Зое, с какой-то тревогой, с каким-то боязливым отворачиванием поглядывая на свой аппарат. Но вот Купрум Эс взял подключенный к аппарату электрический шнур со штепсельной вилкой.

— Ну что ж!.. Начнем, — сказал он очень тихо, вертя перед носом вилку. — Последний раз начнем. Вот так, последний раз!

Он подошел к стене, сунул вилку в штепсель и, вернувшись к аппарату, сел перед доской с приборами. Теперь Зоя могла видеть лишь его спину, правое ухо да правую руку.

Прикусив язык, забыв о Ньюске, забыв про все страхи, смотрела Зойка, как работает Купрум Эс. Почему-то в памяти всплыло название книги, которую он подарил ее бабушке: «Химия человеческого мозга».

Купрум Эс щелкал переключателями, и на доске перед ним вспыхивали и гасли маленькие лампочки, колебались стрелки приборов. Потом послышалось какое-то жужжание, оно становилось все громче, и вдруг Зоя увидела, что разноцветные жидкости в стеклянных шарах бурлят, а в трех шарах, куда учитель только капнул из пипеток, теперь проскакивают искры и клубятся светящиеся пары — бледно-голубой, ярко-малиновый и темно-фиолетовый.

— Сто двадцать... Сто тридцать пять... Сто тридцать восемь... — отсчитывал Купрум Эс, глядя на какой-то прибор. — Двести один... Двести сорок... Двести сорок два... Стоп! — Он щелкнул выключателем, жужжание прекратилось, жидкости в шарах перестали бурлить, и цветные пары исчезли.

Учитель встал, подставил химический стаканчик под стеклянный краник на конце аппарата и открыл его. Из крана тонкой струйкой потекла совершенно черная и, как видно, маслянистая жидкость. Когда стакан был почти наполнен, струйка сама собой иссякла, и Купрум Эс закрыл краник.

Несколько секунд он тискал кисть одной руки кистью другой, со страхом глядя теперь уже не на аппарат, а на стаканчик. Лицо его подергивалось.

— Возьмем себя в руки! Да! Возьмем себя в руки! — произнес он наконец и снова принялся за дело.

На углу стола стоял пузатый портфель. Купрум Эс извлек из него нераспечатанную банку с каким-то вареньем и ключ для открывания консервов, которым он тут же снял с банки металлическую крышку. После этого он вынул из портфеля столовую ложку, зачерпнул ею варенья и, взяв в левую руку стаканчик, снова застыл, с ужасом глядя в пространство.

— Ну!..— сказал он глухо и часто задышал.— Ну!— повторил он громче, явно подбадривая себя, но и теперь не двинулся, а только дышал.— Ну!!!— воскликнул он с отчаянием, отхлебнул из стаканчика, быстро поставил его на стол, сунул в рот ложку с вареньем и тут же бросился к мойке.

Теперь Зоя не могла его видеть, но, судя по звукам, которые до нее доносились, учителя стошнило. Потом она услышала, как Купрум Эс тихонько стонет и полощет рот. Еле волоча ноги, он доплелся до стула, сел, подперев голову рукой, и застыл совершенно неподвижно. Это длилось так долго, и тело учителя так поникло, что Зоя встревожилась, не потерял ли он сознания, а может быть, и вовсе умер. Не думая о том, что делает, она выбралась из-за створки и почти вошла в лабораторию. При этом она машинально схватилась за дверную ручку, дверь слегка скрипнула, и Купрум Эс медленно поднял голову.

Теперь застыла Зоя. Несколько секунд Купрум Эс смотрел на нее совершенно равнодушно, потом так же равнодушно спросил:

— Ты... Ты Зоя? Лadoшина Зоя?

— Да,— тихо ответила Зоя.

— А почему ты... почему ты здесь? И в такой час?— Купрум Эс шевельнулся, выпрямился.— Да, вот именно: в такой час?

— Я... Мы с подругой... мы тут заговорились, а когда пошли домой, все уже заперто...

— Н-нда. Заговорились,— по-прежнему безразличным тоном, не глядя на Зою, повторил Купрум Эс.— И не заметили, как погасили свет. Во всем здании. Вот так.

Зоя молчала. Она понимала, что сморозила глупость.

— Обманывать нехорошо,— вяло сказал Купрум Эс.— И подглядывать тоже. Это безнравственно — подглядывать. Вот так. Да!

— Я... я не подглядывала.

Учитель не слушал ее. Он продолжал, глядя куда-то в угол:

— Тебя мальчишки научили. Эти... Родя и Веня. Они тебе сказали про свет. И что подозревают. Меня подозревают. Да.— Купрум Эс помолчал.— Ну что ж! Садись, присаживайся. Вот так!

Учитель кивнул на один из стульев, стоявших у стола перед стеной, и Зоя покорно села. Теперь она была уверена, что Куприян Семенович никакой не сумасшедший и уж вовсе не преступник, и ей было неловко.

Купрум Эс уже смотрел на Зою, а не мимо нее.

— Ты сейчас присутствовала при крушении мечты,— медленно проговорил он.— Да! Большой человеческой мечты.

— Какой мечты, Куприян Семенович? — тихо спросила Зоя.

Купрум Эс встал. Заложив руки за спину, сутулясь, он прошелся раза два по лаборатории и остановился перед своим аппаратом.

— Вот в этой штучке изготовлена жидкость, которая могла бы принести большую пользу человечеству. Если бы ее можно было пить.

— Пить?

— Вот именно. Я не рассчитал одного: человеческий организм не воспринимает ее.— Учитель покосился на стаканчик и передернул плечами.— Ф-фантастическая гадость! Да!

— А если бы ее можно было пить, тогда что? — спросила Зоя.

— Н-ну... грубо говоря... тогда я приобрел бы способность повелевать. До некоторой степени. Вот так!

Зоя вцепилась руками в края стула и широко раскрыла свои глазницы.

— Повелевать? Куприян Семенович... а... а в каком смысле?

— Я бы мог управлять поступками людей. В какой-то

мере...— Купрум Эс опять прошелся взад-вперед.— Я боюсь, что ты меня не поймешь, но попытаюсь объяснить.— Он сел на стул, повернувшись к Зое, опираясь ладонями о колени.— Видишь ли... эта жидкость действует на структуру некоторых участков нашего головного мозга и резко повышает его способность к излучению. А это излучение может воздействовать на мозг другого человека! Ты понимаешь меня?

— Н-не совсем,— призналась Зоя.

— Гм! Да!— Купрум Эс помолчал, пожевал губами.— Ну, скажем, вот так: я мог бы воздействовать на мозг другого человека и заставить его выполнить мое указание. То или иное. Да!

— Значит, это вроде гипноза?

— Не совсем так, но близко к этому. Да, близко.

— И вы... вы могли бы только подумать: «Сделай то-то!»— и человек сделал бы?

— Не так! Да, не так! Внушение делается только через слово. При этом я должен сосредоточиться. А если человек заткнет себе уши — ничего не выйдет, тут я буду бессилен. Вот так!

Зоя поглядывала то на стаканчик с замечательной жидкостью, то на старого учителя, такого с виду обыкновенного, и ее снова взяло сомнение: а в своем ли Купрум Эс уме? Она осторожно спросила:

— Значит... значит, вы могли бы крикнуть: «Люди! Будьте все моими рабами!»— и люди стали бы?

Купрум Эс снова заходил, заложив руки за спину и почему-то склонив голову набок. Подбородок у него задрожал.

— Ты меня оскорбляешь, Зоя! Вот именно! Оскорбляешь, подозревая в таких отвратительных замыслах. Оскорбляешь!

— Почему оскорбляю, Куприян Семенович? Вы меня извините, конечно, только...

— Потому что это — фашизм, да! Это — тирания!

Это безнравственно и жестоко, вот так! А ты меня подозреваешь...

Зоя встала. Она никак не могла понять, почему так рассердился старый учитель.

— Куприян Семенович, я ни в чем вас не подозреваю, я просто так сказала, а...

Купрум Эс остановился перед ней. Он держал руки за спиной, но уже не сутулился.

— У моего эликсира куда более скромное предназначение. И куда более гуманное. Вот именно! Я должен был бы обратиться к каждому человеку индивидуально, да! И притом с совершенно конкретным, физически выполнимым для него указанием. А если бы мне потребовалось, чтобы он выполнил другое мое указание, то я должен был бы обратиться к нему вторично, тем же повелительным тоном и также сосредоточившись. Вот так, моя уважаемая, да!

Купрум Эс сел, закинув ногу на ногу, обхватив руками колени. Села и Зоя. Некоторое время длилось молчание.

— Куприян Семенович, а почему вы уверены, что жидкость получилась? Ведь вы же ее не испытали!

Купрум Эс снова смотрел куда-то мимо Зои, но говорил на этот раз не вяло, а твердо, даже немного торжественно.

— Никто не видел атома, но на основании расчетов и косвенных наблюдений люди расщепили атомное ядро, построили атомные электростанции, создали бомбы...

— Значит, и вы на основании расчетов?

— Вот именно! Да!— Купрум Эс вдруг ссутулился, и голос его зазвучал мягче.— Я все, детка моя, рассчитал, кроме «сущего пустяка»: человеческий желудок эту мерзость не воспринимает.

Наступила тишина. Молчал Купрум Эс, молчала и Зоя. Только слышалось, как падают капли из крана в мойку. И вдруг Зою осенила идея:

— Куприян Семенович! А что, если не в желудок, а в кровь? Укол сделать!

Куприян Семенович посмотрел на нее очень внимательно, глаза его сузились, и впервые Зоя увидела, как он улыбнулся тонкими бледными губами.

— У тебя неплохо голова работает, да! Я и сам об этом думал, но это невозможно. Только через пищеварительный тракт. Именно! А в кровь — мгновенно образуется тромб — и смерть. Вот так! Да!

Опять помолчали.

— Куприян Семенович... А что бы вы сделали, если бы смогли это... ну, проглотить?

И опять Зоя увидела, как старый учитель улыбнулся.

— Очень много хорошего, детка, да!— Теперь Купрум Эс мечтательно смотрел поверх Зоиной головы.— Очень много хорошего! Вот, например, у нас на этаже живет художник... Талант изумительный, неповторимый! Но пьет. Неделями пьет. Губит себя. Жена уходит собирается, никакие врачи не помогают. А я бы помог, да! Вот именно! Я бы приходил к нему каждое утро и говорил: «Аркадий Иванович, сегодня ни грамма!» Или, например, Игорь Смирнов из девятого «Б»: умнейший парень, светлая голова, но лодырь невероятный! Ничего не делает дома. Только шпаргалки изобретает... Остроумнейшие шпаргалки, да! Я бы и его выправил, вот так! Подходил бы каждый день и приказывал: «Приготовь все уроки!»

— Куприян Семенович! А почему вам каждый день нужно приходиться и приказывать, чтобы художник не пил, чтобы лодырь делал уроки? Разве нельзя прийти и сказать художнику: «Не смей больше пить! Никогда!»

Прежде чем ответить, Купрум Эс немного помолчал.

— Видишь ли, детка... По моим расчетам, такое внушение не может действовать долго. Максимум — сутки. А потом нужно повторять. Да. Повторять.— Обхватив колена руками, Купрум Эс откинулся на спинку стула, снова заулыбался и стал мечтать: — А потом можно было бы

повлиять на шефов, чтобы они помогли оборудованием... Во дворце, например, очень нужны станки — токарный и фрезерный. Ну, а потом, окончательно освоив методику, можно было бы перейти и к более крупным делам... Поехать в какую-нибудь диктаторскую страну и сказать диктатору: «Убирайся вон!» А? Неплохо было бы? Вот так! — И Купрум Эс засмеялся тоненьким детским смешком.

Зоя пожала плечами.

— Так вам же пришлось бы сидеть там все время и повторять каждые сутки: «Убирайся вон!»

— А вот и не так! Да! — живо ответил учитель. — За сутки пришли бы прогрессивные деятели и не пустили бы его обратно. А кроме того, я бы там был и... ну... помогал бы. Вот так! — Купрум Эс внезапно сбросил ногу с колена, взялся рукой за подбородок и снова поник. — И вот все это оказалось мечтами. Пустяка не учел, да! Семь вечеров подряд пытаюсь проглотить. Вот сегодня с вареньем пробовал... Результат один. — Куприян Семенович покосился на стаканчик, где еще осталось довольно много черной жидкости. — Бррр! — Он потупился, помолчал. — Вот так, детка! Вот так! Да! — И снова замолчал.

Зоя поглядывала то на стаканчик, то на Купрума Эса. Сердце у нее колотилось. Купрум Эс на помешанного не похож, но говорит такое, что... Ну, а вдруг это правда и все его расчеты верны? А вдруг... вдруг это только он не в состоянии проглотить свой эликсир? Ведь бывают же разные люди: одни, например, любят яйца всмятку, а другие их не переносят.

— Куприян Семенович... а можно, я попробую? — тихо спросила Зоя.

— Бесполезно, дорогая моя. Должен тебе сказать, что один только растворитель для моего эликсира представляет собой смесь профессора Стрельчука — одного из наших крупнейших психиатров. Смесь эта состоит из спирта, касторки, рыбьего жира и небольшого количества медного

купороса. А то, что я туда добавляю, в десять раз более отвратительно. Да!

Зоя прикинула в уме: в детстве, когда ей было года четыре, она без особого отвращения глотала рыбий жир... Вспомнилось ей и то, как однажды похвалил ее папа, когда она принимала касторку. Он тогда сказал матери: «Ну и мужественная у нас девчонка!»

— Куприян Семенович, а все-таки можно, я попробую? — повторила она.

Глава четырнадцатая

Купрум Эс только поднял плечи, глядя на носки ботинок.

— Да пробуй, коли себя не жалко. Только подойди к мойке — вырвет.

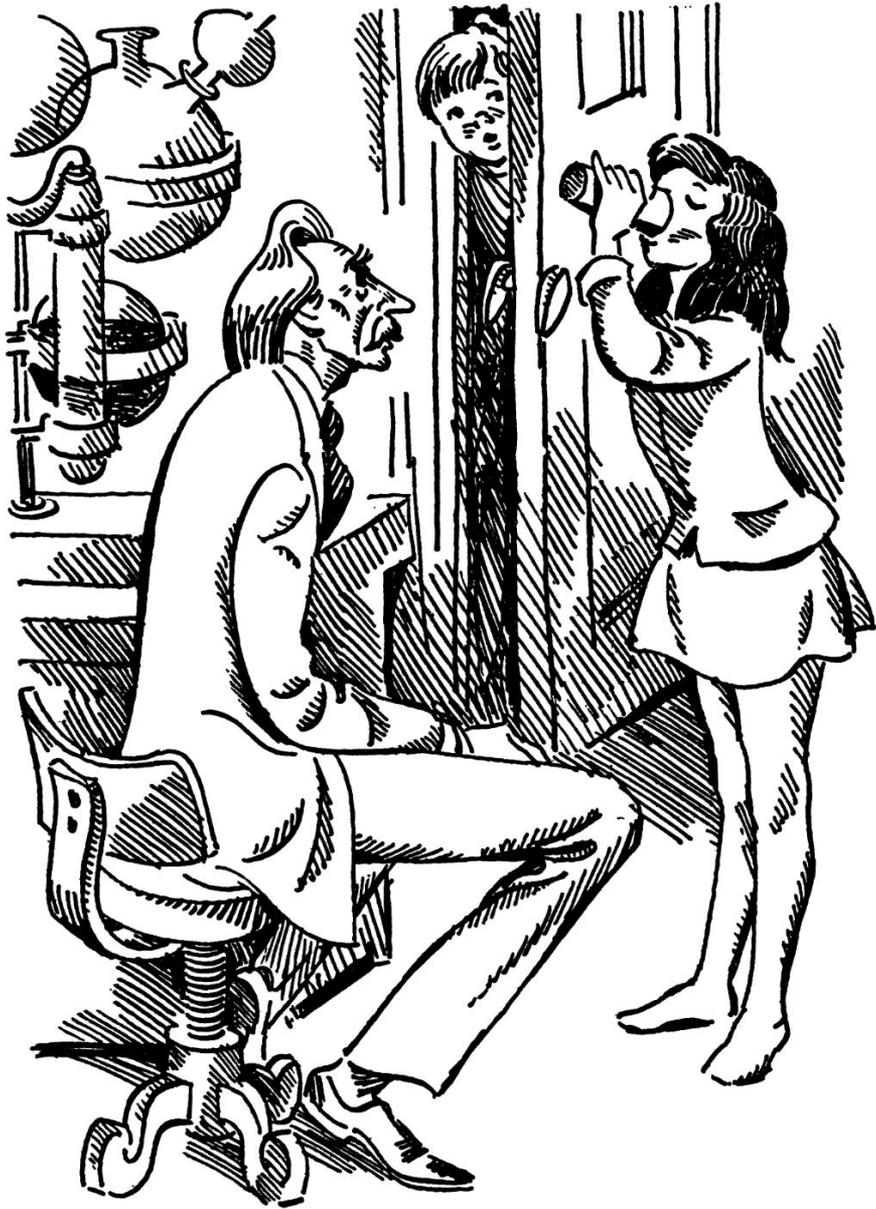
Зоя встала, тихонько, словно боясь на шуметь, приблизилась к столу и взяла стаканчик. Купрум Эс искоса взглянул на нее и тут же отвернулся.

— Боже, какая гадость! — громко прошептал он.

Зоя поднесла стаканчик к губам, понюхала. Вроде ничем не пахло. Зоя вылила жидкость в рот, быстро проглотила и тут же бросилась к мойке. Отвратительный смрад вдруг заполнил ее, рот обволокло чем-то масляным, и Зое показалось, что онахватила по крайней мере пол-литра касторки пополам с рыбьим жиром, приправленным какой-то еще большей мерзостью.

Сжав кулаки, сжав и оскалив зубы, вытаращив глаза, Зоя стояла перед мойкой, уверенная, что ее вот-вот вырвет. И чем дольше она так стояла, тем больше выпрямлялся на своем стуле Купрум Эс, тем внимательней он смотрел на нее.

Но вот ощущение тошноты стало быстро проходить... Куда-то исчез отвратительный запах, пропала маслянистость

во рту... Зоиной голове стало вдруг нестерпимо жарко, так жарко, что слезы побежали из глаз. Но и эта жаркая волна скоро схлынула, осталась лишь холодная испарина на лбу да легкий звон в ушах, довольно приятный.

— Ты... ты, кажется, проглотила?— почти шепотом спросил Купрум Эс.

— Про... проглотила,— так же тихо ответила Зоя.

Купрум Эс встал. Он тискал пальцы и поглядывал то на Зою, то куда-то мимо нее. Он молчал. Он что-то обдумывал.

— Да!— тихо сказал он.— Значит, это строго индивидуально. Я этого не учел. Вот именно: не учел...

— Куприян Семенович...— несмело спросила Зоя,— а когда это начнет действовать?

Куприян Семенович заложил руки за спину и заходил взад-вперед, заходил взволнованно, торопливо.

— По моим расчетам, уже сейчас... Да, сейчас! Это быстро действует... Вот именно!— Он вдруг остановился перед Зоей и, пристально глядя на нее, понизил голос: — Может быть... может быть, давай займемся? А? Вот так!

— Чем займемся?— почему-то со страхом спросила Зоя, хотя и так понимала, чем предлагает заняться Купрум Эс.

— Экспериментом. Да! Проведем эксперимент. Ты мне прикажи что-нибудь... физически выполнимое, но... но заведомо для меня очень неприятное. Только прошу тебя: сосредоточься и властным тоном прикажи. Именно властным тоном, вот так!

— Сейчас?— растерянно спросила Зоя.

— Да! Вот именно... сейчас! Я жду.

Сердце у Зои часто билось, а в голове было пусто. Ну что она может приказать старому учителю, да еще такое, чтобы ему это было наверняка неприятно? В молчании прошла минута, другая.

— Зоя... я жду. Да! — тихо напомнил Купрум Эс.

Зоин взгляд упал на стол, где стоял аппарат для из-

готовления эликсира. Стол этот, как вы уже знаете, был длиною метра в два, и стоял он на шести ножках, скрепленных внизу деревянными планками. И, чувствуя, что Купрум Эс ее ждет, что она ничего умнее придумать не может, Зоя набрала в легкие воздуха и, глядя на учителя, сказала громко и властно:

— Куприян Семенович, проползите сейчас под этим столом! Вы слышите? Приказываю!

Все лицо Купрума Эса обиженно задергалось.

— Как... как тебе не совестно в такой торжественный для меня момент говорить такие глу... глупости, говорить такие пошлости! — дрожащим от негодования голосом проговорил старый учитель и, на глазах у оцепеневшей Зои, опустил на четвереньки. — Неужели тебе доставляет удовольствие так унижать мое человеческое достоинство! — произнес он, глядя снизу вверх на Зою. — Ведь я тебе в дедушки гожусь, если не в прадедушки! Вот так! Да!

Последнюю фразу Зоя услышала уже из-под стола, потом она увидела, как Купрум Эс поднялся по ту сторону его. Он встал, приложил два пальца к нижней губе и оглянулся по сторонам.

— Гм! Да!.. Однако я прополз под столом! Прополз, вот именно! — Он сел на стул и замолчал, нагнувшись, глядя под стол, где только что ползал.

— Куприян Семенович... значит, действует? — сказала Зоя.

Купрум Эс быстро выпрямился.

— А? Действует? Нет, я в этом не уверен. Это... это может быть нечистый опыт.

— Какой опыт?

— Нечистый, да! Я мог поддаться самовнушению. Я ведь столько лет думал об этом!.. Нет, мы должны проверить на ком-нибудь другом. Вот именно: на ком-нибудь другом! Мы сейчас пойдем домой, а завтра проверим. Вот так!

— Куприян Семенович, а почему завтра? Может, сегодня на ком-нибудь?

— Может быть... может быть... Но только что-нибудь очень безобидное. Если то, что со мной произошло, не результат самовнушения, ты, Зоя, обладаешь страшной силой, да! Ужасной силой! И тебе... и нам нужно быть предельно осторожными. Вот так!

Купрум Эс занялся уборкой. Возле одной из стен стоял глухой незастекленный шкаф, дверцы которого были распахнуты. Учитель отключил от сети и поставил в этот шкаф свой аппарат. Затем он принялся убирать склянки. Работая, он то и дело с тревожным любопытством поглядывал на Зою.

— Куприян Семенович, вам помочь?— спросила она.

— Ничего не надо. Садись, отдохни пока, да!

Зоя села, посидела с минуту молча, наконец решилась задать такой вопрос:

— Куприян Семенович, а как вы попадаете сюда, во дворец?

Купрум Эс вытирал влажной тряпкой стол, под которым недавно прополз.

— Не будем говорить об этом, детка, да! Скажу откровенно: незаконно проникаю. Незаконно. Вот так! Ты сама знаешь, что у меня в квартире условий для работы нет.

Он вдруг прервал уборку и потер ладонью лоб.

— Ты знаешь... Меня весь вечер не покидает ощущение, что я забыл сделать что-то очень важное. Да! А что именно — припомнить не могу. Это... это уже старческое, да! Склеротическое нечто... Вот так!

Купрум Эс сполоснул тряпку под краном, выжал ее и повесил на специальный крючок над мойкой. После этого он вымыл руки и запер шкаф со своим аппаратом.

Тут Зоя вспомнила о Нюсе.

— Куприян Семенович, там в коридоре еще одна девочка... Может, ей все-таки приказать, чтобы она не болтала?

Купрум Эс подумал несколько секунд.

— Это очень неприятно, что там девочка. Да, придется приказать. Ничего не поделаешь, очевидно, придется приказать.

И он объяснил Зое, что им необходимо соблюдать строжайшую тайну. Ведь, узнав о приобретенной Зоей силе, люди могут испугаться, залепить себе чем-нибудь уши и изолировать Зою, пока действие эликсира не кончится.

— А разве он не всегда будет действовать? — разочарованно спросила Зоя.

— Не всегда. В зависимости от употребления, да.

— Это как — в зависимости?

— В зависимости от того, как часто ты будешь его употреблять. Вот так.

— А если я им долго не буду пользоваться?

— Тогда он все равно испарится. Он как бензин в открытом сосуде: если ты подожжешь его, он вспыхнет и сразу выделит огромное количество энергии, а если оставишь стоять, он постепенно испарится. Вот так, да.

— Значит, мне потом опять эту гадость принимать?

— Да. Вот именно.

Купрум Эс велел Зое выйти в коридор, сказав, что ему надо выключить свет и снять занавески с окон. Зоя вышла и тут же увидела Ньюсю, которая стояла недалеко от двери у противоположной стены коридора.

— Ты чего вылезла? — зашипела Зоя.

— Зоя, я услышала, что вы спокойно разговариваете, и вылезла.

В этот момент свет погас. Зоя отвела Ньюсю к щитам, а оттуда на освещенную лунной площадку.

— Ты что-нибудь видела?

— Видела, — чуть слышно прошептала Ньюся. — Как он ползал... под столом.

Зоя хотела было тут же приказать Ньюсе никому об этом не говорить, но она как-то не решилась громким приказа-

нием нарушать тишину, царящую во дворце. К тому же она вспомнила слово, данное Куприяну Семеновичу: ничего без него не предпринимать.

Из темного коридора послышался приглушенный голос Купрума Эса:

— Зоя, ты здесь?

— Я здесь, Куприян Семенович.

Учитель появился на площадке и молча остановился, увидев, что Зоя не одна.

— Куприян Семенович... это вот... Нюся Касаткина. Познакомьтесь, пожалуйста!

— Очень приятно, да! — сухо сказал Купрум Эс, не подавая Нюсе руки. — Пойдемте, девочки!

Зоя и Нюся достали из-за щитов свои плащи, и все двинулись вниз по лестнице.

— Что же я забыл? Боже ты мой! Что же я забыл? — бормотал по дороге учитель.

Они миновали вестибюль, подошли к застекленному тамбуру, и тут Купрум Эс приостановился и воскликнул почти радостно:

— Вспомнил! Теперь вспомнил! Я забыл ключ в замке наружной двери, а внутреннюю преспокойно запер другим ключом. Вот так!

Он порывлся в кармане, достал нужный ключ, открыл внутреннюю дверь... Все вошли в тамбур и только тут увидели: перед наружной застекленной дверью, слегка приоткрыв ее, стоит человек. Никто не мог разглядеть его лица, но все поняли по темному силуэту, что на нем фуражка, что на нем плащ, что на плаще погоны... И все догадались, что это милиционер.

— Гм! Да!.. Вот так!.. — тихо пробормотал Купрум Эс.

Милиционер пошире открыл дверь, и в нее первой вышла Нюся, затем Зоя и учитель. Теперь Зоя разглядела мужественное, с горбинкой на носу, лицо милиционера. Он поднял руку, в которой держал ключ, и показал его Купруму Эсу.

— Это вы ключи в дверях оставляете? — спросил он строго.

— Да? Да-да! Я. Спасибо большое! — пробормотал Купрум Эс. Он взял у милиционера ключ, запер им дверь и положил его в карман. — Возмутительная рассеянность. Да! Благодарю! Пойдемте, девочки!

Он хотел было идти, но милиционер загородил ему дорогу.

— Минутку! А зачем вы ходили во дворец после его закрытия? Я присутствовал, когда его запирали. И вообще откуда у вас этот ключ?

— Но, видите ли... я сотрудник... да, я сотрудник... — все больше теряясь, заговорил Купрум Эс. — Я кое-что забыл и вот зашел... По делу зашел, да.

— А у девочек какие тут дела в двенадцатом часу ночи?

— А они... они со мной... Помогали... Да, помогали.

— Документы ваши, прошу!

Купрум Эс сунул руку в левый нагрудный карман пиджака, потом в правый.

— Документы у меня в другом кармане... Они у меня в другом пиджаке, я хотел сказать... Они дома, да.

Милиционер немного помолчал.

— В таком случае, пройдемте со мной!

— Ку... куда пройдемте? — с запинкой переспросил Купрум Эс.

— Пройдемте! — повторил милиционер. — А вы, девочки, идите домой. Идите!

Купрум Эс не двинулся. Он только переминался с ноги на ногу и озирался в страшной растерянности. И тут блестящая мысль мелькнула в голове у Зои. Она подняла голову и уставилась в лицо милиционера.

— А ну-ка, слушайте меня! — сказала она громко и властно.

Теперь милиционер уставился в ее глазищи.

— Уходите отсюда немедленно! Немедленно уходите! Слышите? Ну!

— Следуйте за мной, гражданин! — сказал милиционер и спустился с крыльца.

Купрум Эс, конечно, не двинулся. Он схватился рукой за подбородок.

— Так, так, Зоенька! — сказал он тихо, но очень взволнованно. — Так-так!

Милиционер вошел в аллею, ведущую к воротам, и обернулся.

— Гражданин! Пройдемте, говорю! — сказал он строго и, продолжая шагать, исчез в глубине аллеи.— Гражданин! — прокричал он из темноты.— Вас не касается?!

Больше милиционер ничего не сказал: как видно, понял, что с ним творится неладное. Затарахтел мотор мотоцикла, и звук этот скоро удалился. А трое на крыльце некоторое время стояли молча.

— Вот так, значит! Вот так! Да! — пробормотал Купрум Эс. Слова были пустяковые, но Зоя понимала, какой за ними кроется огромный смысл. Эликсир Купрума Эса удался!

Расчеты старого учителя оказались верны! И она... она, Зоя Ладошина, может теперь повелевать!

Зоя взглянула на Нюсю, которая смотрела вслед милиционеру. Брови у Нюси были перекошены, а рот опять походил на знак бесконечности.

Зоя стала напротив Нюси и вытаращила на нее глаза.

— Нюська, не смей никому рассказывать о том, что мы были во дворце и что ты здесь видела и слышала! Приказываю! Понимаешь?

— Понимаю,— тихо и покорно ответила Нюся.

— Так-так! Пойдемте, девочки,— сказал Купрум Эс.

До самого Нюсиного дома они почти ни о чем не говорили, только один раз учитель заметил, что ночь сегодня прохладнее, чем вчера, на что Зоя сказала, что она вчера вечером из дома не выходила. Нюся всю дорогу не произнесла ни слова, а перед своим подъездом слабо пискнула:

— Спокойной ночи!

И ушла, шмыгая носом.

Теперь Купрум Эс пошел провожать Зою. Он был по-прежнему молчалив и даже как-то подавлен. Молчала и Зоя. Она видела, как подействовали ее приказания на учителя, на милиционера, но ей все еще не верилось, что она обладает такой чудесной силой.

— Значит, так, Зоенька,— сказал Купрум Эс, остановившись перед ее подъездом.— На большой перемене ты приходи завтра ко мне в химический кабинет, и мы поговорим. Мы обсудим, как нам дальше... Вот так! План действий обсудим. Дальнейших... да!

— Хорошо,— сказала Зоя. Она попрощалась с учителем и открыла дверь подъезда, но Купрум Эс остановил ее:

— И... и, Зоя, заклинаю тебя: ничего никому не приказывай до встречи со мной. Ты мне это обещаешь. Вот именно: обещаешь! Зоя, ты обещаешь?

— Обещаю,— сказала Зоя.— Спокойной ночи, Куприян Семенович.

В передней Зою встретила бабушка.

— Ну, слава тебе господи! — вырвалось у нее, когда она увидела внучку. Потом она сильно затянулась сигаретой, выпустила дым и накинулась на Зою: — Где ты пропадала, дрянная девчонка? И что это за дурацкая записка? Ты что, не знаешь, что у матери сердце слабое, что ее нельзя так волновать?!

— А где папа с мамой? — спросила Зоя.

— Тебя ищут, по улицам бегают, вот где!

— Так они же все равно не знают, где меня искать!

— Совершенно верно, не знают, но мама сказала, что не может спокойно дома сидеть. Ну говори, где ты была!

— Я не могу сказать, это тайна, — ответила Зоя.

После этого бабушка умолкла на несколько секунд, а потом заговорила негромко, с подчеркнутым спокойствием:

— Ах вот как! У нас уже появились тайны от близких! Ну хорошо! Вернутся родители, и мы обсудим, как нам с этих пор вести себя по отношению к тебе. А теперь умывайся и ложись спать!

Зоя чистила зубы, когда бабушка появилась на пороге ванной.

— Между прочим, я просмотрела твой дневник и тетради и убедилась, что ни один урок на завтра не приготовлен. Что с тобой делается, Зоя, ты не объяснишь?

И тут Зоей овладело искушение нарушить слово, данное Купруму Эсу. С ней, которая наделена теперь таким могуществом, которой предстоит совершить так много удивительных добрых дел, с ней обращаются, как с самой обыкновенной девчонкой, она обязана готовить уроки, словно какая-нибудь Ньюска Касаткина! Зоя прополоскала рот и резко повернулась к бабушке.

— Бабушка! — сказала она отчетливо и громко. — К завтрашнему дню приготовь мне все задачки, которые в дневнике записаны. А я утром их перепишу. Вот так!

— Очень мило! — холодно сказала бабушка. — Вместо

того чтобы извиниться и объяснить свое поведение, мы еще изволим так глупо шутить! — Она повысила голос: — Ложись спать! Слышишь?

Зоя спала в одной комнате с бабушкой. Здесь же стоял ее столик с учебниками и тетрадями. Забравшись под одеяло, Зоя стала ждать, когда на бабушку подействует ее приказание. Бабушка в комнату не входила, но Зоя слышала, как та беспокойно бродит по квартире: то удалится в кухню, то зайдет в комнату родителей, то пройдет в папин кабинет...

Зазвонил телефон, и Зоя услышала, как бабушка сказала:

— Явилась. Ничего не хочет говорить.

Зоя не дождалась возвращения родителей. Она заснула. А утром бабушка еле растолкала ее:

— Зоя, в школу опоздаешь! Зоя, проснись!

Зоя с трудом выползла из-под одеяла. Рот ее раздирался от зевоты. Когда она умывалась, ей вспомнился глупый сон, увиденный ночью: Купрум Эс, ползущий под столом, милиционер, покрикивающий из темноты: «Гражданин, пройдемте!» Но чем яснее становилось у Зои в голове, тем все больше ей вспоминались все детали этого «сна». Вспомнила Зоя и то, как она велела бабушке приготовить за нее математику. Вспомнила она это во время завтрака.

Папа и мама уже уехали на работу, они были с бабушкой одни. Зое очень хотелось спросить бабушку насчет математики, но она все как-то не решалась.

Бабушка с сигаретой в зубах хозяйничала тут же на кухне. Как всегда, она была прямая, подтянутая, невозмутимая; как всегда, двигалась неторопливо, но точно. Однако под черными глазами ее Зоя заметила синевато-коричневые круги.

Бабушка ткнула сигарету в пепельницу, где было полно окурков, тут же взяла из пачки новую сигарету и, закуривая, не глядя на внучку, проговорила:

— Зоя, вот что я хочу тебе сказать: я тебя на этот раз пожалела и задачки за тебя решила, но, Зоя, чтобы это было между нами! Чтобы папа с мамой не знали, как я тебя балую!

Зоя поперхнулась яйцом всмятку и долго кашляла.

— Хорошо, бабушка. Спасибо! — наконец сказала она.

Зоя, конечно, не выпалась, но по дороге в школу она чувствовала такую бодрость, такую легкость, словно проспала все девять часов. Она шла очень быстро, но старалась шагать бесшумно. Она все время прислушивалась: что же происходит там, внутри нее? Теперь она была уже не прежней Зоей Ладозиной, а каким-то другим человеком. Почти другим: вроде бы все еще та, но вместе с тем уже совсем не та.

А потом Зое вдруг очень захотелось еще разок проверить свою чудесную силу. Вот можно было бы, например, сказать идущей навстречу толстой тетеньке: «А ну, отдайте мне вашу сумку с продуктами!» Зоя, конечно, не собиралась заниматься грабежом, она бы тут же вернула сумку, но все-таки очень интересно было посмотреть, с каким видом гражданка выполнит ее приказание.

Но Зоя сдержалась. Глупо было растрачивать свою силу на такие пустяки, когда она может совершить множество важных дел, благородных, даже великих.

Глава пятнадцатая

Войдя в школьный двор, Зоя увидела в углу кучку ребят из пятого «Б». Кучка росла на глазах, потому что к ней подходили другие ребята даже из других классов. Зоя тоже подошла.

В центре стояла Круглая Отличница с пачкой исписанных тетрадных листков в руках, рядом с ней Лешка Павлов, тут же был и Родя, который за эти сутки почему-то побледнел и осунулся.

— Что тут? Чего тут? — спрашивали вновь подошедшие.

— Тихо! — сказал Павлов. — Родькину статью читают. В стенгазету. Общешкольную! Круглая, давай с самого начала читай, а то вон они еще не слышали.

И Ляля начала громко читать:

— «Открытое письмо в стенгазету «Алый парус».

В наш грандиозный век научно-технической революции происходит бурный рост интереса к науке и технике в рядах современных пионеров и школьников. Миллионы юных пионеров и школьников во всех концах нашей необъятной страны стремятся стать изобретателями или научными исследователями. Но что же делается для того, чтобы помочь им в этом благородном деле? Кому не известно, что в районном Дворце пионеров и школьников имеется научно-конструкторское общество «Разведчик». Но кто же имеет право быть членом этого общества? Увы, туда принимаются не младше седьмого класса, а перед пионерским возрастом там поставлен железный заслон. Справедливо ли это? Вот что показал социологический опрос, проведенный среди учащихся четвертых, пятых и шестых классов двадцать восьмой школы...»

Тут Ляля сделала паузу, потому что перепутала листки и не сразу нашла нужный. Во время этой паузы Лешка увидел Зою.

— Во, Ладوشина! — сказал он. — Это тебе не двоечников в стенгазете протаскивать!

Кое-кто из ребят засмеялся. Зоя вспыхнула и хотела было уйти, но тут снова вспомнила про эликсир Купрума Эса, и ей даже стало приятно, что Павлов говорит колкости по ее адресу, что ребята посмеиваются над ней. Ведь захоти она, и этот самый Павлов побежит сейчас на четвереньках по двору, захоти она, и он укусит за ногу директора школы Клавдию Мироновну, которая стоит недалеко и разговаривает с одним из педагогов. И Зое стало еще приятней, когда она поняла, что не хочет размениваться на подобные пустяки.

Ляля пояснила, что социологический опрос еще не закончен, поэтому вместо цифр в статье оставлены пропуски. Затем она продолжала читать, но скоро замолкла, потому что зазвенел звонок. Все двинулись в школу. Многие восхваляли Маршева, говорили, что статья получилась «совсем как во взрослой газете».

Надо объяснить, почему Родя вдруг стал единственным автором статьи. Когда «инициативная группа» собралась, Валерка признался, что от его присутствия никакой пользы не будет: ведь по сочинениям он еле-еле на тройки вытягивает. Круглая Отличница сказала, что она короткую заметку о пустельге писала целую неделю, да и то с помощью дяди. Что касается Вени, то он мог ничего не говорить: Родя весь год помогал ему писать сочинения.

Приступив к работе, все на несколько минут погрузились в молчание, затем Родя придумал начало первой фразы: «В наш грандиозный век научно-технической революции...» Ее с восторгом одобрили, и немного погодя Родя закончил предложение. А еще минут через двадцать Вениа сказал:

— Ну, Родька, ты же видишь, что мы все трое сидим как попки! Только тебе мешаем да сами себя мучаем. Давай пиши ты один, а мы пойдем.

Родя не возражал. Ему легче было думать в одиночестве. Три члена «инициативной группы» ушли, а он продолжал трудиться. Он работал, с перерывом на ужин, до тех пор, пока мама не отправила его спать. Он лег в постель, но заснуть не мог, потому что замечательная, боевая, как ему казалось, статья продолжала писаться в его голове. Наконец он начал задремывать, но тут ему вспомнилось, что он не посмотрел на окна Дворца пионеров. Он вылез из-под одеяла, прильнул к трубе. Два окна были совершенно темны, но в третьем чуть светился верхний угол. Родя, конечно, не знал, что там, за черными занавесками, стоит взволнованная, только что проглотившая эликсир Зойка и смотрит, как Купрум Эс убирает в шкаф свой аппарат.

В шесть часов утра Родя проснулся, вспомнил про статью, тут же оделся и сел за стол. К тому времени, когда мама позвала его завтракать, статья была готова. Родя показал ее маме, чтобы та исправила грамматические ошибки (орфография у него хромала), и мама сказала, улыбаясь:

— Лихо написано!

На школьном дворе Родя ознакомил со статьей членов «инициативной группы», и их одобрение выразилось в одном слове, которое произнес Валерка:

— Блеск!

Родя сказал, что не мешает показать статью Гене, чтобы тот ее отредактировал, но Веня закричал:

— Ну да еще! А он скажет, что мы опять заставляем его с нами нянчиться. Нет уж, фигушки! Давайте действовать самостоятельно!

К ребятам подошел Павлов, услышал разговор о статье, попросил показать ее, тоже удивился, что Родя такой блестящий журналист, и стал подзывать других ребят. Так образовалась толпа, к которой присоединилась и Зоя.

Когда она подымалась с другими ребятами по лестнице, она слышала такие слова, как «дискриминация пионерского возраста» (их повторял Веня), такие фразы, как «надо бороться за свои права» (их выкрикивал Перпетуум-мобиле). И слышала Зоя, как, подымаясь по ступенькам, к Маршеву негромко обратился Лешка Павлов:

— Родь!.. Подскажи мне, чем бы мне заняться таким... научным!

— Вот если организуем филиал «Разведчика», там тебе и подскажут,— ответил Родя.

Зоя догадалась, что она что-то пропустила за вчерашний день, когда, удаляясь от всех, строила планы засады во дворе. Она догадалась, что в школе происходят какие-то события, в центре которых находится Родя Маршев, и она стала прислушиваться и приглядываться.

Своих друзей Зоя по-прежнему сторонилась, а когда они

заговаривали с ней, обрывала коротким «отстань». То же было сказано и Нюсе Касаткиной. Нюсю нисколько не удивляло, что ей совсем не хочется рассказать кому-нибудь о ночных приключениях: ведь она и так привыкла во всем слушаться Зою. Но ей очень хотелось спросить Зою, почему Купрум Эс очутился во дворце. Теперь, услышав Зоино «отстань», она только издали смотрела на Ладошину жалобными, озадаченными глазами.

Скоро Зоя поняла, что происходит. Оказывается, в школе многих ребят привлекает идея создания пионерского научного общества. Среди них есть такие, кто увлекается изобретательством да всякими исследованиями, но немало и таких, которые подобными делами никогда не занимались, однако в научное общество все равно хотят вступить. Были, наконец, и своего рода болельщики, которые просто интересовались, чем кончится эта затея.

Зоя прислушивалась ко всем этим разговорам и усмехалась про себя. Так взрослые и станут по первому требованию организовывать пионерское научное общество! Прочтут Родькину статью — и давай организовывать! И вдруг (это было уже на третьем уроке) у нее появилась такая мысль: а что, если за это возьмется она? Что, если это и станет ее первым добрым делом?

Нет, она, конечно, не станет открыто раздавать приказания направо и налево. Ей вовсе не нужно, чтобы люди догадались о ее замечательной способности: чего доброго, начнут себе уши затыкать. Нет, она будет действовать умнее и тоньше, она будет действовать так, что все увидят, чего стоит их хваленый Родечка и что такое она, над которой многие сейчас только посмеиваются.

Зазвенел звонок на большую перемену, и Зоя отправилась в химический кабинет, где была назначена встреча с Купрумом Эсом. По дороге она обдумывала, стоит ли говорить о своем замысле старому учителю, да так ничего и не решила.

Купрум Эс был один. Он ходил между столами, на которых стояли металлические штативы и газовые горелки. Как всегда в минуты волнения, он тискал одну руку другой.

— Здравствуй, Зоя! — сказал он, продолжая ходить.— Ты спала?

— Здравствуйте, Куприян Семенович! Спала.

— А я не спал... Ни минуты не спал. И ведь что удивительно: я наперед знал, как будет действовать мой эликсир, но, увидев, что ты сделала с милиционером, я был потрясен. Вот именно: потрясен! — Купрум Эс помолчал.— Зоя, надеюсь, ты сдержала слово, ты больше никому ничего не приказывала?

— Н-никому,— с запинкой соврала Зоя.

— Это хорошо, это очень хорошо! А то, знаешь, я всю ночь размышлял, и я понял, какая, в сущности, это опасная штука мой эликсир, какая, в сущности, это страшная вещь! С ней можно сделать много добрых дел, но еще больше можно зла принести, можно бед натворить. Да! Вот так!

Зоя с некоторой обидой подумала: Купрум Эс, пожалуй, не говорил бы всего этого, если бы эликсир оказался не у нее в желудке, а в его собственном. А учитель остановился и, пристально глядя на Зою, спросил:

— Зоя, ведь ты не будешь злоупотреблять вот этой... обретенной тобой способностью? Ведь ты не будешь злоупотреблять?

Зоя обиделась еще больше. Так обиделась, что в голосе ее послышались слезы.

— Куприян Семенович! Между прочим, если бы я хотела злоупотреблять, то я, между прочим, не в школу пошла бы, а по магазинам. И я, между прочим, приказала бы там выдать мне что угодно, чего только моя душа пожелает... А я, кажется, никуда не пошла, а стою вот тут, между прочим...

— Да-да! — быстро сказал Купрум Эс и снова заходил.— Ты извини меня! Я понимаю, что сказал нечто... нечто оскорбительное... Вот так!.. Извини, пожалуйста! — Он подошел

к своему учительскому столу и сел боком к нему.— Давай присядем и спокойно все обсудим, да.

— Спасибо, Куприян Семенович. Я уже насиделась на уроках,— угрюмо ответила Зоя и продолжала стоять.— Так, значит, когда же мы делами займемся? Добрыми.

— Подождем немного, Зоя. Мне надо все как следует взвесить.

— Ну давайте, как вы говорили: начнем с самого простенького... Давайте я вашего соседа от пьянства вылечу...

— К сожалению, мы опоздали, Зоенька. Вот так! Он уже в больнице: вчера увезли.

— Ну, тогда... тогда давайте я вашего лодыря заставлю уроки делать...

Купрум Эс положил ногу на ногу и обхватил руками колено.

— Об Игоре Смирнове я думал. Да, я думал. Но, видишь ли, какая тут сложность получается. Если бы к нему каждый день подходил я, преподаватель, и приказывал готовить уроки, он воспринял бы это как нечто вполне естественное. Но если ему будет отдавать приказания такая маленькая девочка, как ты, и он каждый раз будет ей подчиняться, сам не зная почему, это, Зоя, может привести его к большой психической травме... И к тому же он может в конце концов догадаться о твоей поразительной силе, и... и совершенно неизвестно, чем для нас это может кончиться.

— Как-то странно получается, Куприян Семенович! По-моему, волков бояться, так в лес не ходить.

Купрум Эс слегка сдвинул брови.

— Зоя, со старшими таким тоном не разговаривают. Позволь тебе это заметить, да!

Но это еще больше рассердило Зою. Она скрестила руки на груди.

— А как же мне говорить, Куприян Семенович? Эликсир из меня потихоньку испаряется, а вы все «дай подумать» да «дай подумать»! Может, я зря эту гадость пила?

— Зоя, кажется, я объяснил тебе: я не могу в подобных делах принимать скороспелые решения, да! И еще раз повторяю, оставь, пожалуйста, этот наглый тон! Именно наглый, вот так!

— У меня, Куприян Семенович, тон никакой не наглый, а самый обыкновенный, вот! А если вы не можете принимать решения, тогда я могу принимать решения. Вот!

Купрум Эс вскочил.

— Что-что? — тихо переспросил он.

— А вот то, что это очень несправедливо: почему это я должна мучиться, всякую гадость глотать, а вы будете только решения принимать да мной командовать?

— Потому... потому, что ты еще мала, Зоя! — дрожащим голосом почти закричал Купрум Эс.— Вот так! Мала!

Зоя уперлась кулаками в бока.

— Ах, если я мала, значит, у меня в голове мозгов совсем нет! А я вот, между прочим, такое доброе дело придумала, что с вашими пьяницами да лодырями не сравнить! Мне за него человек... человек двести спасибо скажут. Вот!

Купрум Эс сжал костлявые, опущенные к бедрам кулаки.

— А я... я запрещаю тебе что-либо предпринимать! Категорически запрещаю! Категорически, да!

И тут Зоя совсем перестала сдерживаться.

— А между прочим, вы мне ничего не можете запретить! — в свою очередь почти закричала она.— Это, наоборот, я вам могу запретить! И я вам запрещаю мне что-нибудь запрещать! Слышите? И я... я вам приказываю не спорить со мной! Вот!

И в кабинете химии наступила тишина. Только гомон ребят в коридоре доносился из-за двери. Бледная Зоя смотрела на Куприяна Семеновича, а бледный учитель смотрел на нее. Светлые глаза его стали почти круглыми. Вот он открыл рот, словно собираясь что-то сказать, вдруг как-то судорожно скривил его и, не сказав ни слова, снова закрыл. Потом опять открыл и, опять не издав ни звука, закрыл.

Так повторилось несколько раз. Зоя стало немножко жутко, и она вдруг выкрикнула из последних сил:

— И вообще... и вообще... уходите и не показывайтесь мне сегодня на глаза!

Так Купрум Эс вторично испытал на себе действие своего эликсира. Ноги его сами собой пошли к двери, и одновременно он почувствовал, как невыносимо для него сознание, что Зоя смотрит на него. Но стоило ему выйти в коридор, как тут же наступило облегчение. Он мог теперь рассуждать спокойно и действовать хладнокровно. Гомонившие в коридоре третьего этажа ребята давно не видели старого учителя таким бодрым, таким подтянутым. Он прошел мимо них твердым размеренным шагом, подняв голову, слегка выпятив грудь. Он знал, что сегодня уроков у него больше нет, поэтому, выйдя из школы, направился во Дворец пионеров.

— Добрый день, Сильвия Михайловна! — сказал он женщине, сидевшей в вестибюле. — Ключ мой, пожалуйста!

Сильвия Михайловна выдвинула ящик стола, достала ключ.

— Что так рано сегодня, Куприян Семенович? — спросила она.

— Навести порядок надо. Вот так! Вы не знаете, Николай Николаевич у себя?

— У себя. Тоже порядок наводит.

Николаем Николаевичем звали руководителя кружка «Умелые руки». Куприян Семенович поднялся к нему на третий этаж.

— Добрый день, Николай Николаевич! — сказал Купрум Эс. — Вы не одолжите мне молоток? Побольше.

— С возвратом, — ответил сорокалетний лысый крепыш в синем халате.

— Разумеется. Благодарю вас! Да!

С молотком в руке учитель спустился на второй этаж, отпер дверь своей лаборатории и вошел в нее. Здесь он постоял, подумал, приложив указательный палец к нижней губе,

затем достал из кармана пиджака другой ключ, поменьше, и открыл им шкаф, где хранился его аппарат. В этом же шкафу, свернутые, лежали черные полотнища, которыми Купрум Эс занавешивал окна. Он вынул их, постелил одно полотнище на стол посреди лаборатории, на это полотнище постелил другое, на них он поставил вынутый из шкафа аппарат и закрыл его третьим занавесом.

После этого Куприян Семенович взял в руки молоток и в молчании постоял с минуту перед возвышающейся на столе черной угловатой горой.

— Н-да!.. Вот так! — сказал он и, держа ручку молотка вертикально, стукнул его стальной головкой по горе. Послышался негромкий звон стекла, и гора в одном месте осела. Купрум Эс ударил еще, еще, еще... Он орудовал молотком, как пестиком, и неторопливо толкал им свой хрупкий аппарат. Скоро от горы ничего не осталось, кроме мелких бугорков под черной материей. Теперь при каждом ударе молотка слышался не звон, а лишь негромкий хруст.

Купрум Эс перестал стучать. Хотя работа была не тяжелая, сильная испарина выступила у него на лбу. Покончив с аппаратом, он вылил в мойку содержимое своих бутылок и под струей воды соскреб с них бумажные ярлыки. Затем он снова подошел к шкафу, где в тайнике, за фальшивой стенкой, хранилась толстая тетрадь с расчетами и формулами. Вынув ее оттуда, учитель отправился в туалет. Там, стоя перед унитазом, он порвал свои записи на мелкие клочки и несколько раз спустил воду.

Разделавшись с тетрадью, Купрум Эс свернул занавеси вместе с осколками аппарата в один узел, сошел по узкой запасной лестнице во двор и бросил черный узел в большой железный бак для мусора. После этого он вернулся в лабораторию, чтобы взять молоток, снова вышел, запер за собой дверь и поднялся на третий этаж.

— Благодарю вас, Николай Николаевич! — сказал он, возвращая молоток.

— Не за что!

— Всего доброго, Сильвия Михайловна! — сказал Купрум Эс в вестибюле, отдавая ключ.

— До свидания, Куприян Семенович!

Твердыми шагами, расправив плечи, с поднятой головой Куприян Семенович пошел к выходу.

Глава шестнадцатая

А Зоя постояла несколько секунд и вышла из кабинета, захлопнув за собой дверь. Ей было не по себе, ей было неловко, что она так поступила со старым учителем, но скоро она утешилась такой мыслью: вот она совершит несколько добрых дел самостоятельно, докажет Купруму Эсу, что все его опасения напрасны, и они помирятся.

До конца большой перемены оставалось еще много времени, и Зоя спустилась в буфет перекусить.

Взяв у буфетчицы сардельку с капустой и стакан компота, Зоя увидела, что за одним из столиков сидит редактор стенгазеты «Алый парус» Лева Трубкин, а с ним еще трое старшекласников. Лева был очень заметной фигурой в школе. Его стихи уже несколько раз печатались в областной молодежной газете, да и внешне он выглядел, как, по мнению школьниц, подобает выглядеть настоящему поэту: высокий лоб, брови вразлет, римский нос и густая волнистая шевелюра.

Только Зоя принялась за еду, как в буфет заглянул Веня и, обернувшись через плечо, громко сказал:

— Родь!.. Здесь он, Трубкин.

После этого Маршев и Рудаков вошли и приблизились к редактору.

— Здравствуй, Трубкин! — сказал Родя. — «Алый парус» скоро выходит?

— В смысле очередного номера, — уточнил Веня.

— Завтра выходит. А в чем дело?

— Вот тут статья...— немного смущенно сказал Родя.— Значит, ее нельзя будет завтра... а только через месяц? (Общешкольная газета выходила раз в месяц.)

— Да уж не раньше,— ответил Трубкин.— А что за статья? Покажи!

Родя передал Трубкину пачку тетрадных листков.

— Ого! — с усмешкой сказал редактор.— Солидно звучит: «Открытое письмо в стенгазету «Алый парус».

Улыбаясь, а иногда и фыркая от смеха, он пробежал глазами первый листок и передал его соседу. Тот, едва взглянув на листок, расплылся в улыбке и стал приговаривать:

— Ух ты! Во дают!

Дочитав, он в свою очередь передал начало Родиною статьи третьему старшекласснику, к тому придвинулся четвертый. Читая, они ничего не говорили, а только похохотывали:

— Ха!.. Ха-ха!.. Ха-ха-ха!..

А Лева за это время подсунил следующий листок, который вызвал еще большее веселье.

Зоя видела, как постепенно краснеет и все чаще помаргивает Родя, как Венька тревожно взглядывает то на него, то на смеющихся старшеклассников, и никак не могла понять, над чем же эти старшеклассники смеются.

Когда статья была прочитана, Лева аккуратно собрал листочки и передал их Роде.

— Увы, сэр! — сказал он.

— Не пойдет? — тихо спросил Родя.

— Увы! — повторил редактор. — Ни в этом номере, ни через месяц.

— А почему не пойдет? — спросил Веня.

Редактор отодвинул от себя стакан с остатками кефира и откинулся на спинку стула.

— Не пойдет по двум причинам. Во-первых, такое откры-

тое письмо займет у нас полгазеты. А во-вторых, прежде чем заниматься наукой, следует овладеть элементарной грамотностью. Я, конечно, не инспектор Мегрэ, но все-таки могу утверждать, что тут некоторые орфографические ошибки исправлены почерком не самого автора, а кого-то из взрослых.— Лева обернулся через плечо к Роде.— Итак, сэр, увы! — еще раз повторил он.

Родя больше ничего не сказал и вышел. Веня, конечно, последовал за ним.

Минуты через две, быстро покончив с завтраком, вышла из буфета и Зоя. В коридоре второго этажа она увидела толпу даже побольше той, что слушала во дворе Родину статью. В центре ее стоял притихший и, как видно, смущенный Маршев. Рядом с ним — Веня.

— Ну ты скажи конкретно: что они вам говорили? — спрашивал Лешка Павлов.

— Да ничего не говорили! — сердито отвечал Веня.— «Хи-хи-хи» да «ха-ха-ха» — вот что говорили!

— Н-ну, правда, на орфографические ошибки указали, — неохотно добавил Родя.

— Во бюрократы, во бюрократы! — закричал Перпетуум-мобиле.— А кто их не делает — орфографических ошибок?! Кто?! Надо на содержание смотреть, а не на ошибки!

Все одобрительно загудели, а Круглая Отличница встала:

— Интересно, как бы стенгазеты стали выходить, если бы все заметки не принимали за грамматические ошибки!

— Говорят, Лев Толстой и то с ошибками писал, — заметил еще кто-то.

— Да вообще безобразие! — сказал Павлов.— Трубкин не один газетой командует, на это редколлегия есть! Вам надо в комсомольскую организацию пожаловаться или Надежде Сергеевне.

И тут Зою осенила такая мысль, что она даже побледнела. Она протиснулась сквозь толпу поближе к Роде.

— Товарищи! Граждане! Разрешите мне сказать!

— Ну говори,— пробасил Павлов.

— Понимаете,— нарочито мягко, даже застенчиво заговорила Зоя,— я вот была в столовой, когда Трубкин читал статью, и слышала весь разговор... И по-моему... Маршев, конечно, очень умный человек... и Рудаков тоже, но по-моему... Ты извини меня, Маршев... но, по-моему, ты как-то не умеешь разговаривать со старшими ребятами. Ты как-то застеснялся, стусевался... и Рудаков тоже... А нужно было с ними в спор вступить и... и логически доказать...

Зазвенел звонок, и под этот звон Павлов прокричал:

— Ты учить умеешь! А вот ты сама пойд и докажи! Логически!

Зоя подождала, пока умолкнет звонок, чтобы ее все услышали.

— Я ничего не обещаю, конечно, но... попытаюсь. Может, мне и удастся Трубкина уговорить. На следующей перемене.

— Во фасон! — воскликнул Валерка, и ребята двинулись в кабинет.

Разумеется, Зоя не знала, в каком кабинете занимается Трубкин, и на следующей перемене ей пришлось его долго искать.

В самом конце перемены перед пятым уроком редактор стенгазеты «Алый парус», стоявший в кругу одноклассников, увидел, что к нему подошла хорошенькая черноглазая девочка.

— Трубкин,— проговорила она,— можно тебя на минуту? Мне нужно тебе что-то сказать.

— Откуда ты, прелестное дитя? — продекламировал одноклассник редактора.

— Пожалуйста! Я слушаю,— сказал Трубкин.

— Мне... мне надо наедине поговорить.

— Лева, я ревную! — сказала одна из девушек.

Трубкин улыбнулся и раскланялся перед Зоей.

— Мадемуазель, я к вашим услугам! — Он поднялся вме-

сте с Зоей на площадку между этажами.— Ну... мне кажется, мы достаточно уединились...

И тут, глядя снизу вверх на редактора, Зоя сдвинула брови и отчеканила:

— Трубкин! На следующей перемене ты возьмешь у Роди Маршева его статью и поместишь ее в завтрашнем номере газеты. Слышал? Вот!

— И это все? — улыбаясь, спросил Трубкин.

— Все. Родя Маршев учится в пятом «Б».

Редактор шутливо погладил Зою по голове.

— Успокойся, детка, приди в себя! — сказал он, сбежал по ступенькам и вернулся к своим одноклассникам.

Те его спросили:

— Как! Свидание уже кончилось?

— Что она тебе сказала?

— Редакционная тайна, — в тон им шутливо ответил Трубкин. — По поводу одной статьи, одной гениальной статьи.

Он говорил это шутя, но почему-то в нем крепла уверенность, что он обязательно должен поместить эту глупую, по его мнению, статью.

Зоя чуть не опоздала на урок: когда она вернулась к своим, ребята уже входили в кабинет. Усаживаясь за стол, Павлов громко спросил:

— Ну что, Ладوشина? Говорила с редактором?

Зоя скромно опустила ресницы, но ответила тоже громко:

— Говорила.

— Ну и что?

— Он сказал, что подумает.

— А не врешь?

— Не хочешь — не верь! — ответила Зоя.

На уроке географии Зоя была немного рассеянна. Она не совсем была уверена, что ее приказание подействовало на Трубкина: уж больно небрежно тот проговорил: «Успокойся, детка, приди в себя!»

Но еще более рассеян был в это же время редактор газеты «Алый парус». Он провел очень тяжелые пятьдесят минут. Он по-прежнему считал Родину статью нелепой, он был уверен, что его засмеют, если он поместит статью в газете, что ему, возможно, даже крепко попадет за подобную глупость. И вместе с тем он ощущал, что не найдет себе покоя, если статья не будет помещена, что это просто для него невозможно. Временами Трубкин думал, уж не поддался ли он влиянию этой черноглазой девчонки, но тут же отгонял от себя эту мысль. Такого быть не может! Это у него что-то с психикой, скорее всего, он просто переутомился: ведь нагрузка у него — дай бог!

Даже взрослые не могут заниматься одним и тем же делом непрерывно. Временами и Родя с Веней, не говоря уже о других ребятах, забывали о статье, о социологическом обследовании, о научном обществе. Так было и сегодня. Накануне, вечером, по телевидению показывали скачки. На первой перемене второклашки затеяли игру в ипподром. К середине дня в эту игру играли уже и четвертые классы, а к концу дня ею увлеклись пятые и даже шестые.

«Лошадьми» были мальчишки покрепче, а «жокеями» — те, что полегче. Разумеется «жокеи» скакали у «лошадей» на закорках. Дистанция была от одного конца коридора до другого. Девочки в скачках участия не принимали, но были яркими болельщицами. Ими же становились и «лошади» с «жокеями», если не их очередь была скакать. Некоторые даже заключали пари на карандаши, ластик и шариковые ручки.

В том «заезде» участвовали три «лошади»: Валерка Иванов под кличкой «Янтарь» с «жокеем» Венькой Рудаковым. Лешка Павлов (кличка «Шайтан», «жокей» — Маршев) и шестиклассник Столбов («Алмаз», с «жокеем» Кукушкиным).

Если второклашки просто бегали рысцой, то ученики более старших классов усложнили правила игры: «лошади» должны были со своей ношей скакать «галопом» — то есть вприпрыжку, и та, которая сбивалась на «рысь», снималась с дистанции.

Крик в коридоре третьего этажа стоял такой, что в учительской на втором этаже поговаривали, не пора ли прекратить это безобразие. «Лошади», малиновые от натуги, с выпученными глазами, не то чтобы вприпрыжку, а скорей вприхромку стремились к финишу мимо стоящих вдоль стен и голосящих зрителей. Уже на середине дистанции Янтарь стал заметно отставать, но Шайтан с Алмазом шли ноздря в ноздю.

— Шайтан, жми! Алмаз, Алмаз, наддай! Лешка, давай! — вопили болельщики.

И вот когда до финиша оставались какие-нибудь пять метров, Шайтану преградила путь высокая фигура редактора общешкольной стенгазеты. Лицо у редактора было недоброе.

— А ну-ка стой! — сказал он резко.

Болельщики зароптали:

— Ну чего мешаешь! Не мог подождать три секунды!

Но Шайтан и его «жокей» сразу поняли, что к чему. Леша остановился, Родя спрыгнул с него.

— Где твоя статья? Давай ее сюда! — сурово приказал редактор.

— Сейчас, — отозвался Родя и подошел к подоконнику, на котором лежал его портфель.

Увидев редактора, Венья сам спрыгнул со своего «коня», и они вместе с Валеркой приблизились к Трубкину. Пока Родя копался в портфеле, к редактору подошла Круглая Отличница и еще человек восемь ребят, так что Лева оказался в кольце «этой мелочи», как он мысленно именовал пятиклассников.

Зоя стояла в стороне. Она делала вид, что разглядывает носок красной туфельки на правой ноге, и лишь изредка подымала ресницы, чтобы взглянуть на Трубкина, который ее не замечал.

Родя подошел к редактору со своей статьей и отдал ее, сказав:

— Вот! Пожалуйста!

Редактор взял статью, не глядя на ее автора, и стал расстегивать свой портфель. Пальцы его почему-то соскальзывали с замка, и он долго не мог его открыть.

— Значит, все-таки решил поместить? — осторожно спросил Венья.

— Да. Решил, — отрывисто сказал Трубкин.

— Ты что, поговорил с кем-нибудь? — спросил Павлов.

— А тебе что за дело? — сердито отозвался редактор.

— Да так... Я ведь тоже интересуюсь...

— А зачем мне было с кем-то говорить? Я обдумал и пришел к выводу, что статья по существу дельная, только ее надо немного поправить. — Тут редактор впервые взглянул на Родю, и, как показалось некоторым, взглянул с ненавистью. — Только ты имей в виду: я вычеркну все эти твои «увы», все эти твои «в наш грандиозный век». Понятно тебе?

— Понятно. Пожалуйста! — тихо ответил Родя.

Редактор ушел, а Павлов посмотрел на Зою:

— Так ты что, говорила с ним или не говорила?

— Говорила, — коротко ответила Зоя, продолжая разглядывать туфельку.

— А почему же он сказал, что сам передумал?

Зоя пожала плечами.

— Откуда я знаю!.. Может... из самолюбия.

— А что ты ему сказала?

Зоя снова пожала плечами.

— Н-ну... это долго рассказывать, — лениво ответила она и тихо удалилась, держа портфель за спиной.

Ребята не знали, верить Зое или нет. Во всяком случае, они теперь поглядывали ей вслед без прежних усмешечек, и Зоя отметила это. И еще она отметила весьма интересное для нее обстоятельство: бабушка не решилась признаться Зое, что просто выполнила приказание внучки. Бабушка ведь сказала, что она «так и быть, пожалела» Зою. Не решился и Трубкин признаться в том, что он послушался какой-то пятиклашки. Что ж! Если все, к кому Зоя обратится с приказаниями, станут и дальше вести себя так, это будет неплохо: люди не скоро догадаются, что Зоя обладает какой-то удивительной силой и что при встрече с ней не мешает затыкать себе уши.

А Трубкин весь последний урок просидел злой-презлой. Не слушая преподавательницу английского языка, он правил Родину статью, вычеркивая из нее слишком уж пышные фразы. К концу урока учительница подошла к нему и сказала по-английски:

— Трубкин, повторите, пожалуйста, что я сейчас говорила.

Трубкин встал, но повторить не смог и скоро увидел, как преподавательница сделала какую-то пометку в журнале.

Когда уроки кончились, редактора встретил в коридоре его младший брат, шестиклассник Боря.

— Лёв, ты домой? — спросил он.

Трубкин очень бы хотел оказаться сейчас дома, но ему еще надо было пойти к замдиректора по воспитательной части Надежде Сергеевне, показать ей статью, и не только показать, но еще и убедить ее, что в статье высказываются действительно ценные мысли.

— Я задержусь. У меня дела тут, — отрывисто сказал он брату и вдруг спросил: — Слушай! Кто такой этот Родька Маршев из пятого «Б»? Ты его знаешь?

— Ну, немножко знаю. Человек как человек.

Глядя в сторону, редактор процедил сквозь зубы:

— Вот кому бы я с удовольствием шею намылил или уши надрал.

— Бу сделано!— с готовностью ответил Боря, который очень любил такого рода занятия.— Я на это Семку Калашникова мобилизую.

Левин братец направился к выходу. Трубкин хотел было крикнуть Боре, что он не просил его расправляться с Маршевым, что это он просто так сказал, но редактор представил себе, как автору этой проклятой статьи действительно «мылят шею», и у него сделалось так сладко на душе, что он промолчал.

Все уроки в школе кончились, и учительская была полна педагогов. Лишь немногие из них сидели, а остальные разговаривали стоя, так что Лева не сразу отыскал глазами маленькую Надежду Сергеевну.

— Что тебе, милый мой?— спросила она, глядя на него снизу вверх.

И, злясь на себя, еле выдавливая слова, Трубкин проговорил:

— Вот, Надежда Сергеевна... Мы... мы думаем, что это можно будет поместить в порядке дискуссии.

Лева сказал «мы», имея в виду членов редколлегии, но, как вы знаете, никто из них статьи не читал.

Надежда Сергеевна пробежала глазами страницу за страницей, и редактор с досадой отметил, что она особенно приглядывается к тем словам и выражениям, которые он зачеркнул, но не вымарал так, чтобы их нельзя было прочесть. Приглядывается и при этом улыбается.

Прочитав статью про себя, она подняла голову и, как всегда без всякого напряжения, сказала на всю учительскую своим чистым, звонким голосом:

— Люди добрые! Вы только послушайте, какой теперь умный пятиклассник пошел! Вот вы послушайте!— Педагоги замолкли, а Надежда Сергеевна стала читать:— «В наш грандиозный век научно-технической революции...»

— Надежда Сергеевна! Но я же слова «наш грандиозный» вычеркнул!— с отчаянием вскричал редактор.

— Знаю, родименький! Но меня именно оригинал своим стилем подкупает,— ответила замдиректора и продолжала читать.

Она огласила цифры «социологического опроса», из которых явствовало, что около ста учеников четвертого, пятого и шестого классов уже занимаются изобретательством и всякими исследованиями и что еще столько же хотят заняться подобными делами, но не знают, с чего начать. Далее в качестве примеров упоминались Валерка с его прибором и даже Толя Козырьков с его линейкой для резанья пластмассы. Заканчивалась статья такими словами: «Итак, не пора ли покончить с этой нездоровой атмосферой и открыть дорогу пионерскому возрасту на широкий научно-технический простор?»

Педагоги и без того много смеялись во время чтения статьи, но, услышав последнюю фразу, они все дружно расхохотались.

— Надежда Сергеевна, я это еще не выправил,— нервно сказал Трубкин.

— Вижу, вижу, дорогой,— ответила Надежда Сергеевна, продолжая смеяться.

— Но... но, Надежда Сергеевна, ведь по существу-то все это правильно,— выдавил через силу редактор.— Мне кажется... мне кажется, что можно это помещать.— Он с отвращением щелкнул пальцем по листочкам, которые держала Надежда Сергеевна.

— Не можно, а должно, мой хороший. Я думаю, это очень отраднo, когда ребята действуют не по указке взрослых, а проявляют собственную инициативу.

— Можно идти?— быстро спросил редактор.

— Иди, родненький. Очень интересная статья!

Глава семнадцатая

Трубкин ушел, не понимая, чем понравилась эта дурацкая статья Надежде Сергеевне, а между педагогами разгорелся спор. Его начала преподавательница биологии Фаина Дмитриевна — желтоволосая женщина с красивым, но сердитым лицом. Она сидела за столом, затапливая в портфель ученические тетради.

— Ко мне уже заявлялся один такой юный гений. Некий Столбов из шестого класса. — И она рассказала, как Столбов приносил толченых гусениц и просил микроскоп, чтобы посмотреть, живы ли микробы, от которых гусеницы погибли.

К ней подошел толстый, грузный Иван Лукич, преподаватель физики.

— А к чему вы все это говорите? — спросил он.

— А к тому, что пример Столбова может послужить хорошей иллюстрацией для ответа на подобного рода статью.

— А какой, по-вашему, должен быть ответ?

— А вот таков: сначала овладей знаниями, а потом уж и лезь в исследователи. Ведь совершенно неизвестно: может быть, бактерии или микробы, от которых погибли гусеницы, и для человека опасны.

— А по-моему, пример со Столбовым говорит как раз об обратном: заниматься так называемой исследовательской деятельностью вы ему не запретите, значит, остается одно: дать Столбову и ему подобным руководителя. В этом смысле я вполне согласен с автором статьи. Как его зовут? Родион Маршев? Я вполне согласен с уважаемым Родионом Маршевым.

Спор разгорался. Одни поддерживали Фаину Дмитриевну, другие Ивана Лукича. Про статью Маршева скоро все забыли, стали говорить о том, как вообще надо вести обучение в условиях научно-технической революции. Когда директор школы Клавдия Мироновна вошла в учительскую, Иван Лукич гремел:

— Посмотрите, как у нас построена программа по физике! С чем чаще всего сталкивается в жизни современный ребенок? С гидравликой? Нет! С законом Бойля — Мариотта? С тепловым расширением тел? Нет! Куда он ни сунется — везде он сталкивается с электричеством, с проводниками и изоляторами, с силой тока и напряжением... Так почему же я в первую очередь должен рассказывать о шарах-монгольфьерах, на которых теперь никто не летает, и только в седьмом классе могу завести разговор о явлениях, с которыми они сталкиваются повседневно?

— О чем речь, товарищи? Что за споры? — спросила Клавдия Мионовна.

Надежда Сергеевна начала было рассказывать ей про статью, но тут в учительскую вошел Куприян Семенович. Прямой, подтянутый, внешне спокойный, он подошел к директору и негромко сказал:

— Клавдия Мионовна, мне надо с вами поговорить по очень серьезному делу.

— Пожалуйста! Я вас слушаю.

— Нет, с глазу на глаз, и притом очень срочный разговор.

Клавдия Мионовна извинилась перед педагогами и ушла с Куприяном Семеновичем в свой небольшой кабинет. Тут она села за письменный стол, а учитель поместился в кресле перед ней.

— Так. Я вас слушаю, Куприян Семенович.

— Клавдия Мионовна, нам предстоит очень трудный разговор. Вполне возможно, что вы сочтете меня за сумасшедшего. Да!

— Ну, этого уж вы можете не опасаться, — улынулась Клавдия Мионовна.

— И тем не менее я боюсь, что это будет именно так.

— Ну в чем же все-таки дело, Куприян Семенович?

— А дело чрезвычайно серьезное. Буду говорить без

обиняков: необходимо срочно изолировать ученицу пятого класса Ладошину Зою. Вот именно!

Клавдия Мироновна положила руки на стол, сцепила пальцы перед собой и уставилась на Куприяна Семеновича.

— Простите... А почему вы так считаете?

— Потому что она социально опасна. Да!— твердо ответил Купрум Эс и умолк в ожидании следующего вопроса.

— А... а почему вы находите, что эта девочка социально опасна?

— Я понимаю, что вы сразу поверить мне не сможете, но опять-таки скажу напрямик: эта девочка приобрела способность управлять поступками других людей.

Клавдия Мироновна потупилась, и массивное, с крупными чертами лицо ее стало покрываться красными пятнами.

— Да... Гм... Это... это действительно нечто... нечто экстраординарное. А... а какие у вас есть основания делать подобные заявления?

— Если говорить коротко, то я сам разработал эликсир, который многократно повышает способность человека внушать другим свою волю. Да!.. Но я допустил непростительную оплошность, позволил девочке выпить его, и теперь она обрела способность, о которой я вам говорил. И должен вам сказать, что Ладошина — ребенок своенравный, безответственный, и она может натворить много бед, пока эликсир из нее не выветрится. Да! Вот именно! Вот так!

— Позвольте! А как вы убедились, что девочка обладает такой способностью?

— На собственном опыте, Клавдия Мироновна, да!

— А... например?

Купрум Эс поднял правую руку на уровень лица и потыкал указательным пальцем куда-то вниз.

— Вот именно здесь, Клавдия Мироновна... именно, когда я приведу вам этот пример, вы, пожалуй, и сочтете меня сумасшедшим.

— Ну, а все-таки, Куприян Семенович...

— Хорошо. Я скажу. По приказанию Зои я ползая под столом. Помимо собственной воли. Вот так!

На несколько секунд Клавдия Мироновна оцепенела. Потом она осторожно придвинула к себе тяжелый четырехгранный стакан из уральского камня, который стоял слишком близко к учителю. Делая вид, что ищет что-то среди стоящих в стакане карандашей и ручек, она с трудом выдавила:

— А... а еще какой-нибудь пример...

— Пожалуйста! Другой пример: с милиционером. Он требовал от меня документы, но тут Зоя приказала ему уйти, и он ушел.

Впоследствии директор школы жалела, что не расспросила учителя подробней, где Зоя пила этот невероятный эликсир, где и когда они встречались с милиционером, но в тот момент ей было не до расспросов: слишком большое смятение охватило ее, когда она поняла, что старый учитель свихнулся. Крупная, с мужскими чертами лица, Клавдия Мироновна была вместе с тем женщиной отнюдь не храброй. Она продолжала копаться в карандашах и ручках, не смея глаз поднять на Купрума Эса, чтобы он не догадался, что у нее душа находится в пятках. Все свои силы она сосредоточила на том, чтобы только не раздражить сидящего перед ней сумасшедшего.

— Да... все это очень интересно... очень интересно... очень интересно...— пробормотала она слабым голосом.— Так что же... что же вы предлагаете, Куприян Семенович?

— Мой план очень прост. Да! Видите ли, у меня плохой сон, я просыпаюсь от малейшего шороха, поэтому мой зять привез мне из заграничной командировки новейшее патентованное средство. Оно называется «Слип камли», что в переводе с английского означает «Спите спокойно». Это такие комочки ваты, пропитанные воскообразным веществом, состав которого засекречен фирмой. Вещество это резко снижает чувствительность слухового нерва. Практически чело-

век становится совсем глухим, пока «Слип камли» находится у него в ушах.

Купрум Эс передохнул, а Клавдия Мироновна вынула из стакана шариковую ручку и стала делать вид, что машинально разглядывает ее.

— Я вас слушаю, Куприян Семенович... я слушаю вас,— проямлила она.

— Итак, воспользовавшись «Слип камли», можно безопасно подойти к девочке и изолировать ее от окружающих. Разумеется, это должны будут сделать ее родители.

Клавдия Мироновна судорожно глотнула слюну.

— Так, может быть... может быть... вам лучше обратиться к ее родителям... Непосредственно, так сказать...

— Я бы так и сделал, да,— ответил Купрум Эс.— Но здесь такое осложнение: Зоя приказала мне не показываться ей сегодня на глаза, так что сегодня я не могу появиться в доме Ладошиных. Вот именно! А дело, Клавдия Мироновна, срочное. Девочка и за сегодняшний день может что-нибудь натворить.

— Так-так... Вы, значит, хотите... хотите, чтобы я...

— Да. Вот именно.— Куприян Семенович достал из кармана пластмассовую коробочку с яркой этикеткой.— Вот тут «Слип камли». Вы объясните Ладошиным, что употребление очень простое: надо помять комочек в руке до размягчения и плотно вставить в ухо. Вот так! Да!

Клавдия Мироновна взяла коробочку и сунула ее в ящик стола. Она заставила себя наконец поднять голову, но так и не осмелилась посмотреть на учителя: взгляд ее блуждал по стене за спиной Купрума Эса.

— Хорошо, дорогой... Вы... вы не волнуйтесь, все-все будет сделано... Все-все будет, как вы сказали, все-все будет...

И тут Купрум Эс увидел потное, в красных пятнах лицо директора, увидел ее затравленный, бегающий взгляд. Он поднялся.

— Мне все понятно, Клавдия Мироновна: мои опасения сбылись, вы меня принимаете за помешанного.

— Ну что вы, что вы, дорогой!— прошептала Клавдия Мироновна.

— Я достаточно наблюдателен, да! Ну что ж!.. Придется действовать иными путями.— Купрум Эс подошел к двери и взялся за ручку.— «Слип камли» я оставляю у вас. У меня есть еще. Возможно, вы им воспользуетесь, когда сами убедитесь, что девочка опасна. Вот так! Всего доброго!

Примерно через час Купрум Эс нанес еще один визит: начальнику четвертого отделения милиции, майору Вар-

таняну. Прождав минут сорок своей очереди в приемной, он вошел в кабинет.

— Здравствуйте, товарищ майор! Я к вам по срочному и весьма необычному делу.

— Так! Прошу садиться!— сказал плечистый брюнет за большим столом.

— Позвольте сначала представиться, да: Дрогин Куприян Семенович, преподаватель химии в двадцать восьмой школе и руководитель лаборатории биохимии во Дворце пионеров.

Майор поднялся, пожал учителю руку над столом.

— Очень приятно! Прошу!— И он снова указал на кресло.

Куприян Семенович сел.

— Разговор наш покажется вам довольно странным, товарищ майор. Я полагаю, что вы сначала сочтете меня за помешанного, но все же прошу выслушать меня до конца.

— Так! Слушаю вас...

Минут через десять майор Вартамян сидел весь красный, но не испуганный, как Клавдия Мироновна, а сердитый. Куприян Семенович, следивший за выражением его лица, грустно улыбнулся.

— Как видите, я был прав, и вы приняли меня за психически больного, да. Но дело в том, что один из ваших сотрудников тоже подвергся воздействию этой девочки, и он, надеюсь, это подтвердит. Вот так!

— Кто именно?— сурово спросил майор.

— Сейчас я вам объясню. Вчера поздно вечером, когда я вышел с девочкой из Дворца пионеров, ко мне подошел милиционер, если не ошибаюсь, сержант, и спросил у меня документы. Таковых при мне не оказалось, и сержант потребовал, чтобы я отправился вместе с ним. Но тут девочка приказала ему немедленно удалиться, и он удалился. Вот именно: немедленно! Да! Я полагаю, что он сотрудник вашего отделения и его нетрудно будет найти.

Несколько секунд майор исподлобья смотрел на Купрума Эса, потом взял телефонную трубку и набрал номер.

— Алло! Пахомов? Кто этой ночью патрулировал в районе Дворца пионеров?.. Старшина Крутилин и сержант Сивков? А где сейчас Сивков?.. Так. А дома телефон у него есть?.. Ну-ка найдите! — Майор дождал немного и записал на календаре номер.

В это время сержант Сивков лежал на кровати под одеялом и смотрел в потолок. Как всегда, вернувшись утром с дежурства, он позавтракал, разделся и лег, но спал он плохо и мало. Задремлет, но тут же очнется, и перед глазами встанет освещенная редкими фонарями аллея, идущая от подъезда Дворца пионеров к воротам. И сразу вспомнится сержанту, как он шел по этой аллее: шел, сознавая, что надо вернуться и забрать с собой этого подозрительного старика, и вместе с тем чувствуя, что он вернуться не может, не может даже остановиться, а может только уйти... Шел, оглядывался через плечо, покрикивал старику «Гражданин, пройдемте!», а в ушах его продолжал звенеть голос черноглазой девчонки: «Уходите отсюда немедленно! Немедленно уходите! Слышите? Ну!»

На улице Сивкова ждал мотоцикл со старшиной Крутилиным за рулем.

«Ну, что там?» — спросил старшина.

«Да ничего!» — негромко, сдавленным голосом ответил Сивков. Он сел позади старшины и стал думать, что с ним произошло.

«А кому ты говорил «пройдемте»?» — спросил через плечо Крутилин.

«Да... там пьяненький один...» — пробормотал Сивков. Не мог же он сказать, что хотел проверить документы у подозрительного старика, но послушался приказа маленькой девчонки и ушел.

«Задержать не нужно было?» — спросил Крутилин, запуская мотор.

«Да он не шибко... И смирный такой... пенсионер. Я ему сказал «пройдите», и он ушел в те ворота».

А потом старшина всю ночь удивлялся, почему сержант так молчалив и так ко всему равнодушен.

И вот теперь Сивков лежал, смотрел в потолок и тихонько бормотал:

— Нет, товарищ Сивков: тебе из милиции уходить!

Такая работенка не по твоим нервам. Ночью, можно сказать, было первое предупреждение, а если дальше останешься, совсем с катушек сойдешь.

Зазвонил телефон. Сивков медленно выполз из-под одеяла, подошел к телефону, неохотно сказал:

— Да-да!

— Сержант Сивков? Майор Вартанян говорит.

Сержант сразу подтянулся:

— Слушаю, товарищ майор!

— Извините, что беспокою в неслужебное время.

— Ничего, товарищ майор... Слушаю вас.

— Вы ночью ко Дворцу пионеров подъезжали?

— Подъезжал, товарищ майор,— быстро ответил Сивков и очень встревожился.

— А к подъезду подходили?

Сердце у сержанта упало. Неужели во дворце что-нибудь произошло? И неужели в этом замешан старик, которого он упустил? И Сивков решил говорить только то, что сказал старшине.

— Так точно, подходил, товарищ майор,— ответил он как можно бодрей.

— Вы кого-нибудь видели там?

«Так и есть! Старик!» — с ужасом подумал сержант, а сам ответил беспечным тоном:

— Да был там старичок один... чуть-чуть выпимши.

— Какой он из себя?

— Высокий такой... худощавый. Я его не стал задерживать, товарищ капитан, потому что он... чуть-чуть, говорю.

— С ним был кто-нибудь еще?

— Никого, товарищ майор.

— Точно помните?

— Совершенно точно, товарищ майор.

— О чем вы с ним говорили?

— Да я ему сказал, чтобы он шел домой, он и пошел.—

Сивков помолчал секунду, набираясь храбрости, и спросил: —
Что-нибудь случилось, товарищ майор?

— Ничего не случилось. Отдыхайте спокойно!

Майор положил трубку и в упор посмотрел на Куприя-
на Семеновича.

— Сержант говорит, что никого с вами не было, а сами
вы находились в нетрезвом состоянии.

Купрум Эс поднялся, пораженный и оскорбленный.

— Да!.. Вот так! Ну что ж... Извините за беспокойство! —
сказал он и вышел.

Начальник отделения посидел, подумал. Все-таки старый учитель не походил на пьяницу. Он больше смахивал на помешанного. Майор взял алфавитную книжку, открыл ее на букве «Ш» и набрал номер телефона двадцать восьмой средней школы.

А Куприян Семенович спустился по лестнице со второго этажа на первый, но на улицу не вышел. Он вдруг остановился и прижал ладонь к груди. Слева от него был коротенький коридорчик, в конце которого сквозь распахнутую дверь была видна какая-то комната. Нетвердо ступая, учитель добрался до этой комнаты, увидел дежурного по отделению, сидящего за деревянным барьером, и опустился на стул возле стены.

— У меня сердце...— негромко сказал он.— Боль... Очень сильная боль...— Он приоткрыл рот, и голова его откинулась затылком к стене.

Молодой дежурный соображал быстро. Он не стал задавать вопросов. Он придвинул к себе телефон и набрал 03.

Глава восемнадцатая

В тот день Зое пришлось еще раз пустить в ход свою чудесную силу. После истории с редактором Веня проникся некоторым уважением к Зое и, когда уроки окончились, предложил Роде:

— Давай проводим Ладошину, расспросим ее подробнее, как она уговорила Трубкина.

Маршев, конечно, согласился. Зоя немного задержалась в школе. Как ни холодна она была в эти дни со своими «активистами», но те и сегодня поджидали ее у школьных ворот. Это не очень обрадовало Родю и Веню, однако они присоединились к Зоиным поклонникам и тоже стали ждать.

Нечего и говорить, как возликовала про себя Зоя,

увидев, что ее ждет сам Маршев, а с ним и Рудаков, который всегда старался выразить Зое свое пренебрежение.

Все двинулись в направлении Зоино дома, и Веня спросил:

— Зойка, ну ты скажи все-таки: как ты уломала Трубкина? Что ты ему говорила?

Зоя выступала не спеша, склонив голову набок, красиво вытягивая ноги в красных туфельках.

— Ну разве такие пустяки запомнишь!..— лениво протянула она.— Ну, просто доказала ему логически, что статью поместить надо, и он понял, что я права.

Тут Ладошиной захотелось позабавиться. Она сказала «активистам», чтобы они шли вперед, что ей нужно кое о чем поговорить с Маршевым и Рудаковым, а сама замедлила шаги и, сдерживая ехидную улыбочку, спросила:

— Ну, так как же ваша засада? Вы ее все-таки будете устраивать во Дворце пионеров или передумали?

— Ничего не передумали. Мы в пятницу вечером засаду устроим,— ответил Веня и объяснил, почему именно в пятницу.

Зоя надолго замолчала. Венин ответ ее встревожил. Она собиралась завтра же извиниться перед Купрумом Эсом, она была уверена, что добрый учитель простит ее и у них снова наладятся отношения. И она, конечно, рассчитывала еще не раз проглотить эликсир, при одной мысли о котором ее всю передергивало.

Словом, это было совсем ни к чему, чтобы мальчишки вели наблюдение за учителем. Зоя вдруг остановилась и властно сказала:

— Ну-ка, слушайте! Никаких засад вы больше устраивать не будете!— Тут она вспомнила, что ей надо обращаться с приказаниями к каждому человеку в отдельности, и повернулась к Роде: — Маршев, слышишь? Никаких засад

во дворце ты не устраивай!— Она посмотрела на Рудакова: — И ты никаких засад не устраивай, вот!

В тот же миг каждый из друзей почувствовал, что ему совсем не хочется пробираться во дворец да прятаться за щитами.

— Ну чего ты раскричалась!— спокойно сказал Веня.— Я сам только сейчас подумал, что никакой засады устраивать не надо: еще влипнем в какую-нибудь историю, а дела не сделаем. Правда, Родя?

— Засада, конечно, вещь интересная,— медленно проговорил Маршев,— романтика все-таки... Но конечно, мы больше пользы принесем, если просто пойдем к директору и скажем: так, мол, и так, по ночам в лаборатории биохимии свет и кто-то там занавешивает окна...

Зоя оторопела. Только этого ей не хватало, чтобы сам директор Дворца пионеров установил наблюдение за лабораторией! Зоя вспомнила слова Купрума Эса, что проглоченный ею эликсир с каждым новым приказанием «выгорает», ей захотелось поэкономить свое «горючее», но было ясно, что теперь придется расстаться еще с некоторым количеством его. Она в упор уставилась на Родю.

— В общем, ты, Маршев, ни к какому директору Дворца пионеров не пойдешь и ничего ему не скажешь. Ясно?— Она повернулась к Вене: — И ты, Рудаков, к директору не ходи и ничего ему не говори!

Она замолчала, поглядывая на приятелей и ожидая, что они ответят. Те тоже помолчали.

— Может, ты права, конечно,— глядя себе под ноги, негромко сказал Родя.

— Ну, а в самом деле,— отозвался Веня,— если это Купрум Эс и если он что-нибудь полезное изобретает, зачем мы ему будем мешать?

Дальнейший разговор не клеился. Зоя почувствовала, что мальчишкам как-то не по себе. Она распрощалась с ними, и они отправились в обратную сторону.

— Все-таки чудно!— со вздохом сказал Родя.

— Что чудно?

— Ну прямо три минуты тому назад я был уверен, что или засаду надо устроить, или директору сообщить, а теперь почему-то уверен, что ничего делать не нужно.

— Ну, это Зойка нас уговорила. Она это... она умеет логически рассуждать.

— Да какие там рассуждения? Ну чем она доказала, что там никакие преступники не орудуют? А вот не хочется почему-то заниматься этой историей— и все! А почему— не знаю.

— Да-а! Умеет эта Зойка уговаривать!— снова пробормотал Венья.

К Зоиному удивлению, дверь ей открыла мама.

— А ты почему не на работе?— спросила Зоя.

— Тихо!— вполголоса ответила мама.— Меня вызвали с работы: бабушка серьезно заболела.

— А что с ней?— шепотом спросила Зоя.

— Гипертонический крисс.

— А что это?

— У нее резко повысилось давление. И может быть, в этом виновата ты: бабушка очень волновалась, когда ты пропадала ночью. Где ты шаталась так поздно?

— Просто гуляла. С Нюсей Касаткиной,— ответила Зоя и спокойно выслушала наставления, которые давала ей мама. Зое предлагалось не шуметь, готовить уроки в кабинете у папы, в комнату к бабушке не входить.

Глава девятнадцатая

На следующий день в кабинете у Клавдии Мироновны, помимо ее самой, находились трое. В кресле, стоящем боком к директорскому столу, выпрямившись в струнку, держась

за сумочку, поставленную на колени, сидела худенькая старушка с большими встревоженными глазами на маленьком лице. Это была жена Куприяна Семеновича Мария Павловна. Напротив нее, на диване, расположились Надежда Сергеевна и директор Дворца пионеров Яков Дмитриевич Сысоев. На столе перед Клавдией Мироновной лежала коробочка со «Слип камли».

Только сейчас директор школы рассказала Марии Павловне и Якову Дмитриевичу о вчерашнем визите Куприяна Семеновича, о звонке начальника отделения милиции и о странных речах, которые вел Купрум Эс. Надежде Сергеевне она сообщила обо всем еще вчера, попросив никому ничего не говорить. А минуту назад она распорядилась, чтобы к ней вызвали Зою: взрослым надо было кое о чем ее порасспросить.

Некоторое время все молчали, потом Клавдия Мироновна обратилась к Марии Павловне:

— Я вам вчера несколько раз звонила, но никто не подходил.

— Да... Меня вызывали в больницу, но к нему не допустили,— тихим, дрожащим голосом проговорила Мария Павловна.— А потом я поехала к дочери: я не могла оставаться дома одна.— Она судорожно вздохнула.— Но понимаете... врач мне ничего такого не сказал... ни о какой Зое... Сказал, что муж в полном сознании, просто острый приступ стенокардии... А о Зое ни слова не сказал, ни о какой Зое...

Директор Дворца пионеров снял очки с прямоугольными стеклами и стал их протирать носовым платком.

— Ничего не замечал, Ничего такого за ним не замечал,— медленно пробасил он.— Ну, правда, осунулся Куприян Семенович за последнее время, а так... ни одного занятия не пропустил, всегда вовремя... Ничего не замечал.— Яков Дмитриевич надел свои очки, и от этого его лицо с широким подбородком стало выглядеть очень внушительным.

Дверь открылась, и вошла Зоя. Она была немножко бледна, глаза ее смотрели настороженно: ведь вызов к директору обычно не предвещает ничего хорошего, а тут за ней прислали нянечку и вызвали прямо с урока.

— Здравствуйте! Клавдия Мироновна, можно?— тихо спросила она.

— Входи, Зоя!

Зоя увидела Марию Павловну, увидела директора дворца и побледнела еще больше. «Это из-за Купрума Эса!»— мелькнуло у нее в голове. Неужели узнали про его эликсир?! А вдруг узнали, что она его выпила! А может, только что-нибудь смутно подозревают, может быть, заметили что-то странное, но толком-то ничего не знают? За какие-нибудь две или три секунды Зоя сообразила, как ей надо себя вести, и сразу стала спокойней.

— Вы меня вызывали, Клавдия Мироновна?

— Да, Зоя. Только не беспокойся: за тобой никакой провинности не числится... Зоя, возможно, мой вопрос тебя удивит, но припомни, пожалуйста: когда ты последний раз видела Куприяна Семеновича?

— Вчера,— быстро и коротко ответила Зоя.

— Вы о чем-нибудь говорили с ним?

— Ну, я сказала ему: «Здравствуйте, Куприян Семенович!», а он ответил: «Здравствуй, Зоя!»

— И больше ничего?

— Больше ничего, Клавдия Мироновна.

— Зоя, скажи, лапушка,— заговорила Надежда Сергеевна,— бывало так, чтобы Куприян Семенович сам подходил к тебе, заводил какой-нибудь разговор?

Зоя приподняла плечи, растопырила опущенные пятерни и сделала вид, что даже удивлена таким вопросом.

— Бывало, конечно,— ответила она.

— О чем же он с тобой говорил?— спросила Клавдия Мироновна.

— Ну, спрашивал, как поживает бабушка, один раз

спросил: «Ну как, твоя бабушка бросила курить?» А иногда просто говорит: «Передай бабушке привет». И все.

Зоя умолкла и заметила, что взрослые переглянулись между собой, переглянулись очень значительно. В это время зазвенел звонок на большую перемену.

— Ну спасибо, Зоя. Можешь идти.

Зоя попрощалась и направилась было к двери, но вдруг остановилась:

— Клавдия Мироновна, а можно узнать, зачем вы все это спрашивали? Что-нибудь случилось?

— Ничего серьезного, Зоя. Иди!

— Так я вам и поверила, что ничего серьезного! — прошептала Зоя, выйдя в коридор. На душе у нее было тревожно. Что же все-таки хотели узнать эти взрослые? И вообще что они знают и чего не знают?

А взрослые после ее ухода опять помолчали.

— Ну, что вы скажете, товарищи? — спросила наконец Клавдия Мироновна.

Надежда Сергеевна, которая интересовалась медициной, высказала свое предположение:

— Товарищи дорогие, а не могло получиться так: у Куприяна Семеновича был спазм одного из сосудов головного мозга и это привело к временному нарушению его психики? А потом этот спазм прошел, и...

Собеседники Надежды Сергеевны сказали, что не разбираются в таких вопросах. Как бы то ни было, все четверо решили никому не говорить о странном поведении старого учителя. Пусть в школе знают лишь о том, что у него плохо с сердцем.

Глава двадцатая

Яков Дмитриевич простился с Клавдией Мироновной и Марией Павловной, а Надежда Сергеевна пошла его проводить. В коридоре они увидели большую толпу, стоявшую

перед школьной стенгазетой. Тут были старшекласники, тут еще больше было ребят из четвертых, пятых и шестых классов, тут путались под ногами даже второклашки. Статью вслух читал Гена Данилов. В ней уже не было слишком высокопарных выражений, всех этих «в наш грандиозный век» и «увы». Лева Трубкин поправил статью так, что старшекласники, слушая ее, не смеялись.

Проходя мимо толпы, Надежда Сергеевна вдруг остановилась.

— Яков Дмитриевич! А ведь это вас касается. Непосредственно!— И, взяв директора за локоть, она стала протискиваться с ним к газете, приговаривая: — Ребятки, ребятки, родненькие, дайте дорогу, ведь это знаете кто? Это сам директор Дворца пионеров, Яков Дмитриевич Сысоев, ведь ему эта статья как раз и адресована.

Ребята расступились, замдиректора подвела Якова Дмитриевича к стенгазете и указала ему на статью.

Якову Дмитриевичу было не до статьи. Он думал о беде, постигшей Куприяна Семеновича, о том, что, возможно, теперь придется искать нового руководителя для лаборатории биохимии. Но тут в толпе установилась такая мертвая тишина, что директору дворца стало ясно: он должен прочитать статью и высказать свое мнение. В полной тишине он прочитал ее, потом сказал, протискиваясь обратно:

— Ну что ж, дельно написано. Только вот как практически осуществить, не имею понятия.

Последнюю его фразу ребята как-то пропустили мимо ушей и, когда он ушел, стали повторять:

— Слышали, что он сказал? «Дельно написано»!

— Ага! «Дельно написано»!

— Ну вы же слышали, как он сказал: «Дельно написано»!

А к концу большой перемены слова «дельно написано» уже повторялись во всех уголках школы, где были юные конструкторы и исследователи.

Еще через один урок Гена разыскал Надежду Сергеевну и обратился к ней:

— Надежда Сергеевна, вам не кажется, что нужно ковать железо, пока горячо?

— В каком смысле, дорогой?

— Яков Дмитриевич назвал статью Маршева дельной. Может быть, стоит направить к нему делегацию из ребят пионерского возраста?

— Поговорить насчет «Разведчика»?

— Ну да, чтобы они попросили открыть им доступ в «Разведчик» или хоть какой-нибудь филиал для них организовать...

Надежда Сергеевна призадумалась.

— Ну что ж! Пусть попробуют поговорят, хотя я не уверена, что из этого что-нибудь получится.— Она опять помолчала.— Только если уж пускаться на такое предприятие, ты возглавь эту делегацию сам, а то твои пионеры могут растеряться и разговора не получится.

Через минуту Гена поймал Родю в коридоре и приказал:

— Живо! Собирай инициативную группу! Срочное дело!

Эти слова уловила Зоя, и она подошла поближе, чтобы подслушать дальнейший разговор.

Скоро Маршев вернулся с Лялей, Валеркой и Веней.

— После уроков отправляемся к директору Дворца пионеров,— объявил Данилов.

— Зачем?— спросил Веня.

— Для разговора о создании пионерского научно-конструкторского общества. Сама Надежда Сергеевна сказала, что надо ковать железо, пока горячо.

Как вы знаете, Надежда Сергеевна таких слов не говорила, но Гене очень уж хотелось, чтобы это было именно так.

— С самим директором...— пробормотал Веня.— А что мы будем ему говорить? Я, например, обалдею просто и ничего не скажу.

— Вам, может, и не придется говорить. Этим я сам зай-

мусь. Вы будете только присутствовать как члены делегации.

Валерка сказал, что он и присутствовать не может, потому что у него больна мама и ему надо бежать в аптеку за лекарством. Тут Зоя скромно проговорила:

— Гена, я, конечно, никакими исследованиями не занимаюсь, но все-таки можно мне с вами пойти вместо Валеры?

Гена согласился. Он знал, что завод, которым руководит Зоин папа, шефствует над Дворцом пионеров, и поэтому Зоино участие в делегации может оказаться полезным.

Около двух часов дня самозванные делегаты вошли в вестибюль Дворца пионеров и узнали от дежурной технички, что Яков Дмитриевич у себя. Тут даже Гена малость оробел. Он подошел к зеркалу и что-то слишком долго водил расческой по волосам. У мальчишек расчесок не было, и они, поплевав на ладони, прихлопнули ими вихры, а Лялины жесткие кудряшки находились в полном порядке. Наконец все двинулись к кабинету, который находился на первом этаже. Вход туда был через комнатку секретарши, но той на месте не оказалось. Гена постучал в обитую пластиком дверь, потом слегка приоткрыл ее.

— Яков Дмитриевич, разрешите войти?

— Войдите! — послышался басок директора, и все по очереди протиснулись в кабинет. Именно протиснулись, бочком, почему-то не решаясь открыть дверь пошире.

Несколько секунд длилось молчание. Сидевший за столом директор с некоторым удивлением смотрел на посетителей через свои четырехугольные очки. Родя провел пальцем по вспотевшему носу, а Веня не то крикнул, не то кашлянул.

— Так вы по какому делу? — спросил наконец директор.

— Яков Дмитриевич! Мы к вам в качестве делегации от двадцать восьмой школы. Нас направила замдиректора по внеклассной работе Надежда Сергеевна Муравьева, — вдруг громко и быстро проговорил Гена, сам не замечая,

что сильно привирает. Затем он представил членов делегации: Родю и Веню он назвал талантливыми юными конструкторами, о Ляле сказал, что результаты ее изучения пустельги передавались по областному радио, а Зою отрекомендовал как представительницу актива пионерской дружины.

— Ну так в чем же все-таки дело?— негромко спросил директор.

— Понимаете, Яков Дмитриевич...— продолжал Данилов, все больше увлекаясь,— многие педагоги нашей школы считают, например, так: что талант исследователя, изобретателя надо открывать и развивать с самого юного возраста. Это, понимаете, как талант танцора или, положим, как талант музыканта... Понимаете?

— Хорошо! Ну, а конкретно: что ты от меня все-таки хочешь?

— Яков Дмитриевич! Вы сегодня читали статью в нашей стенгазете... Вот автор как раз перед вами!— Гена указал ладонью на Родю.

— Ну, читал,— слегка набычившись, ответил директор.

— И вы, как я слышал, одобрили ее.

— Ну... в принципе...— Директор еще больше набычился, а Гена, не замечая этого, бодро продолжал:

— Вот мы, значит, и пришли к вам, Яков Дмитриевич, чтобы поговорить о том, как осуществить на практике эту идею, которую вы одобрили.

— Какую идею?— уже совсем мрачно прогудел директор.

— Ну, вот идею о том, чтобы открыть доступ в «Разведчик» ребятам пионерского возраста.

И тут Яков Дмитриевич поднялся и наклонился над столом, опираясь на него широко расставленными руками.

— Ты говоришь, вас Надежда Сергеевна прислала?— спросил он, глядя в упор на Гену.

— Д-да,— с запинкой ответил тот.

Гена сразу скис: он вдруг понял, что нечаянно слишком много наврал. А Яков Дмитриевич между тем раскраснелся и загремел:

— Так вот ты пойдй к Надежде Сергеевне и скажи ей, что она не маленькая, что она должна понимать самые элементарные вещи, а именно: для того чтобы открыть доступ в «Разведчик» ученикам пятых и шестых классов, нужны дополнительные помещения, нужно дополнительное оборудование, нужны дополнительные руководители, а для всего этого необходимы дополнительные и весьма большие средства, а Яков Дмитриевич не маг и волшебник и вытащить эти средства из рукава он не может.— Директор вдруг выпрямился, помолчал немного и сказал уже спокойно: — Фу! Довели меня до крика. Так все понятно? Ну, значит, окончен разговор!

У Гены горели уши, но он постарался держаться с достоинством.

— Извините, Яков Дмитриевич,— сказал он вежливо, но сухо.— Всего хорошего!

Делегаты двинулись к двери, но директор их остановил.

— Погодите-ка!— Он посмотрел на Зою: — Ты ведь дочка товарища Ладошина? Митрофана Петровича?— Зоя кивнула, и Яков Дмитриевич опять начал краснеть.— Так вот, передай своему папе, что над Дворцом пионеров надо шефствовать не на словах, а на деле. Нам бедная авторемонтная мастерская подарила хоть плохонький, но станок; нам даже комбинат бытового обслуживания кое-что выделил для слесарно-механической мастерской... А твой папа — директор станкостроительного завода — только обещаниями кормит. Вот ты напомни ему!

Зоя покосилась на Родю, на Гену, потом сказала нарочно неторопливо и очень отчетливо:

— Хорошо. Я поговорю с папой, чтобы он прислал станок.

Однако никто не заметил ее значительного тона, все как-то пропустили это ее заявление мимо ушей.

— Вот так-то! Всего хорошего!— сказал директор.

Когда делегаты вышли из дворца, Гена остановился, сунул руки в карманы брюк.

— Вы думаете, это правда, все, что он говорил? Будто того не хватает, другого не хватает... Ерунда все это! Отговорочки одни. Ему так спокойней — в кабинете посиживать, чем инициативу проявлять.

Все это Гена сказал, сам себе не веря, просто для того, чтобы как-то поднять себя в глазах делегатов, но Родя с Веней поверили ему. Поверила ему и Зоя. Последнее обстоятельство и привело к тем событиям, которыми закончится эта правдивая, но маловероятная повесть.

Но перед тем произошло много других событий, и вот одно из них.

В тот же день, под вечер, Родя был послан в местный универсам за кое-какими продуктами. Послали туда же и Зою. В магазине им встретиться не довелось: Родя ушел оттуда несколько раньше Ладозиной. На углу тихой улицы, по которой он шел, стояли и разговаривали Боря Трубкин, брат редактора школьной стенгазеты, и его друг Сема Калашников.

— Привет!— сказал Родя Трубкину, которого немножко знал.

— Привет!— машинально отозвался Боря, а потом, глядя на удаляющегося Маршева, процедил сквозь зубы:— Черт! Совсем забыл!

— Что забыл?— спросил Калашников.

— Я обещал брату, что этому типу уши надеру.

— Ну так чего? Пошли и надерем!

Приятель нагнали Маршева и несколько шагов прошли рядом, по обе стороны от него. Затем Трубкин сказал:

— Ну-ка стой, писатель!.. Сема, берем!..— И он взял Родю за левое ухо, а Калашников — за правое.— Давай

так сначала: ко мне — к тебе, ко мне — к тебе, ко мне — к тебе!

И они стали поочередно таскать к себе Родину голову за уши так, словно пилили двуручной пилой.

— Пустите, что вы делаете! Ну, больно же!.. Пустите! — закричал Родя, но ничего не помогло. В правой руке у него болталась прозрачная пластиковая сумка с двумя бутылками подсолнечного масла и пакетом сахарного песка, и он мог только вцепиться левой рукой в правую Борькину руку, отчего ему не стало лучше.

— А теперь так давай, — сказал Трубкин. — Вперед — назад, вперед — назад, вперед — назад!

И голова Роди стала мотаться в другой плоскости.

Тут к этой троице сзади подошла Зоя с двумя сумками в руках и остановилась метрах в пяти. Что-то знакомое показалось ей в фигуре мальчишки, которого драли за уши, но голос ей не был знаком, потому что Родя уже почти плакал:

— Борька! Ну что ты делаешь!.. Нупусти!.. Ну... ну, я прохожих позову!..

— Теперь покрутим его! — скомандовал Трубкин и зашел: — Как на Роди именины испекли мы каравай, вот такой вышины, вот такой низины...

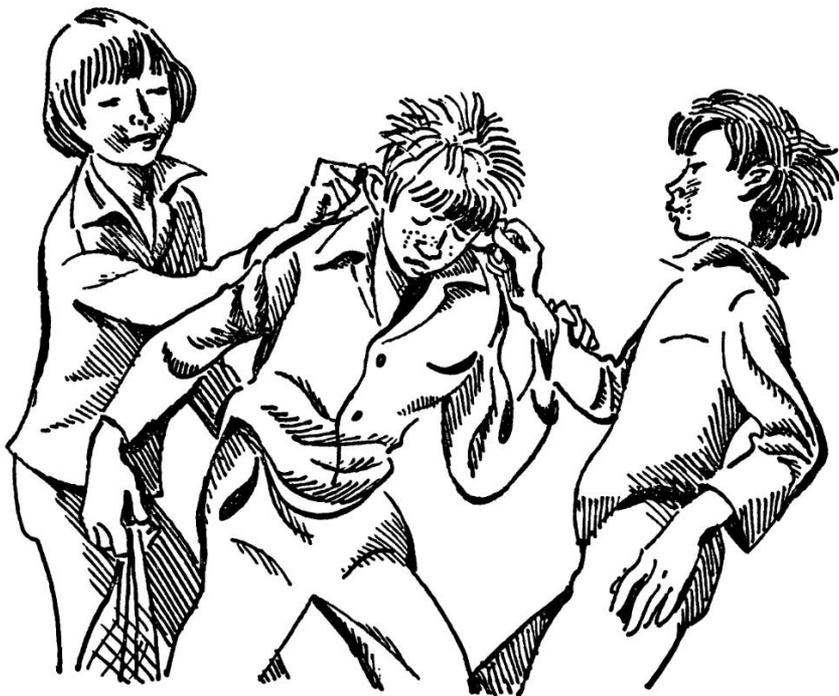
Увидев, что перед ней человек, к которому она так равнодушна, увидев, что этого человека так унижают и мучают, Зоя вскипела яростью. В три прыжка очутилась она возле мальчишек.

— Что вы делаете! Хулиганье проклятое! А ну отпустите его!

— Тихо, тихо, малышка! — сказал Боря, и оба продолжали держать Родю за уши.

Только тут вспомнила Зоя про эликсир и вспомнила, что она должна приказывать каждому в отдельности. Она взглянула на Трубкина, потом на Калашникова.

— А ну отпусти его! И ты отпусти!

И красные Родины уши оказались на свободе.

— Ну что ты орешь, чего орешь!— проговорил Семка.

— Пошел к черту отсюда!— выкрикнула Зоя, и тут Калашников сошел с тротуара на мостовую и заходил по ней как-то неуверенно, сворачивая то в одну сторону, то в другую, то в третью. Зоя удивленно посмотрела на него, потом смекнула: хулиган просто не знает, куда ему идти, потому что чертей на свете нет. И она исправила свое приказание.— Домой иди! Убирайся домой, слышишь!— крикнула она и вытаращила глаза на Трубкина: — И ты — марш домой! Живо! И не вылезать у меня до завтра!

И тут наступил полный порядок: Семка вернулся на тротуар и уверенно зашагал по нему в одну сторону, а Бо-

рис пошел в другую. Пройдя несколько шагов, Трубкин, не останавливаясь, обернулся:

— Сем! Пошли ко мне! В шахматы сыграем!

— Не, Борь,— продолжая шагать, отозвался Семка.— Лучше ты ко мне, ты нашего телека нового еще не видел. Цветной!

— Сема! Ну, иди!— уже издали прокричал Трубкин.— У нас дома никого нет, посидим, поиграем!..

— Борь! Ну, ты человек или нет? Ну, хоть на пять минут загляни!

Так они звали друг друга в гости, пока Трубкин не скрылся за поворотом, а голос Калашникова не замер вдали.

У Роди болели уши, побаливала даже голова, но он не обращал на это внимания. Он смотрел то на спину Трубкина, то на спину Калашникова, а когда их переключка кончилась, он ошалелыми глазами уставился на Зою:

— Ты что, их знаешь?

Зоя чуть пожала плечами.

— Ну... как и ты.

Родя взял у нее одну из сумок:

— Давай помогу нести. Ты где живешь?

— А я уже почти пришла. Вон мой дом!

До самого Зоино дома Родя молчал, а Зоя краешком глаза следила, как он то и дело поглядывает на нее, и ей очень хотелось поведать ему, именно ему, Родиону Маршеву, о том, какая удивительная сила заключается в ней, какая власть над людьми ей дана. Но Зоя понимала, что этого делать нельзя.

Они свернули во двор и пошли вдоль длинного двенадцатизатяжного корпуса к предпоследнему подъезду.

— Ну почему они так быстро послушались тебя? — сказал наконец Родя.— Ничего не понимаю!

— Ты многого не понимаешь, Маршев,— загадочно и грустно сказала Зоя,— ты еще очень-очень многого не понимаешь.— Тут ей захотелось показаться Роде еще более зна-

чительной, и она проговорила уже другим тоном, деловым: — Не знаю... Может, мне сказать папе, чтобы он прислал завтра во дворец какой-нибудь станок получше? Может, мы тогда этого Якова Дмитриевича уломаем?

— Думаешь, папа так сразу тебя и послушается?

Зоя пожала плечами.

— Вообще... он считается с моим мнением. Ну, спасибо! Пока!

И, забрав у Роды сумку, она ушла.

После этого Родя несколько минут шел очень медленно. Что же это получается? Вчера Ладوشина сказала, что попробует уговорить Леву Трубкина поместить статью, и вот статья сегодня в газете. Вчера Зоя сказала ему и Вене, чтобы они не устраивали никаких засад во дворце, и теперь им обоим не хочется устраивать засаду... И, наконец, только сейчас... Зойка крикнула двум мальчишкам, с которыми едва знакома, чтобы они отпустили Родины уши, и они тут же отпустили; она приказала мальчишкам идти домой, и они тут же пошли, и ясно было, что каждый идет не куда-нибудь, а именно к себе домой. Так что же все-таки получается? А вдруг у этой самой Зойки есть способности гипнотизировать людей?! Способность, о которой она сама не подозревает!

Тут Родя остановился и замотал головой. Нет! Такого не бывает, такого не может быть! Ну, а фактики-то налицо! Родя снова двинулся вперед и снова стал перебирать эти «фактики»: Лева Трубкин и статья, разговор о засаде, ну, а главное — поведение Борьки и Семки... И снова тот же вывод: Зойка обладает даром внушения! И снова Родя остановился, и снова замотал головой. Нет! Не может такого быть!

Вечером, когда пришел Веня, Родю так и подмывало рассказать ему о своих предположениях, но он не рискнул это сделать. Родя знал, что уравновешенный, практичный Венька просто обзовет его фантазером, тем дело и кончится.

А позднее, когда Родя уже лежал в постели, ему вспомнилась такая подробность: подойдя к нему, Борька Трубкин почему-то назвал его «писателем». Выходит, что ему драли уши за его статью! Но почему же Борька так невзлюбил его за эту статью, которая его, Борьки, совсем не касается? Нет, тут что-то не так! Ну, а если предположить, что Борька действовал по наущению своего старшего братца? Тогда все сходится! Но тогда получается, что Левка Трубкин *против воли* поместил статью и теперь злится за это на Родю. А почему он поместил против воли? На это ответ был один: так ему приказала Зойка!

Додумавшись до этого, Родя покрылся испариной и помахал над собой одеялом, чтобы немного остыть. После этого он повернулся со спины на бок и постарался заснуть, и тут ему вспомнилось название телепередачи, которую вел профессор Капица: «Очевидное — невероятное». Десятки раз Родя смотрел эту передачу, но никогда не задумывался, почему она так называется. И вот теперь задумался. Он пришел к выводу, что такое название очень подходит ко всей этой истории с Зойкой: «очевидное» — это факты, которые он наблюдает своими глазами, но факты эти невероятные, такие, в которые трудно поверить.

Родя закрыл глаза, а в мозгу его всплывали то Семка с Борькой, то Зоя, то Веня, то Трубкин... И в том же мозгу, словно невидимый маятник, все время качались слова: «Очевидное — невероятное, очевидное — невероятное, очевидное — невероятное...»

Так Родя и уснул.

Глава двадцать первая

Зое пора было укладываться спать, но мама ее ушла ненадолго к соседям, бабушка лежала больная, а Зоин папа, Митрофан Петрович, любил в свободную минуту поболтать с дочкой.

Они сидели в кухне. Митрофан Петрович курил, расспрашивал Зою о школьных делах, а Зоя отвечала вяло и как-то очень уж внимательно смотрела на отца.

Митрофан Петрович был высок и широкоплеч, у него было мужественное лицо с высоким лбом, и этот лоб делала еще выше начинающаяся лысина. И Зоя думала о том, что вот сейчас этот крупный мужественный человек, которому на заводе подчиняются так много людей, вынужден будет подчиниться ее, Зоиному, приказанию. И от этой мысли Зое стало как-то неловко, ей стало немножко жалко отца, и она все медлила заводить разговор о станке.

Митрофан Петрович погасил окурок в пепельнице и вдруг поднялся.

— Слушай, дочура, давай устроим маме сюрприз: она придет, а вся посуда перемыта. А то ведь, понимаешь, бабушка больна, и маме приходится везде поспевать: и за бабушкой ухаживать, и обед готовить...

Он надел поверх тренировочного костюма мамин пестренький фартук, а Зоя взяла кухонное полотенце. Она долго придумывала, с чего бы начать разговор, и наконец спросила:

— Папа, ведь твой завод, кажется, шефствует над Дворцом пионеров?

— Ну, мы взяли в свое время шефство. А что?

— Пап!.. А в чем заключается ваше шефство?

— Да ведь как тебе сказать... Я ведь лично не занимаюсь. Этим местком, должно быть, занимается... а скорей всего, комсомольская организация...

Зоя помолчала.

— Папа, а вот говорят, что твой завод шефствует только на словах, а не на деле.

Тут впервые Митрофан Петрович приостановил работу и посмотрел на Зою, держа в левой руке тарелку, а в правой — щетку.

— А кто же это говорит? Ну, давай конкретно!

— Между прочим, сам директор дворца Яков Дмитриевич. И между прочим, он сказал, что даже самая бедная мастерская подарила Дворцу пионеров станок, а такой большой завод, как у тебя, только обещаниями кормит.

Митрофан Петрович снова принялся за работу.

— Да-а... Тут, возможно, он и прав. Ты мне как-нибудь об этом напомни. А, доченька?

Зою такой ответ, конечно, не удовлетворил: ведь она сказала Маршеву, что попросит отца завтра же прислать станок.

Она попыталась сначала уговорить отца:

— Папа! Ну что тебе стоит завтра взять и прислать во дворец какой-нибудь станок! Ведь они ждут все-таки!

Митрофан Петрович снова оглянулся на Зою.

— Ишь ты, какой адвокат у Дворца пионеров нашелся! Ладно! Обещаю тебе над этим подумать... А вот насчет того, чтобы завтра... ты уж извини. У папы завтра дел выше головы, а тут надо давать распоряжения, чтобы подобрали подходящий станок да чтобы выделили такелажников для его погрузки, не говоря уж о транспорте. Нет, дочура, давай уж до будущей недельки подождем, а там посмотрим, что получится. На-ка, вытирай вилку!

Зое стало ясно, что папа не принимает разговор всерьез, что раздумывать да смотреть, «что получится», он может и неделю, и месяц, и три... И Зоя поняла, что придется пустить в ход эликсир. Она помолчала, вытирая вилку, потом спросила:

— Папа, а что такое координатно-роскошный станок?

Митрофан Петрович засмеялся:

— Координатно-роскошный? Это что еще за чудо? Может быть, координатно-расточный? Или, точнее, координатно-расточной?

— Ну, координатно-расточной. Недавно по радио передавали, что твой завод наладил выпуск таких станков. С каким-то там управлением.

— С программным управлением. Впрочем, это и в самом деле роскошный станок: задал ему программу, и он сам проделывает все операции по расточке до нужных параметров.

Зоя не понимала, что такое программное управление, что такое расточка, что такие параметры, но она поняла одно:

станок этот хороший и Яков Дмитриевич, пожалуй, будет рад получить его.

— Папа, слушай меня! — сказала она, повысив голос.

— Ну, слушаю, слушаю, — благодушно отозвался Митрофан Петрович, передавая Зое две ложки и вилку.

И тут Зоя отчеканила:

— Папа! Завтра утром отправь координатно-расточный станок в подарок Дворцу пионеров. Вот! Все-таки нужно шефствовать не на словах, а на деле.

— Глупышка ты у меня! — рассмеялся Митрофан Петрович.

Если бы он объяснил дочке, что такой станок стоит несколько тысяч, что за подобное разбазаривание ценностей его могут и под суд отдать, что, наконец, такой станок совсем ни к чему Дворцу пионеров, Зоя, конечно, отменила бы свое приказание. Но Митрофан Петрович ей ничего такого не сказал, он опять не принял всерьез дочкины слова. Однако минуты через две Зоя поняла, что ее приказание подействовало: оставшиеся ножи, ложки и вилки Зоин папа домыл молча, потом он, не снимая мамино фартука, сел боком к столу и стал курить, глядя в одну точку.

Вернулась мама и отправила Зою спать. Из-за болезни бабушки Зоя спала теперь в одной комнате с родителями. Она быстро уснула и не слышала, как отец все ходил и ходил за стеной у себя в кабинете, и не слышала, как мама несколько раз в течение ночи вставала, заходила к папе в кабинет, спрашивала его, почему он не ложится спать, а тот раздраженно отвечал:

— Оставь меня, Риточка, дай подумать!..

Зоя еще спала, когда ее мама кормила мужа завтраком. Он почти ничего не ел, все молчал, а лицо у него было желтое и под глазами повисли темные морщинистые мешки.

— Троша! Мне твой вид что-то очень не нравится. Ты как себя чувствуешь?

Митрофан Петрович потер кулаком лоб.

— Да неважно, по правде сказать.

— А что именно у тебя?

— Да с головой что-то.

— Может, дома останешься? Вызвать врача?

— Не надо, обойдется.— Он встал, подошел к окну, выглянул во двор.— Машина уже пришла. Пока, Риточка!

И в этот день Митрофан Петрович домой уже не вернулся.

Часа через три после того, как директор станкостроительного завода уехал к себе на работу, другой директор — Дворца пионеров сидел у себя в кабинете, положив локти на стол, смотрел на сцепленные пальцы рук и думал.

Минут тридцать тому назад закончился какой-то странный эпизод. Дверь распахнулась, и, минуя молоденькую секретаршу Таню, в кабинет без стука вошел маленький толстый человек в плаще и фетровой шляпе.

— Товарищ Сысоев?— сказал он хмуро.— Я из отдела сбыта завода «Факел».

— Так! Очень приятно!

— Тут вашим пионерам шефы подарок прислали.— Он раскрыл пластмассовую папку и вынул из нее две бумаги.— Вот это вам сопроводилка, а вот здесь распишитесь в получении.

В «сопроводилке» директор прочел, что, в порядке шефской помощи, завод направляет дворцу координатно-расточный станок марки «Программа-75».

— А что это за станок?

— Последнее слово техники. Автоматики, точнее сказать. Станок с программным управлением.

Яков Дмитриевич был по образованию историк, но он интересовался техникой и примерно знал, что такое станок с программным управлением.

— Так ведь... должно быть... должно быть, очень дорого...

— Не дешево. Много тысяч стоит.

— Сколько?

— Много тысяч,— почему-то с недоброй усмешкой процедил человек из отдела сбыта.— Так что, будете принимать?— Последний вопрос он задал таким тоном, будто сомневался, что директор дворца примет станок, и Яков Дмитриевич совсем оторопел.

— Не знаю, право... Ведь... с программным управлением... он требует квалифицированного обслуживания, а у нас дети как-никак... А с другой стороны, странно: такая огромная ценность и вдруг...

— Ну об этом вы нашего директора спрашивайте, товарища Ладوشина,— совсем уже сердито сказал человек.— Его письменное распоряжение у нас в отделе есть, а я человек маленький. Где будем сгружать?

На это директор дворца ответить не успел. В дверь просунулась секретарша Танечка.

— Яков Дмитриевич, к вам с завода «Факел».— И она впустила двух новых посетителей, которые, в противоположность первому, были очень рослые и худощавые, только один был брюнет, а другой — блондин.

— Хорошо, что не разгрузились, товарищ Панков,— заметил брюнет человеку из отдела сбыта и обратился к Якову Дмитриевичу: — Здравствуйте, товарищ Сысоев! Заместитель директора завода по коммерческой части Туганаев Василий Батырбекович.

— Зарубин Иван Максимович,— отрекомендовался блондин.— Секретарь парткома завода.

Обменялись рукопожатиями. Яков Дмитриевич пригласил всех сесть. Тут замдиректора снова заговорил:

— Видите ли, какое дело, товарищ Сысоев. Произошло недоразумение. Вам ошибочно прислали станок.

— Да я вот сам немножко удивился...— начал было Яков Дмитриевич, но секретарь парткома торопливо перебил его:

— А мы, товарищ Сысоев, сегодня же пришлем вам другой станок, более для вас подходящий. Сегодня же пришлем.

— Да-да! — также торопливо подхватил замдиректора. — Я лично уже выписал документы, дал распоряжение на отгрузку, так что, возможно, он уже в пути. Через час, может быть, через два часа получите.

— Спасибо! — пробормотал Яков Дмитриевич. — Только я вот чего не понимаю: тут передо мной лежит письмо за личной подписью товарища Ладощина.

— Вот это уже вопрос деликатный, товарищ Сысоев, — сказал замдиректора и посмотрел на секретаря парткома: — Иван Максимович, может быть, вы обрисуете положение?

— Хорошо. Гм! Положение, стало быть, такое: вот эту бумагу, что у вас на столе, и распоряжение об отправке станка Митрофан Петрович Ладощин написал, находясь... ну, как бы вам сказать... находясь в болезненном состоянии. Сразу вслед за этим нелепым распоряжением с ним случился инфаркт. На «скорой» увезли. Вот такое дело... И еще, товарищ Сысоев... было бы очень желательно, чтобы эта глупая история не получила огласки. Все-таки авторитет руководителя... Словом, вы сами понимаете.

— Вполне понимаю! — с готовностью согласился Яков Дмитриевич. — Обещаю вам — никому ни слова. А эту бумагу мы порвем.

И он порвал «сопроводиловку», а товарищ Панков — не подписанную еще расписку, которую держал в руках. Затем посетители распрощались, и директор, не столько из вежливости, сколько из любопытства, проводил их до самых ворот дворца.

Там он увидел, что на улице стоит автокран с прицепом а на прицепе возвышается здоровенный контейнер, который, пожалуй, не пролез бы ни в одну из дверей Дворца пионеров. За прицепом стояла «Волга». Возле машин курили шоферы и рабочие.

Секретарь парткома еще раз напомнил Якову Дмит-

ривичу о своей просьбе не предавать огласке всю эту историю, замдиректора дал команду всем садиться по машинам и двигаться обратно, и колонна удалилась.

А еще часа через полтора пришла другая машина, уже не в сопровождении крана и всего лишь с тремя рабочими. Небольшой станок, который они привезли, был помещен не в контейнер, а просто накрыт брезентом. Его сгрузили на заднем дворе и с помощью ваг и катков приволокли в слесарно-механическую мастерскую. Присутствовавший при этой операции завхоз дворца пробормотал:

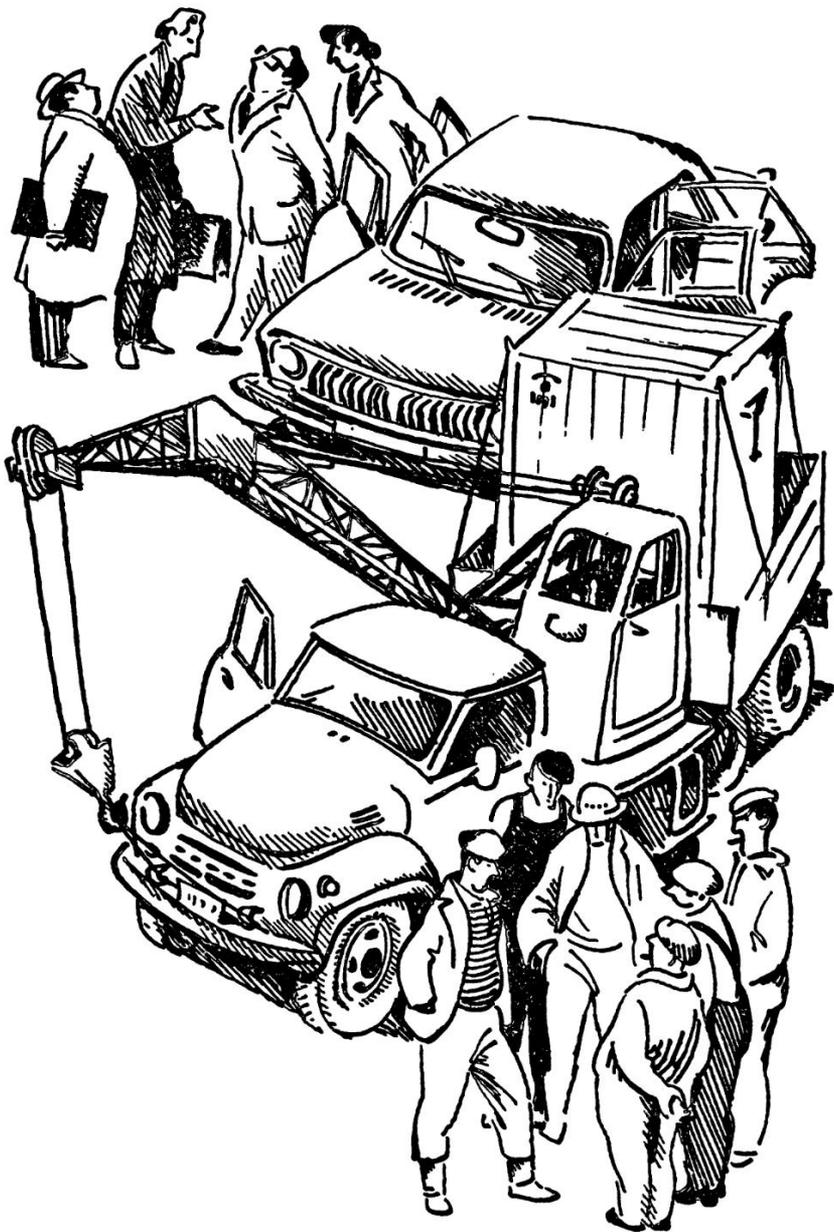
— Н-нда! Поработал станочек! Небось и в ремонте бывал.

После отъезда машины с первым станком и во время получения второго какое-то неосознанное чувство томило Якова Дмитриевича: все время ему казалось, что он обязательно должен что-то вспомнить. И вот теперь он удалился в свой кабинет и стал думать: а что же именно он хочет припомнить?

Занятия различных кружков во дворце в будние дни начинались не раньше трех часов, а занятия секций общества «Разведчик» — между шестью и семью. Ведь инженеры и молодые ученые руководили этими секциями на общественных началах, после своей основной работы, и исключение представлял только Альфред Павлович Тигровский, руководитель «Разведчика».

Сейчас было только начало второго, и во дворце стояла почти полная тишина. Ничто не мешало Якову Дмитриевичу думать.

— Да-а... Как видно, заработался товарищ Ладошин,— сказал он почему-то вслух, и тут вдруг у него в голове завертелось: «Ладошин... Ладошин...» А ведь, кажется, есть еще какой-то Ладошин. Кто же он такой? Стоп! Да ведь это не «он», а «она», Ладошина, дочка директора завода! Та самая, что приходила вчера с так называемой «делегацией», та самая, которая обещала ему поговорить

с отцом насчет станка! Да ведь эту же Зою он видел еще вчера утром у директора школы. Ну да! Ее вызвали с урока потому, что старый учитель химии помешался и утверждал, что она, Зойка, приобрела способность повелевать. И ведь какое занятное совпадение: бред старого учителя о своем эликсире и такая быстрая доставка ценнейшего станка после того, как эта Зойка обещала поговорить с отцом!

Тут Яков Дмитриевич вдруг снял очки, достал платок и вытер им лицо. Черт!.. А вдруг это не совпадение! Ведь тогда очень легко объяснить историю с первым станком: Зоя велела отцу подарить станок именно с программным управлением потому, что где-то слышала о нем, но даже понятия не имеет о его ценности, и вот вам результат!

Но Яков Дмитриевич тут же мотнул головой, как это в свое время сделал Родя, сунул платок в карман, надел очки и, придвинув к себе папку с делами, даже слегка улыбнулся.

— Занятное совпадение! Очень занятное совпадение! — пробормотал он, отгоняя от себя столь нелепые мысли.

И в этот момент послышался тихий коротенький стук в дверь.

— Войдите! — сказал Яков Дмитриевич.

И в кабинет вошла Зоя. Прикрыв за собой дверь, она скромно остановилась у косяка. В руке у нее был портфель.

— Здравствуйте, Яков Дмитриевич! — негромко сказала она. — Ну как, папа прислал станок?

— При... прислал, — хриловато ответил директор, и на душе у него вдруг стало тревожно, и мысли о каких-то совпадениях отошли на задний план.

Некоторое время оба молчали. Зоя смотрела на Якова Дмитриевича, а тот — на нее. Он невольно вспомнил про «Слип камли», о котором ему рассказывала директор школы, и ему захотелось заткнуть себе пальцами уши, но он сдержался. Что подумает о нем эта девчонка, если он

станет вести себя на ее глазах таким странным образом! Однако его не покидало чувство, что вот-вот что-то должно произойти.

— Яков Дмитриевич, между прочим, когда завтра начнутся занятия в обществе «Разведчик»?

— А тебе что за дело? — с нарочитой грубостью спросил в свою очередь директор.

— Яков Дмитриевич, отвечайте! — отчеканила Зоя.

— Ну, в шестнадцать тридцать по субботам. Только что это за тон! «Отвечайте»! Тебя что, дома не учат, как со старшими говорить? — Последнюю фразу Яков Дмитриевич проговорил уже совсем гневно, но все же у него осталось такое ощущение, что ответил-то он против своей воли. И снова ему захотелось заткнуть себе уши, и снова он сдержался. На свою беду.

А Зоя, не мигая, смотрела на него.

— Между прочим, Яков Дмитриевич, мне сказали, что это все только отговорочки, будто вы не можете записать в «Разведчик» ребят пионерского возраста.

Директор приподнялся.

— Что-что? — начал было он, но Зоя опять отчеканила:

— А теперь, Яков Дмитриевич, садитесь и слушайте меня! Вот!

Директор сел и теперь уже совершенно отчетливо понял, что сделал это не по своей воле. Он замер от ужаса, а Зоя продолжала:

— Значит, так: вы завтра всякие там занятия у старшеклассников отмените, а вместо них к вам придут пионеры, вот! Которые в «Разведчик» записаться хотят, вот! И вы им покажете всякие там лаборатории, оборудование и всякое там такое, вот! А сегодня пойдите к Надежде Сергеевне и скажите, что приглашаете на завтра всех желающих ребят. Вот! Всего хорошего! — Зоя повернулась и вышла, но через секунду появилась снова. — И еще вы скажите Надежде Сергеевне, что это я вас уговорила, а не кто-нибудь, вот!

Теперь она ушла совсем. Директор сидел неподвижно. Все предметы вокруг он видел как бы в тумане, потому что очки его запотели. Теперь он знал, что **ОБЯЗАТЕЛЬНО** пойдет сегодня к Надежде Сергеевне и скажет все, что приказала Зойка. Он знал, что просто **НЕ МОЖЕТ** не сказать.

Неизвестно, сколько времени Яков Дмитриевич осваивался с этой ужасной мыслью, а когда освоился, стал думать, как же ему быть. Сначала он захотел объявить в школе, что Куприян Семенович вовсе не сумасшедший, что Зойку действительно надо изолировать. Но ведь ему тоже могут не поверить, как и Куприяну Семеновичу! А если поверят? Тогда поймут, что он тоже действует под влиянием Зойки, и не позволят провести мероприятие, которое она заказала. А это для него было просто невысказано, невыносимо! Нет, лучше помолчать!..

Яков Дмитриевич взглянул на часы. Было ровно два. С минуты на минуту должен был прийти руководитель «Разведчика» Альфред Павлович Тигровский. Директор встал и принялся ходить по кабинету. Что же он скажет этому Тигровскому? Что он скажет завтра руководителям всевозможных секций «Разведчика»? Ведь завтра суббота, работают почти все секции, да еще два известных профессора согласились провести беседу со старшеклассниками. Чем же он объяснит отмену занятий, отмену встречи с учеными и чем он объяснит нашествие всякой мелкоты? Спасительная мысль явилась директору в тот самый момент, когда открылась дверь и вошел Тигровский.

Это был маленький худощавый человек с острыми серыми глазами.

— Извините, Яков Дмитриевич, на три минуты опоздал.

— Ничего, дорогой. Присаживайтесь! — Яков Дмитриевич сел на свое место. Тигровский опустился в кресло по другую сторону стола. — Неприятные новости, Альфред Павлович. Придется завтра отменить занятия в «Разведчике».

— Это почему?

— Предлагают провести день открытых дверей для детей пионерского возраста. И... и провести... как бы вам сказать? Провести регистрацию желающих вступить в «Разведчик».

— Кто предлагает?

— Сам... Сам товарищ Карпов, заведующий районо,— с трудом выдал из себя Яков Дмитриевич эту чудовищную ложь.

— Ну хорошо, день открытых дверей для пионеров — это полезно. Но почему срывать намеченные занятия, почему не предупредить заранее руководителей? И почему, наконец, не продумать все это дело как следует?

Яков Дмитриевич постарался как можно тяжелее вздохнуть.

— Я очень долго спорил по этому вопросу с товарищем Карповым, но тот стоит на своем, говорит, что имеет какое-то указание из центра, говорит, что поручил какому-то сотруднику предупредить нас заблаговременно, а тот заболел... Словом, настаивает, чтобы только завтра.

— Безобразия! — медленно процедил Тигровский.

— Сам понимаю, что безобразия, сам все вижу. Альфред Павлович, дорогой, но... надо как-то выкручиваться. Надеюсь, вы меня не подведете.

— Разумеется, не подведу, но это все-таки безобразия.

У Якова Дмитриевича стало легче на душе. Директор чувствовал, что как только завтрашнее мероприятие окончится, он снова станет нормальным человеком, а послезавтра он всем во дворце объяснит, что кто-то его разыграл, позвонив по телефону и подражая голосу заведующего районо. А может быть... может быть, он расскажет все об эликсире Куприяна Семеновича Дрогина.

Глава двадцать вторая

Теперь посмотрим, как обстояли дела у ребят.

Зоя не могла забыть того впечатления, которое она произвела на одноклассников, заставив Трубкина поместить Родину статью. Еще сильнее запомнились ей ошеломленные глаза Маршева, какими он смотрел на нее после истории с Борькой и Семкой. Зоя была слишком юна, поэтому не догадывалась, что у тщеславия аппетит ненасытный. Чем больше она возвышала себя в глазах ребят, чем больше удивлялся ей Родя, тем больше ей хотелось еще и еще раз дать всем понять, какой она особенный, какой исключительный она человек.

Придя в школу, она стала ждать момента, когда сможет сказать: «Ну что, Маршев? Я тебе вчера говорила, что попрошу отца прислать Дворцу пионеров станок, и вот он прислал!» Она понимала, конечно, что станок привезут на грузовике, и она всю первую половину дня пользовалась любой возможностью, чтобы открыть окно в каком-нибудь кабинете, если оно выходило на улицу, и посмотреть вдоль этой улицы вправо: не стоит ли у ворот Дворца пионеров грузовая машина.

Волновала Зою и другая забота. Ей очень хотелось скорее помириться с Купрумом Эсом. На переменах она заглядывала в химический кабинет, приоткрывала дверь в учительскую, но Куприяна Семеновича нигде не было видно.

День был солнечный, теплый, и ребят на большую перемену выпустили побегать во двор. Вот тут-то Зоя, выйдя на улицу, увидела то, чего ждала: у ворот дворца стоял автотокран, а на прицепе возвышался контейнер.

Не сходя с тротуара, Зоя заглянула во двор, искала глазами Родю.

— Маршев! Маршев! Поди-ка сюда!

Родя подбежал к ней. С ним, конечно, и Веня.

— Маршев, помнишь, я тебе обещала сказать отцу,

чтобы он прислал во дворец станок? Вот он, кажется, прислал,— проговорила она, глядя в сторону машин.

— А если это не станок и вовсе не от твоего отца?— сказал Веня.

— Ну сходите и спросите, станок это с завода «Факел» или нет...

Приятели добежали до машин, и Веня задал этот вопрос вылезавшему из кабины шоферу.

— Ну, с «Факела»,— ответил тот.— А ты откуда знаешь? Веня бегом пустился обратно, не замечая, что Родя вместе с ним не бежит. А тот шел шагом, и шел очень медленно, и глаза у него были такие же пустые, словно ничего не видящие, какими они бывали подчас у Купрума Эса.

Итак, станок с «Факела». Значит, прислан Зоиным отцом. Значит, лишь вчера вечером Зоя сказала отцу, чтобы он прислал станок, а сегодня, в первой половине дня, он уже тут! Что же это? Опять совпадение? И снова сердце у Роди забилось, а в голове застучало: «Очевидное — невероятное, очевидное — невероятное, очевидное — невероятное...»

— Ага, с «Факела»,— на бегу сказал Веня Зое и пустился во двор, чтобы сообщить о прибытии станка другим членам вчерашней делегации.

Зоя даже не шевельнулась, услышав Венины слова. Неподвижная, как статуя, со скрещенными руками и непроницаемым лицом, она ждала приближения Маршева и сама себе казалась удивительно загадочной и красивой.

— Ну что?— спросила она, когда Родя подошел.

— Станок... с «Факела»,— тихо ответил Родя, глядя на красавицу напряженно, даже с каким-то страхом.— А как... как ты уговорила отца?

— Я же тебе сказала, что он считается с моим мнением,— очень лениво, растягивая слова, ответила Зоя.— Он по многим вопросам советуется со мной.

Она сняла руки с груди, заложила их за спину и, не

прибавив больше ни слова, пошла от Маршева прочь. А тот еще секунд тридцать смотрел ей вслед.

После этого Веня отметил, что Родька слоняется по двору «словно пыльным мешком трахнутый», не бегаёт, не дурачится, как все нормальные люди. Но Веня знал, что его друг умеет внезапно впадать в задумчивость, и не стал ни о чем расспрашивать.

Зазвонил звонок, ребята начали уходить в школу. Когда двор наполовину опустел, Родя вдруг увидел Борьку Трубкина, лениво шагавшего к подъезду, и тут неплохая мысль осенила его. Он подбежал к своему вчерашнему мучителю:

— Трубкин, подожди минуточку! Можно тебя кое о чем спросить?

Трубкин остановился.

— Ну спрашивай.

— Помнишь, вчера, когда вы меня трепали за уши, к нам подошла Зоя Ладошина и крикнула вам, чтобы вы меня отпустили. Вот скажи: почему ты меня сразу отпустил?

Некоторое время Трубкин молча смотрел на Родю. Наконец он сказал:

— А что ты думал, мы с тобой до вечера будем чика-ться? Подурили, и хватит!

Такой ответ Родю, конечно, не удовлетворил.

— Боря! — сказал он как можно мягче. — Еще минутку подожди! А вот когда Ладошина сказала вам, чтобы вы шли домой, и вы пошли... Вот скажи, что ты, например, в этот момент чувствовал? И только честно скажи! И о чем думал?

Борька снова молчал, и Родя на этот раз заметил, что лицо у Трубкина изменилось, а глаза беспокойно метнулись из стороны в сторону. Но он быстро овладел собой.

— О чем думал? — процедил он сквозь зубы. — О том, что тебе надо по носу дать!

Тут он вlepил такой щелчок в кончик Родиного носа, что у того сразу слезы потекли. Забыв о научной цели

своего разговора, Маршев ударил Трубкина по скуле, в следующую секунду сел на землю с разбитой губой, еще через секунду снова бросился на Борьку, но тут их растащили. Подтверждения своей гипотезе Родя так и не получил, но он запомнил, как метнулись у Борьки глаза.

Теперь Родя не мог не думать о Зое. И во время урока, и на следующей перемене он то и дело поглядывал на нее, а она замечала это и млела от удовольствия. Зоя не подозревала, что Маршев даже о красоте ее позабыл, что пристальные взгляды его — это взгляды исследователя, изучающего загадочный объект, ей казалось, что они выражают восхищение, а быть может, и затаенную любовь. И Зое с новой силой захотелось возвеличить себя в глазах Маршева, и не только Маршева, но и всего пятого «Б».

А тут как раз случилось такое. В пятом «Б» кончились уроки, и Зоя шла по коридору, направляясь к лестнице, как вдруг вверх по ступенькам взлетел Гена Данилов и закричал:

— Восьмой «А», по домам! Химии не будет, Купрум Эс заболел.

— А что с ним?— спросил кто-то.

— Сердечный приступ. В больницу свезли.

Зоя оторопела. Сердечный приступ! В больницу увезли! Так ведь это, должно быть, надолго! А как же эликсир? Как же все эти великолепные добрые дела? Зоя вспомнила слова учителя о том, что эликсир потихоньку выветривается, даже если ничего никому не приказывать. А что значит это «потихоньку»? Полгода? Месяц? А может быть, и всего какую-нибудь неделю? И может быть, она совсем скоро превратится в обыкновенную Зойку Ладошину, которая пользуется уважением только у своих «активистов» да влюбленных мальчишек.

Зое стало ясно: она должна немедленно, сегодня же совершить что-нибудь такое, чтобы имя ее прогремело на всю школу. Словом, она должна сегодня же, вот сейчас

пойти к директору Дворца пионеров и приказать ему записать всех желающих в «Разведчик».

О разговоре ее с директором вы уже знаете.

Когда Зоя вернулась домой, ее встретила расстроенная мама. Она сказала, что ей позвонили с папиной работы, сообщили, что папа серьезно заболел и его прямо с завода увезли в больницу.

— А что с ним?

— Как видно, переутомление.

— Он что, сознание потерял?

— Почти что...

Зоя, конечно, огорчилась, но потом вспомнила о своем эликсире, и в ней закипела энергия.

— Мама! А какая в городе самая-самая лучшая больница? И какой есть в городе самый лучший врач, который бы папу сразу вылечить мог?

Но мама ответила, что больница, куда поместили папу, и есть лучшая в городе, а о врачах она ничего не знает.

Наступил вечер, вечер пятницы. Взрослые Рудаковы и Маршевы уехали праздновать день рождения дяди Миши, а младший Рудаков пришел к младшему Маршеву. Стали играть в шахматы. Родя играл плохо: в голове его вертелось все то же «очевидное — невероятное». Проиграв несколько партий, он сказал:

— Венька, а ведь сегодня пятница, сегодня мы засаду собирались устроить.

— Ага,— равнодушно согласился Веня.

— Нет, ты по-честному скажи: ведь тебе ни капельки не хочется идти на такое дело?

— Ни капельки. Давай еще партию?

И тут Родя не выдержал:

— Венька! Хочешь, я расскажу, о чем эти два дня думаю? Только, пока я не кончу, ты не перебивай! Не будешь?

— Не буду. Валяй!

И Родя рассказал Вене о своих удивительных предположениях. Тот не перебивал его, но когда он кончил, Венья смотрел на него с досадой, даже с какой-то жалостью.

— Родька! Ну, ты что, совсем как маленький! Или, наоборот, как деревенская старуха дореволюционная! Ведь ты же в чудеса начинаешь верить! Ну, хочешь, я сейчас разберу все эти твои «фактики», и ты увидишь, что они самые обыкновенные?

— Ну давай разбирай! Ну пожалуйста, разбирай! — вскричал Родя.

— Ну, вот с Трубкиным. Он сначала смеялся над статьей, а ты молчал как рыба... А потом он раскинул мозгами и решил, что статья дельная. А тут Зойка к нему со своими уговорами!

— А со станком?

— Тю-у! Со станком! Зойкин отец давно обещал подарить дворцу станок, а тут Зойка напомнила ему, и он подумал: «Э!.. Дай-ка завтра отделаюсь, чтобы не висело это на моей шее».

Родя почувствовал себя немножко обескураженным. Против этих Венькиных доводов трудно было что-нибудь возразить.

— Ну, а с Борькой и Семкой?

— А с этими еще проще: на фигу им нужно при свидетелях хулиганством заниматься! Чтобы потом в школе попало? Вот они плюнули и разошлись.

— Так ведь именно по домам разошлись, как им Зойка приказала!

— А откуда ты знаешь, что именно по домам?

— Да ведь один кричал: «Идем ко мне!», а другой — «Идем ко мне!».

— Ну, а чем ты докажешь, что Трубкин после этого пошел домой, а не еще куда-нибудь, не к какому-нибудь другому знакомому?

Родя опять промолчал, но у него осталась еще одна зацепочка.

— Ну ладно! Но вот теперь скажи, почему нам расхотелось устраивать засаду?

— Да потому, что мы узнали от Зойки, что там работает Купрум Эс.

— А чем ты докажешь, что он не яд готовит или не взрывчатку какую-нибудь?

— А тем, что он не похож на диверсанта или вообще на преступника.

Родя ехидно улыбнулся:

— Вот ты и попался, голубчик миленький! По-твоему, выходит так: у каждого диверсанта должно быть на лице написано, что он диверсант, а не честный человек. В таком случае, почему же их всех давно не переловили?

На этот раз призадумался Веня.

— Ну ладно, ну тут я, может быть, чего-то не усек. Но в остальном-то я прав! Значит, что получается? Три — один в мою пользу! А самое главное, Родька, я тебе вот что скажу: ты в какой-нибудь книжке, в каком-нибудь журнале, в какой-нибудь газете читал, чтобы двенадцатилетняя девчонка могла гипнотизировать?

Тут Родя вскочил и уставил указательный палец на Веню:

— Слушай, а как, по-твоему, Попов в какой-нибудь книжке про радиоволны читал, перед тем как эти волны открыть? А? Скажи! Вот скажи!

Здесь Родин оппонент впервые растерянно захлопал глазами, но тем не менее Родя как-то скис. Он понимал, что ведь только историю с засадой его друг не смог объяснить более или менее вразумительно. А в остальном все случаи — с Трубкиным, с Борькой и Семкой и со станком — можно было толковать и так и этак, даже скорее «этак» — в Венину пользу.

...В тот же день, только намного раньше, вели разговор

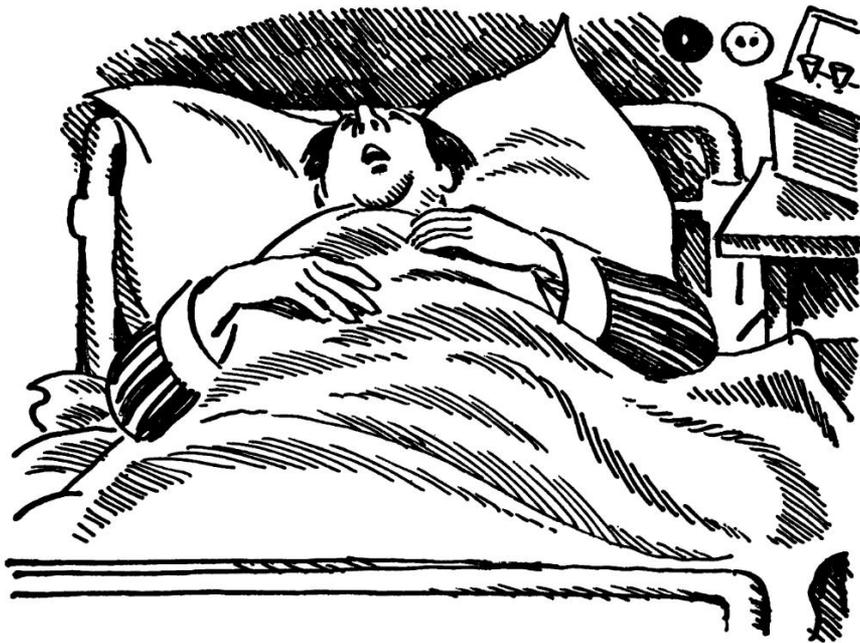
еще два знакомых нам человека. Это были Куприян Семенович Дрогин и Митрофан Петрович Ладошин.

Куприян Семенович уже сутки лежал в клинике имени Снегирева. Вчера врачи «скорой помощи» еще в отделении милиции сделали ему какой-то укол, второй укол ему сделали в клинике, и боль в груди совсем прошла, осталась только сильная слабость.

Куприян Семенович был человеком порывистым, увлекающимся, но отнюдь не глупым. После того как боль перестала его мучить, он стал думать о событиях вчерашнего дня, и ему стало ясно, что доказать он никому ничего не сможет: ведь аппарат для изготовления эликсира уничтожен, сержант Сивков отрицает, что он подчинился приказанию Зойки, а сама Зоя будет помалкивать о таящейся в ней чудесной силе. Словом, Куприян Семенович понял, что всякий затеянный им на эту тему разговор люди примут лишь за бред сумасшедшего. И он не сказал уже больше ни слова о Зойке и об эликсире врачам и даже жене своей Марии Павловне решил ничего о них не говорить, когда той позволят его навещать.

Куприян Семенович был помещен в двухместную палату, но находился в ней один: койка у противоположной стены пустовала. Учитель сложил руки на груди, да так и пролежал до вечера, уставившись в потолок, стараясь представить себе, какие это «добрые дела» творит сейчас Зойка и к чему это все может привести.

На следующий день ему встать не разрешили, и он завтракал лежа в постели. После завтрака учитель задремал, потому что ночью спал плохо, несмотря на принятые таблетки. Сквозь дрему он слышал, как в палату вроде бы внесли еще кого-то, и уложили на соседнюю кровать, и что-то делали с ним, вполголоса переговариваясь. Но Куприян Семенович глаз не открыл, продолжал дремать. Лишь часа через два с половиной он покосился на своего соседа и вдруг увидел, что перед ним зять его старой приятельницы, да

еще и отец самой Зойки Ладозиной. Тот лежал, как и учитель, сложив руки на груди, и смотрел в потолок, времяами помаргивая. Куприян Семенович повернул к нему голову.

— Если не ошибаюсь, Митрофан Петрович? — сказал он тихо.

Ладосин в свою очередь повернул голову.

— Куприян Семенович?

— Вот именно. Тоже сердце?

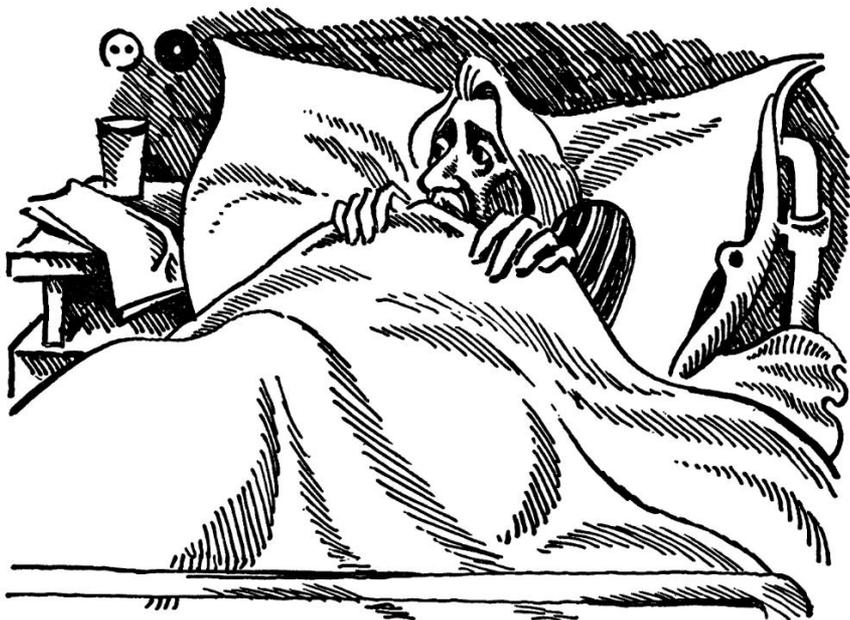
— Оно.

— Сильная боль?

— Да сейчас прошло. Но подозревают инфаркт.

— Модная болезнь. Да.

Оба отвернулись друг от друга, и вдруг Митрофан Петрович сказал громко, энергично, хотя ему запретили не только говорить, но даже шевелиться:

- Вы счастливый человек, Куприян Семенович!
— А именно?
— У вас только сердце, а у меня еще что-то с мозгом.
— То есть?

И, не оборачиваясь, по-прежнему глядя в потолок, Митрофан Петрович опять заговорил:

— Сижу я вчера вечером, болтаю с дочкой. Вдруг она говорит: «Папа, подари завтра Дворцу пионеров станок с программным управлением». А это... а это тысячи и тысячи... Ну, подумал, дочка сама не знает, о чем говорит, пошутил по этому поводу...

Тут Митрофан Петрович надолго замолчал, а Куприян Семенович повернулся на правый бок, поджал под себя колени, подложил под голову ладонь.

— Так-так! Я вас слушаю.

— А ночью, понимаете, начинает меня забирать: вот, мол, должен я завтра отправить этот проклятый станок Дворцу пионеров, и все тут! Так до утра и не уснул. Сам не понимаю, что со мной сделалось...

Митрофан Петрович опять помолчал. Ему, как видно, трудно было говорить. А учитель весь съежился.

— Да-да! Слушаю вас.

— Приезжаю на работу — не отпускает... эта идея. Вызываю начальника отдела сбыта, понимаю, что даю явно нелепое, явно преступное распоряжение, но ничего с собой сделать не могу.

И снова наступила пауза, и снова Куприян Семенович сказал на этот раз чуть слышно:

— Да-да!

— Уж не помню, как я добился, чтобы они при мне отправили этот проклятый станок. А как только отправили, сразу чувствую: ну, отпустило.

— Гм! Да! — сказал Купрум Эс.

— Думаю: что же это я натворил?! Вызываю к себе заместителя... и только успел сказать: «Выручайте станок!» Тут меня прихватило: сердце.

После этого оба собеседника долго молчали, а затем Ладощин опять заговорил, на этот раз уже тихо.

— Понимаете, Куприян Семенович... сердце — что! Сердце подлечат, и я опять на работе. Но ведь станок-то! Это значит, что мозг поражен. Сегодня я нормальный, а завтра снова что-нибудь выкину.

Куприяну Семеновичу стало знобко, и он натянул себе на ухо одеяло.

— Н-да. Гм!.. Митрофан Петрович, относительно этого вы можете не беспокоиться. Мне... мне подобные заболевания хорошо знакомы, и... смею вас уверить, что ничего подобного с вами не повторится. Вот так! Да!

Куприян Семенович не лгал. Он просто знал, что, когда Ладощина выпустят из клиники, эликсир у Зойки испарится.

— Дай бог!— сказал Митрофан Петрович.

Куприян Семенович снова лег на спину, вытянул ноги, и оба собеседника надолго умолкли.

Оба сложили руки на груди, оба смотрели в потолок, и каждый думал о своем.

Глава двадцать третья

И вот наступила суббота — день великого Зоиного торжества (по крайней мере так она предполагала). Она очень рано проснулась, рано позавтракала и рано вышла из дома, так рано, что никто не ждал ее на обычном перекрестке. Но по дороге в школу Зою неожиданно встревожила такая мысль: вдруг эликсир из нее выветрился! Вдруг он выветрился уже вчера, и она совершенно зря отдавала приказания директору дворца, а тот слушал и думал, что дочка Митрофана Петровича просто свихнулась. И Зоя стала соображать, кому бы отдать какое-нибудь безобидное приказание, чтобы проверить, не исчезла ли ее способность повелевать.

Двери школы были еще заперты, а во дворе околачивалось всего три или четыре десятка ребят. Из пятого «Б» тут был один только Павлов. Он подошел к Зсе.

— Привет, Ладошина! А чего же это ты сегодня без «активистов» своих? Все разбежались?

И тут Зоя подумала, что перед ней стоит самый злейший ее враг. Ведь это Павлов поносил ее всячески после скандала с Нюсской, он предлагал не переизбирать Зою председателем; ведь это он донимал ее оскорбительными шуточками, когда читал Родину статью, и это он, Павлов, вслуж усомнился в том, что не Зоя уговорила Трубкина поместить статью, а тот сам себя убедил! Вот за все это она и проверит сейчас на силаче, остался ли в ней еще эликсир. И как тогда, во время эксперимента с Купрумом

Эсом, она не стала долго раздумывать. Она сказала негромко, но властно:

— А ну-ка, Павлов, становись на четвереньки!

— Ты что, чокнулась?— спросил Павлов и опустил на карачки.

— Вот теперь поползай вокруг меня. Пять кругов сделай. И тогда можешь встать.

— Дура ненормальная!— сказал Павлов и пополз вокруг Зои.

Такое поведение силача обратило на себя внимание ребят, и те подошли узнать, что это за новая игра.

— Павлов! Ты чего?— спросил кто-то.

— Сейчас,— прохрипел силач, красный как рак. Делая третий круг, он краем глаза заметил, что недалеко от ворот остановились Рудаков и Маршев и смотрят на него: Рудаков — с любопытством, но спокойно, а Маршев — разинув рот и вытаращив глаза.

К концу пятого круга Леша почувствовал, что может подняться. Он так и сделал.

— Повалили дурака, и хватит!— сказал он, отряхивая ладони, и поспешил отойти.

— Видел? Видел?— тихо спросил Родя своего друга. Тот пожал плечами.

— Ну, а чего тут особенного? Чего особенного?

— А ну-ка пойдем спросим его!— Родя схватил Веню за рукав и подтащил его к силачу. Тот до сих пор был красен и вообще выглядел ошалело. Маршев обратился к нему: — Павлов, скажи откровенно: это Зойка заставила тебя ползать, да?

Павлов покраснел еще гуще и накинулся на Родю:

— Да ты... ну, ты что, сдурел, да? По-твоему, и пошутить нельзя, да?! Юмора не понимаешь, да? Вот идиотик-то!— Силач повернулся и быстро зашагал прочь.

А Зоя была довольна тем, что расплатилась с ненавистным Павловым, но главное, она теперь была уверена, что ее

вчерашнее приказание подействовало, что директор дворца вчера, конечно, ходил в школу и что сегодня всех желающих записаться в «Разведчик» запишут туда. Зоя хотела подождать, когда об этом объявит ребятам сама Надежда Сергеевна или еще кто-нибудь из педагогов, но потом не утерпела...

Учительница русского языка впустила ребят в кабинет, сказала, что должна ненадолго уйти, и попросила сидеть тихо. Когда она удалилась, Зоя встала за своим столиком и обратилась к Родя:

— Маршев! Ну давай расскажи от нечего делать про нашу делегацию. Как мы третьего дня ходили. А то мы всё молчим да молчим, а людям ведь, наверно, интересно.

— Про какую делегацию? Куда ходили?— слышались голоса.

Родя тоже встал. Он немножко растерялся. Члены делегации не сговаривались между собой, но вчера каждый из них предпочел молчать о неудавшемся походе, и вот сегодня этой Ладошиной почему-то вздумалось заговорить о нем.

— А чего рассказывать?— неохотно ответил Родя.— Ну, директор дворца нам ответил, что ничего не получится, и всё...

До сих пор Павлов пребывал в мрачном раздумье: он никак не мог понять, зачем он послушался Зойку и пополз вокруг нее как дурак. Теперь, услышав про делегацию, он поднял голову.

— Ну, ты выйди к доске и расскажи толком, что вы сами говорили, что директор вам отвечал...

Силача поддержали:

— Правда, Маршев, расскажи!

— Давай рассказывай, Родька!

Родя подошел к учительскому столу и постарался как можно точнее передать разговор с Яковом Дмитриевичем. Когда он сел, Зоя сорвалась со своего места и стала рядом с учительским столом.

— А теперь дайте я скажу!— проговорила она, поблескивая глазами.— Маршев все очень правильно изложил, только надо было не уходить, поджавши хвост, а спорить с директором. Вот!

— Ну, взяла бы и поспорила!— буркнул Павлов.

Кто-то фыркнул, а Зоя только этого и ждала. Она скрестила на груди руки, устремила взгляд на Павлова и произнесла громко, тщательно выговаривая каждое слово:

— А я, Павлов, между прочим, так и сделала.— Зоя умолкла, ожидая, что ее засыплют вопросами, но никто ни о чем не спрашивал — класс оцепенел. И тогда она продолжала: — Да-да, Павлов, не паяль на меня глаза! Эта дура Лadoшина вчера пошла к Якову Дмитриевичу и доказала ему, что можно и средства найти, и руководителей, и помещения, если, конечно, не сидеть сложа руки и понять, что пионерский возраст — это тоже люди. Вот так-то, Павлов миленький!

— А он что?— спросил Валерка.

Но тут вошла учительница.

— А он что? Скоро узнаете,— сказала Зоя и вернулась на свое место.

В классе царил такая тишина, что учительница сказала:

— Ну и молодец у меня пятый «Б»! Вот это я понимаю — дисциплина!

Но уже через минуту она была другого мнения об этой дисциплине. По всему классу слышался тихий, но непрерывный гул: за каждым столом — где шепотом, а где вполголоса — обсуждали выступление Лadoшиной.

А вскоре после того, как зазвенел звонок, дверь открылась и в класс вошла улыбающаяся Надежда Сергеевна.

— Нина Евгеньевна, вы закончили?— спросила она.

— Да,— ответила учительница.

— В таком случае я задержу ребят минуты на две для объявления.— Она подошла к столу, и необыкновенный голос ее зазвучал как-то особенно чисто и звонко. Она объ-

явила, что сегодня в научно-конструкторском обществе «Разведчик» будет проведен День открытых дверей для ребят пионерского возраста и что всех желающих записаться в общество туда запишут.

Класс молчал, а Соня Барбарисова подняла руку.

— Надежда Сергеевна!.. Значит... всех-всех записывают?

— Да. По крайней мере так нам вчера сказал директор Дворца пионеров, Яков Дмитриевич.

Теперь поднял руку Павлов.

— А если кто не занимался всякими там исследованиями?

— Не знаю, дружок. Мне, повторяю, сказали, что будут записывать всех. Да! И должна прибавить, что этим мы обязаны не только статье Роди Маршева, но и отваге, если можно так выразиться, Зои Ладошиной.— Теперь Надежда Сергеевна смотрела на Зою, смотрела не улыбаясь, как-то слишком уж пристально, и голос ее звучал поглуше.— Это она, она одна отправилась вчера к Якову Дмитриевичу и убедила его пойти навстречу пионерам.

Весь класс, конечно, тоже уставился на Зою. Кое-кто даже приподнялся. Зоя сидела выпрямившись, опустив ресницы.

Затем Надежда Сергеевна отпустила класс на перемену, попросив остаться членов «инициативной группы». Им она сказала, чтобы они разыскали Гену Данилова, который еще ничего не знал, и уговорились с ним, как оповестить всю школу о предстоящем мероприятии. После этого она ушла. Снова она чувствовала легкое беспокойство. Такие приливы беспокойства то приходили к ней, то покидали ее уже несколько раз со вчерашнего дня.

Вчера, по окончании уроков в школе, она сидела в кабинете у Клавдии Мироновны, когда секретарша сказала о приходе Якова Дмитриевича. Он вошел бодрый, улыбающийся и сразу заговорил каким-то очень уж приподнятым, таким развеселым тоном:

— Здравствуйте, уважаемая Клавдия Мироновна! Приветствую вас, дорогая Надежда Сергеевна! Разрешите?— Он сел в кресло и закинул ногу на ногу.— Так я, значит, вот по какому делу. Мы вчера посоветовались с руководителем «Разведчика» и пришли, стало быть, к такому решению...

К какому решению они пришли, вы уже знаете. Минут пять Яков Дмитриевич с подчеркнутым увлечением говорил о том, что тягу к поискам и творчеству надо развивать в детях с самого младшего возраста, что одной лишь косностью взрослых можно объяснить такое положение, когда в научно-конструкторское общество привлекаются только старшеклассники. Надежда Сергеевна смотрела на директора дворца; ей казалось, что веселость его не очень естественна и что глаза его, за четырехугольными стеклами очков, временами как-то странно бегают. Вдруг Яков Дмитриевич, без всякого перехода, проговорил:

— Да! Между прочим! А ведь эта... как ее? Зоя Ладшина... Насчет которой Куприян Семенович окошечку нес... Она ведь оказалась очень занятой девчушкой, очень занятой девчушкой! Понимаете, приходит вчера ко мне и начинает меня уговаривать, что надо допустить пионерский возраст... И... и так убедительно, знаете ли, так логично... У меня в голове, конечно, уже созрела эта идея насчет сегодняшнего, но все-таки ее визит послужил, так сказать, толчком. Вы это ей так и передайте!

Вот тут у Надежды Сергеевны впервые слегка сжалось сердце и у нее мелькнула очень смутная догадка: а не прав ли был Купрум Эс? Но замдиректора тут же отмахнулась от этой «глупости».

— Ну что ж, очень приятно!— сказала Клавдия Мироновна.— Только я не понимаю, зачем такой спех? Лучше бы недельку подождать, как-то подготовить детей, отобрать наиболее достойных...

Тут Яков Дмитриевич вскочил:

— Нет-нет! Ни в коем случае! Только сегодня! Как же так? Все уже решено, все подготовлено... Нет уж, только сегодня! Ковать железо, пока горячо!— Он поклонился обоим женщинам.— Ну, вы извините, я спешу. Значит, сегодня в шестнадцать тридцать.— Попрошавшись, директор дворца вышел.

— Энергичный человек,— заметила Клавдия Мионовна.— Быстрый!

В этот момент Яков Дмитриевич вернулся.

— Клавдия Мионовна, совсем забыл... Наши химики интересуются, что это за средство для ушей... которое вам дал Куприян Семенович?

— «Слип камли»?

— Вот-вот! «Слип камли». Вы не могли бы дать нам пару кусочков? Наши химики хотели бы произвести анализ, разгадать, так сказать, секрет...

— Да возьмите хоть все!— сказала Клавдия Мионовна. Она достала из ящика коробочку и отдала ее директору дворца.

— Благодарю вас! Всего хорошего! Спешу!

И снова Надежда Сергеевна подумала о Куприяне Семеновиче и снова отогнала от себя эту мысль.

Когда взволнованные члены «инициативной группы» отыскали Гену и сообщили ему удивительную новость, он вцепился пятерней в подбородок и некоторое время молчал.

— Не понимаю, почему так с бухты-барахты? Зачем такую горячку пороть? Ведь можно было бы выставку работ организовать... Все! Побегу во дворец, скажу, чтобы отложили.

Гена отсутствовал всю большую перемену, даже остался без завтрака, и вернулся довольно мрачный:

— Ни черта! Как я его ни уламывал (он имел в виду директора дворца) — уперся на своем: сегодня и ни на день позже! «У нас, говорит, есть какие-то особые соображения».

Ладно! Попробуем и сегодня выставку организовать. Оповестите всех на следующей перемене: у кого есть готовые работы, пусть обязательно приносят.

Зоя слышала этот разговор и усмехнулась про себя. Она-то знала, что это за особые соображения, которые мешают директору дворца отложить мероприятие хотя бы на день. Ведь это она приказала Якову Дмитриевичу устроить все именно *сегодня*.

Между тем вся школа узнала, что сегодня будет во дворце, и уже во время большой перемены только и слышалось: «Ты пойдешь записываться в «Разведчик»? Ты пойдешь записываться в «Разведчик»?» Об этом спрашивали друг друга не только ребята пионерского возраста, но и третьеклассники, и даже второклашки, которые почему-то решили, что в научно-конструкторское общество будут записывать кого угодно. К концу учебного дня стало ясно, что записываться в «Разведчик» собираются почти все. Записаться в «Разведчик» стало делом вроде бы модным, стало признаком того, что ты человек очень современный и высококультурный. На предпоследней перемене мимо Зои прошли под руку две шестиклассницы. Они прогуливались неторопливо, чуть покачиваясь, надменно косясь на проходивших мальчишек.

— Ты пойдешь записываться в «Разведчик»?— спросила одна.

— Пойду, конечно, только я не знаю, что надеть: у меня есть брючный костюм — желтые брюки и лиловый жакет, — и еще мама привезла платье из Польши. Только платье уж слишком какое-то такое... Брючный, пожалуй, скромнее будет.

Зоя наблюдала все это, и ее распирало от гордости. Ведь причиной всему была она!

Но не только внутреннее сознание своей значимости радовало Зою. Ей особенно приятны были знаки признания и уважения, которые так и сыпались на нее со стороны

одноклассников. В полном восторге были, конечно, и ее поклонники.

— Зо-о-о-я! Как ты только на это реши-и-и-ласть!— тянула Соня Барбарисова.— Ну как у тебя только сме-е-е-лости хватило!

— Гениально сделано! Просто гениально сделано! Гениально сделано!— гудел редактор Шурик Лопухов.

Их комплименты Зою не так уж радовали, но на каждой перемене ее хвалили и другие ребята.

— Да, Ладошина,— сказала Круглая Отличница,— ты просто молодец! Ты просто молодец, Ладошина!

И наконец, проходя мимо, перед ней остановился Павлов:

— Ну, Ладошина, признаю: у тебя башка на плечах! Дай руку!

Зоя подала ему руку с равнодушным лицом, Павлов пожал ее и отошел. Теперь ему не казалось смешным и унижительным, что он ползал на карачках вокруг Ладошиной.

Провожали Зою домой уже не только Соня, Жора, Нюся, редактор и сестры Мухины. Кроме них, было еще человек двенадцать из пятого «Б» и даже из других классов. Были тут и Рудаков с Маршевым. Все хотели узнать подробности ее разговора с директором дворца, все спрашивали, какие доводы она привела, чтобы заставить директора так круто изменить свое отношение к делу. Тут Зое пришлось туго.

— Ну как какие?— тянула она.— Я сказала ему, что это просто несправедливо, чтобы в «Разведчике» были одни старшекласники, сказала, что и в пионерском возрасте тоже много всяких исследователей, сказала, что... Ну, мало ли о чем я говорила... Всего не упомнишь.

Словом, Родя заметил, что Зойка попросту излагает содержание его статьи да еще то, что говорил директору Гена. Никаких новых доводов, как видно, она не привела, а директор вдруг взял да послушался ее.

Родя шел в толпе ребят, а глаза его стали неподвижными и рот приоткрылся, потому что в голове опять закачались слова: «Очевидное — невероятное, очевидное — невероятное...»

Глава двадцать четвертая

Зоя пришла во дворец с некоторым опозданием. Дело в том, что мама ее уехала в больницу проведать папу, а Зое хотелось узнать подробнее, что с ним и каково его состояние. Но мама задержалась, и она ее не дождалась.

Ладошина вошла в вестибюль, и сердце ее сразу наполнилось гордостью. Если бы только видел Купрум Эс, какую массу людей она привела в движение и осчастливила! Если бы он только узнал, как она за две минуты уладила огромной важности дело, которое оказалось не по плечу всяким там Родькам Маршевым, Генкам Даниловым и Круглым Отличникам!

Входная дверь почти непрерывно открывалась и закрывалась, в нее то и дело входили школьники. Входили ученики шестых, пятых и четвертых классов, пыталась прошмыгнуть и мелкота из третьих и вторых. Против нее у двери был поставлен кордон в лице технички Сильвии Михайловны, но кордон этот действовал неточно: случалось так, что какой-нибудь дылда третьеклассник проходил беспрепятственно, а пятикласснику, если он был шуплый и маленький, давался поворот от ворот. Отметила Зоя и то, что во дворец входили ребята, которых она никогда не видела в школе. Ей стало ясно, что и в других школах уже проведали о том, что сегодня будет во дворце.

На стекле наружной двери было приклеено объявление:

**Сегодня все занятия в обществе «Разведчик»
отменяются**

Однако старшекласники тоже входили. Одни — потому что занимались в кружках, не имеющих отношения к научному обществу, другие — чтобы узнать, почему отменили

занятия. Последним давал разъяснения какой-то очень нервный Альфред Павлович, тоже стоявший возле двери. Некоторых старшеклассников он просил остаться.

— Инсаров! — услышала Зоя голос Тигровского. — Ты ведь староста секции бионики. Будь другом, задержись на часок. Тут черт знает что творится!

Эта фраза удивила и слегка встревожила Зою. Она сдала плащ в гардероб и пошла на второй этаж.

Там было полно народу. Одни слонялись, как видно, безо всякого дела, другие то входили, то выходили в распахнутые двери лабораторий. У некоторых мальчишек и девчонок в руках были какие-то приборы, папки, свернутые

в трубку чертежи... Среди толпы прохаживались педагоги дворца с настороженными и сердитыми лицами, да и у многих ребят лица были растерянные, а то и злые.

— Ну, пошли домой, тут ничего толкового не добьешься! — услышала Зоя чей-то голос и с возмущением обернулась. Эта фраза сильно задела ее. Почему это «здесь ничего толкового не добьешься»? Она, Ладошина, для них старалась, она для них все это устраивала, и вот теперь какие-то типы еще изволят выражать недовольство!

Скоро она увидела стол, поставленный боком к стене коридора. Над ним была приклеена надпись:

Здесь производится запись в общество
«Разведчик».

За столом сидели два старшекласника: один — ярко-рыжий, другой — шатен. Вдоль стены к ним тянулись две очереди. В конце их стояли сестры Мухины, а самыми первыми были Столбов с банкой в руке и девчонка в желтых брюках и лиловом жакете.

— В какую секцию? — спросил рыжий парень Столбова.

— Мне... чтобы с вредителями бороться. С огородными.

— Что это у тебя в банке?

— Гусеницы. Толченые.

— В секцию энтомологии запишем, — сказал парень и склонился над тетрадкой.

— А когда заниматься приходиться? — спросил Столбов.

— А это покрыто мраком неизвестности. Следующий!

В это время другой старшекласник сердито допрашивал девчонку в брюках:

— Ну ты говори толком, в какую секцию хочешь записаться?

Та пожимала плечами.

— Ну конечно, в ту, которая поинтересней.

— Ну, а что тебя больше интересует: электроника? Ботаника? История?

— Ну... ну, меня вообще наука интересует.

Старшеклассник приподнялся:

— Ты что, совсем дурочка, да?

Тут рыжий парень обернулся к нему:

— Ну чего ты волинишься с ней! Ведь сказал тебе Яков Дмитриевич — записывай всех подряд, вот и записывай! Это же мероприятие для галочки проводится.

У Зои запершило в горле, даже глазам стало горячо. Ей вспомнился скандал, который устроил Павлов из-за Ньюски, вспомнилось, как ее упрекали тогда, что она «проводит мероприятия для галочки», и вот теперь она снова услышала это противное выражение.

Закусив от досады нижнюю губу, Зоя двинулась дальше. Навстречу ей шел Яков Дмитриевич с очень красным лицом, рядом с ним — Надежда Сергеевна.

— Безобразная затея, родненький мой!.. — говорила замдиректора. — Бюрократическое мероприятие! И как только в гороно додумались до такого!

— Совершенно с вами согласен, — пыхтел Яков Дмитриевич. — Целиком и полностью сог... — Увидев Зою, он не договорил. Он вдруг поднес обе руки к ушам и что-то быстро затолкал в них двумя большими пальцами.

— Здравствуйте, Яков Дмитриевич! — сказала Зоя и прошла мимо.

Она, конечно, не поняла, что сделал Яков Дмитриевич, зато Надежда Сергеевна догадалась. Прижав руки к сердцу, она в страшном изумлении уставилась снизу вверх на директора:

— Яков Дмитриевич!.. Родненький! Что это? «Слип камли»?

Яков Дмитриевич ничего не слышал, он смотрел вслед Лadoшиной. Лишь когда она отошла далеко, он вынул из ушей розовые комочки.

— Яков Дмитриевич... — слабым голосом повторила Надежда Сергеевна, — это... это ведь «Слип камли»!

Директор помолчал, подумал.

— Да, Надежда Сергеевна, «Слип камли». И... когда кончится эта заваруха, я вам все объясню.

И вот Зоя увидела Гену Данилова, а с ним всех членов «инициативной группы» да еще Лешку Павлова. Они стояли тесной кучкой у стены. Веня держал подзорную трубу, у Валерки в одной руке был портативный кассетный магнитофон, а на указательном пальце другой руки торчала какая-то нашлепка, от которой к магнитофону тянулся провод. Круглая Отличница держала свернутую в трубку тетрадь — это была ее работа о пустельге. На глазах у Зои к Гене подошел небольшого роста парнишка, держа перед грудью

здоровенный ящик с наклонной передней стенкой. На этой стенке были укреплены цветные изображения различных дорожных знаков, под каждым знаком была карточка с какими-то надписями, а рядом с каждой карточкой торчало несколько кнопок.

— Данилов,— сказал мальчишка,— куда мне ее поставить? Где будет выставка?

— Что это у тебя? — спросил в свою очередь Гена.

— Машина. Экзаменующая. Проверяет знание дорожных знаков. А если ей другую программу задать, может по другим предметам экзаменовать. Где будет выставка? Куда ее поставить? Я с ней хожу, хожу, и никто ничего не говорит.

— Выставка отменяется,— мрачно сказал Гена.— Умники руководители не предусмотрели, как ее организовать.

— Ну так что же, мне с ней так и таскаться?

— Видишь, другие тоже таскаются.— И Гена указал на Лялю, Веню и Валерку.

Конструктор ушел обиженный. Тут Павлов увидел Зою и усмехнулся.

— Ну, Ладошина, твой директор дает!

— Какой это «мой директор»? — спросила она, а сама как-то поджалась.

— Ну директор Дворца пионеров.

— Не понимаю. Ты говори ясней: в чем дело?

Павлов постучал себя кулаком по лбу.

— Ведь это нужно быть идиотом круглым, чтобы устроить такую фигню.

— Какую фигню?

— Да ты пойми,— сказал Валерка,— он же ни одного дня не дал для подготовки!

Зоя промолчала. Ей было ясно, что это не Яков Дмитриевич, а она не дала времени на подготовку, приказав ему все устроить «завтра».

— А ты знаешь, какие штучки он еще выделывает? —

сказала Ляля.— Он дал распоряжение записывать «всех желающих», без разбора...

Веня добавил:

—... Будь ты изобретатель великий или будь ты болван круглый.

Зоя снова промолчала. Она понимала, что и эти слова относятся к ней: ведь это она приказала записывать именно *всех желающих!*

— Отсюда вывод,— закончил Гена.— В «Разведчике» не будет заниматься никто из пионерского возраста. Всем,— он кивнул на толпу в коридоре,— тут не уместиться.

И Зоя почувствовала, что она краснеет, краснеет от носа до ушей, краснеет так, словно ребята понимают, что виновницей всей этой глупости является она. И тут еще она увидела, что Родька Маршев, единственный, кто не принимал участия в разговоре, очень пристально смотрит на нее. Смотрит и, несомненно, видит, как она краснеет. Ей захотелось как можно скорее убраться подальше от этого пристального взгляда. Зоя повернулась и, ничего не сказав, ушла в ближайшую комнату. Она очутилась в секции бионики.

Здесь, окруженная группой мальчишек и девчонок, стояла молодая женщина в черных брюках и в черном свитере. В руках она держала светло-желтый предмет, похожий на череп фантастической гигантской птицы. Женщина раздраженно говорила:

— Ну, ребята, вы будете слушать или нет? Если вам не интересно — пожалуйста, уйдите! Итак, вы видите череп дельфина. Нам привез его с берега Черного моря Саша Мельник. О том, как Саша добыл этот череп и почему он заинтересовался именно дельфинами, я вам расскажу как-нибудь позднее. Но сейчас давайте обратим внимание на вот это углубление во лбу черепа... Ребята, еще раз повторяю: тем, кому неинтересно,— уйдите и не мешайте слушать остальным!

И в самом деле, вокруг молодой женщины с черепом

дельфина в руках стояло человек тринадцать, но только треть из них слушали внимательно. Остальные вертели головами, шмыгали носами, толкали друг друга локтями, кивая на диковинные предметы, стоящие на полках.

— Так вот, это углубление в черепе ученые связывают с так называемой звуколокацией — со способностью дельфина генерировать волны ультразвуковой частоты и с их помощью...

— Черт! Кто тебя трогать просил!.. — раздался крик в дальнем углу.

Зоя обернулась. Там тоже стояла небольшая толпа, и над этой толпой с треском взлетело в воздух что-то похожее на птицу. Не на авиамодель, а именно на птицу, потому что крылья этой штуки были эластичные и подвижные. Сделав ими несколько взмахов, «птица» ткнулась в голову одного из зрителей и упала.

— Вера Алексеевна, ну что тут делается! — закричал Инсаров, тот самый, которого Тигровский просил поддерживать порядок. — Я им говорю — ничего не трогать, я сам махолет покажу, а этот дурак... А ну, отваливай отсюда! Вали! — Инсаров схватил за шиворот Перпетуум-мобиле и вытолкал его из комнаты. Зоя вышла за ним.

Гены, Валерки, Ляли и Вени уже не было, ушел и Павлов, но Родя стоял на прежнем месте. Когда Зоя пошла по коридору и оглянулась назад, она заметила, что Маршев следует в том же направлении. «Что он за мной, что ли, ходит?» — подумала Зоя и, чтобы проверить это, зашла в лабораторию электроники и автоматики.

— Ребята, чего тут? Ребята, ребята, чего тут?

— Становись в очередь — узнаешь.

Тут Зоя обратила внимание, что вся толпа представляет собой две беспорядочные очереди, теснившиеся к двум, стоявшим поодаль друг от друга, столам. За каждым столом орудовал старшекласник. Один из них был весел и говорлив, а другой, наоборот, угрюм и немногословен. Забыв на

минуту о Роде, Зоя обогнула очередь и стала сбоку от столов, чтобы посмотреть, что там делается. Веселый парень держал на уровне лица небольшой ящичек, от которого свисал провод с болтавшимся на нем наконечником, похожим на шариковую ручку. Парень кричал:

— Итак, уважаемые дамы и господа, перед вами темпокинестезиометр. Давайте повторим хором и по складам! Итак, темп... три-четыре!

— Темпо! — довольно дружно откликнулась очередь.

— Кине!.. Три-четыре!

— Кине! — еще дружнее крикнуло три десятка голосов.

— Сте-зи-о-метр! Три-четыре!

— Сте-зи-о-метр!

В стороне стоял мрачный мужчина с темной шевелюрой и в очках с толстой оправой. Это был, как видно, руководитель секции.

— Федор! — сказал он. — Хоть бы ты балагана не устраивал. И так тошно!

— А я могу уйти, Марк Соломонович, — дерзко ответил парень. — Я пришел сюда над аппаратом работать, а не этих развлекать. Итак, продолжаю: прибор создан по просьбе болгарских ученых. Предназначен для определения глазомера и точности движения руки. Видите на этой панели три кнопочки? Испытуемый должен быстро, с размаху ударять наконечником поочередно по каждой из кнопочек. Попал в кнопочку — срабатывает счетчик точных ударов, попал в панель — срабатывает счетчик промахов. Мадам, прошу вас! Я начну считать, а вы с каждым моим счетом поочередно ударяйте по кнопкам. Итак, приготовились!.. Раз, два, три, четыре, пять... — Досчитав до десяти, парень скомандовал «стоп!» и объявил: — Неважная точность: всего четыре попадания. Следующий, прошу!

За соседним столом проверялась координация движений. Здесь стояла вертикальная пластмассовая панель с наклеенными на нее большими, вырезанными из фольги цифрами:

пятеркой и нулем. Держа в каждой руке по наконечнику с проводом, испытуемый должен был одновременно обвести левым наконечником ноль, а правым — пятерку. Если один из наконечников соскальзывал с цифры, раздавался резкий сигнал, похожий на автомобильную сирену.

— Иди! Следующий! — тут же говорил сердитый парень.

Зоя направилась к выходу. В толпе ребят Маршева не было, однако стоило ей выйти в коридор, как она увидела его недалеко от двери. На Зою он не смотрел. Она двинулась в противоположный конец коридора и, сделав несколько шагов, оглянулась — Родион Маршев следовал за ней.

В другой раз такое преследование польстило бы Зое, ей бы показалось, что оно вызвано немим преклонением перед ее красотой и богатством души, но сейчас она почувствовала, что Маршев следует за ней, пожалуй, не оттого, что его сердце в огне. «Чего он таскается за мной, дурак с веснушками?» — подумала она сердито и тут же решила пройти в дальний конец коридора, зайти в фотолaborаторию и, если Родька сунется туда за ней, напрямик задать ему этот вопрос.

Фотолaborатория занимала две комнаты. Первая, очень большая, представляла собой ателье, где производились различного рода съемки. Тут же на столах и на полках вдоль стен разместилась выставка аппаратуры, изготовленной конструкторами «Разведчика». Здесь было несколько видов машин для автоматического проявления фото- и киноплёнки, были портативные и удобные осветительные приборы и даже кинопроектор оригинальной конструкции. Эта лаборатория была сейчас, пожалуй, единственным местом, где царил порядок. Сюда никто не забегал с вопросами: «Чего тут? Чего тут такое?» Здесь собрались человек двадцать молчаливых фотолюбителей. Высокий светлородый Иван Иванович, руководитель лаборатории, объяснял им, как пользоваться экспонометром «Ленинград».

Он говорил о каком-то замере яркости и освещенности

(Зоя ровно ничего не поняла); он то вставлял в экспонометр какую-то белую пластиночку, то вынимал ее... Потом Иван Иванович положил «Ленинград» на стол, рядом с которым стоял, и достал с полки за своей спиной другой прибор, побольше.

— А такого экспонометра вы в продаже не найдете,— сказал он.— Его сконструировали в нашей лаборатории. С его помощью вы можете не только определить выдержку при печати, но и правильно подобрать фотобумагу по степени контрастности.

Дальше опять пошли объяснения, в которых Зоя ничего не понимала, да она и не старалась понять. Оглянувшись назад, она увидела, что за ее спиной, шагах в трех, стоит Родька Маршев! Заметив, что она смотрит на него, он тут же принялся старательно разглядывать полки с аппаратурой, как будто только ради них он и пришел.

Зоя отвернулась и стала думать, как начать с Маршевым объяснение.

— А теперь пройдемте в лабораторию, и я вам покажу экспонометр в действии,— сказал Иван Иванович, и все фотолюбители ушли за ним в другую комнату, полутемную, лишь тускло освещенную желто-зелеными фонарями. Экспонометр «Ленинград» остался лежать на столе.

Зоя оперлась об этот стол спиной и скрестила на груди руки.

— Ну-ка, Маршев, подойди сюда! — тихо сказала она. Маршев подошел и, чуть улыбаясь, тоже скрестил на груди руки.

— Так! Я слушаю.

— Скажи, Маршев: чего ты все ходишь за мной? Чего ты выслеживаешь?

Маршев продолжал чуть улыбаться. Его физиономия в веснушках показалась Зое какой-то очень самодовольной.

— Я не выслеживаю, я просто наблюдаю.

— Чего наблюдаешь?

— Тебя.

— А... а с какой стати ты меня наблюдаешь?

Маршев подумал, подумал и наконец придумал такую фразу:

— Потому что ты очень интересный объект для наблюдения.

Зоя оторопела и вместе с тем еще больше разозлилась. Разозлилась неизвестно на кого, скорее всего — на себя. Еще вчера она воображала, что Маршев пялит на нее глаза потому, что влюблен, а вот сегодня... Она прищурилась и медленно спросила:

— А это еще почему я интересный объект?

Маршев шагнул поближе и оперся левой ладонью о стол так, что пальцы его почти касались экспонометра.

— Слушай, Ладوشина: давай говорить начистоту. Хочешь?

— Да, хочу!

— Ну вот скажи мне, пожалуйста, почему ты так покраснела, когда Павлов назвал это мероприятие фигой?

— Я... я вовсе не покраснела... С чего мне краснеть?

— Нет, покраснела, и еще как! И теперь пойми, Ладوشина: я за тобой давно слежу и давно кое-что понимаю.

— Что понимаешь?

— А хотя бы вот что: директор Дворца пионеров не такой уж дурак, чтобы устраивать этот базар, если бы на него кто-нибудь не повлиял. А?

Если бы Родя начал разговор иначе, если бы, положим, он припомнил сначала случай слевой Трубкиным или с Борькой и Семкой, возможно, все кончилось бы по-другому. Но сейчас в уме и без того огорченной Зойки мелькнули одна за другой две мысли: во-первых, Маршев догадался каким-то образом о ее замечательной силе, а во-вторых, он понимает, что она смогла использовать эту замечательную силу только для организации «базара». Снова Зойке захотелось заплакать от злости на себя, а заодно

и на всех, и тут же ей очень захотелось, чтобы Маршев поменьше воображал о себе и чтобы у него стало так же скверно на душе, как сейчас у нее. Она тоже разняла скрещенные на груди руки и, указав на экспонетр, проговорила негромко, но повелительно:

— А ну возьми эту штучку и сунь себе в карман!

Родя взял экспонетр и сунул его в карман брюк. Тут Зоя понизила голос почти до шепота:

— Ты, может, очень умный человек, а я — просто дура... Ты, может, очень знаменитый общественник, тебя председателем собираются выбрать... а вот посмотри, что ты сделал! Посмотри! Посмотри! — Она ткнула указательным пальцем в Родин карман, где лежал экспонетр, потом бросилась к двери и там, обернувшись, добавила уже сквозь слезы: — Не бойся, не выдам! Только ты не воображай о себе! Не воображай!

Зоя не учла одного: она приказала Родю сунуть экспонетр в карман, но забыла добавить: «И держи его у себя». Теперь, когда Родя выполнил ее приказание, ему ничего не стоило положить экспонетр на прежнее место. И однако, он этого не сделал, он даже не подумал, что надо это сделать. Секунд десять, наверное, он простоял неподвижно, пораженный одной мыслью: он выполнил Зойкино приказание! Он знает теперь, что его такая фантастическая, такая невероятная догадка верна!

Он выбежал из комнаты. Ладошина была уже где-то в середине коридора. Расталкивая ребят, она быстро шла к выходу. Родя бросился вслед за ней и догнал ее уже возле самой лестницы.

— Ладошина! Ну постой! Ладошина, ну давай поговорим!

— Отстань! — крикнула Ладошина. — Она двинула Маршева локтем в грудь и, спускаясь по лестнице, сказала уже тихо: — Целуйся со своей Круглой Отличницей! Со своей Лялечкой!

Похоже, что слово «отстань» прозвучало как приказание, потому что Родя сразу остановился, но потребности целоваться с Круглой Отличницей он не почувствовал.

Он ползл назад по коридору и вдруг услышал, как один мальчишка кому-то сказал:

— Слышал? В фотолаборатории какую-то штуковину сперли.

Родя вздрогнул и сразу покрылся испариной. Да ведь это же... Это же говорят о нем! Это же он «спер штукови-ну»! Он быстро зашагал в сторону лаборатории и снова услышал обрывок разговора:

— Там у них экспонометр украли...

— Какой спометр?

— Не спометр, а экспонометр.

Подойдя к лаборатории, Родя увидел перед ее дверью возбужденную толпу. Тут были фотолюбители, были и просто любопытные. Над толпой возвышался Иван Иванович. Он говорил:

— Ну вы же помните, как было дело: я положил «Ленинград» на стол и взял с полки экспонометр для печати, затем мы ушли в лабораторию. Может, вы вспомните, остался кто-нибудь в это время в ателье или нет?

Фотолюбители молчали.

— Никто не помнит? Возможен, конечно, и другой вариант: кто-то зашел сюда, когда мы были в лаборатории, и взял прибор.

— А чего стесняться! — пробасил Столбов. (Он по-прежнему держал свою банку с толчеными гусеницами.) — Поставить у выхода несколько человек и обыскать каждого!

— Ха! — отозвался еще кто-то из толпы. — Так он и станет дожидаться обыска! Его небось и во дворце давно нет.

Родя повернулся и очень медленно, стараясь ступать абсолютно бесшумно, прошел прочь от толпы. Никогда еще он себя не чувствовал в таком идиотском, таком ужасном положении.

Глава двадцать пятая

Теперь надо вернуться к тому, что произошло несколько минут назад у взрослых.

Расставшись с Надеждой Сергеевной, по-прежнему держа комочки «Слип камли» в руках, Яков Дмитриевич тороп-

ливо спускался по лестнице. Лицо у него было испуганное. Снизу поднимался Тигровский. Они встретились на площадке между этажами.

— Альфред Павлович, я вас ищу,— быстро сказал директор.— А вы предупредили ученых, что встреча отменяется? Теперь у Тигровского сделалось испуганное лицо.

— Не... не предупредил,— ответил он очень тихо.

Оба долго молча смотрели друг на друга. На сегодня в «Разведчике» была назначена встреча учеников девярых и десятых классов с двумя крупными учеными — доктором исторических наук Кукушкиным и профессором психологии Троеградным.

Яков Дмитриевич взглянул на часы.

— Альфред Павлович! Ведь они же с минуты на минуту... Альфред Павлович, ну как же это так — взять и не предупредить!

— Моя вина. Ничего не говорю. Замотался с этой суматохой...

— Альфред Павлович, но вы поймите, что это для них оскорбление! Они отложили другие дела, собирались, тратили время на дорогу, а мы им что скажем? «Встреча отменяется, только вас забыли предупредить. Поворачивайте оглобли назад!» Это же... это же скандал, это же хуже пощечины!

Маленький Тигровский молчал, опустив голову, поджав губы. Вдруг он резко вскинул голову.

— Выход один,— сказал он коротко.

— Какой выход? Ну какой еще выход?

— Объяснить им, что встречу не отменили сознательно, что мы просим их побеседовать с детьми более младшего возраста, но с детьми очень развитыми и одаренными.

— Да они нас пошлют к черту с нашими «развитыми и одаренными»!

— Пусть посылают, это будет для них не так оскорбительно, чем если мы скажем, что просто забыли их предупредить.

Яков Дмитриевич подумал и понял, что это и правда единственный выход. В этот момент сквозь окно на лестничной клетке он увидел, как к воротам дворца подкатила черная машина.

— Пойдемте! Это, кажется, они. Пойдемте их встретим! — быстро проговорил он.

Оба спустились в вестибюль и остановились напротив входной двери.

В вестибюле было пусто. Только возле раздевалки стояла Круглая Отличница, ожидая, когда гардеробщица даст ей пальто. Яков Дмитриевич машинально сунул комочки «Слип камли» в карман пиджака. И тут в вестибюль спустилась Зоя. Она спустилась, громко стуча туфлями по ступенькам лестницы, спустилась, громко сопя от возбуждения и злости, но ни директор, ни Тигровский не заметили ее появления, потому что в этот момент дверь открылась и вошли два профессора.

Увидев Лялю, надевавшую пальто, Зоя подошла к ней.

— Слушай, Круглая, — сказала она негромко, но властно, — вернись наверх, отыщи своего Родечку и дай ему кулаком по носу!

— Ладошина, ты что с ума сходишь? — спокойно спросила Ляля, но та уже отвернулась от нее.

Круглая Отличница постояла, подумала и, не сняв пальто, пошла наверх. А Зоя, одеваясь, стала прислушиваться к разговору взрослых.

Троеградов был рослый, представительный мужчина с черными, зачесанными назад волосами, с черными усиками, в хорошо сшитом черном пальто. Кукушкин выглядел намного старше. У него под синим плащом выпирало брюшко, он был курнос, и седые волосы его походили на пух, сквозь который просвечивала розовая лысина. Увидев их, директор и руководитель «Разведчика» заулыбались изо всех сил.

— Здравствуйте, Виктор Евгеньевич, уважаемый! —

заговорили они быстро и одновременно.— Здравствуйте, Пантелей Карпович, дорогой! Здравствуйте, уважаемый Пантелей Карпович! Здравствуйте, дорогой Виктор Евгеньевич! Мы чрезвычайно вам благодарны за приезд! Да-да! Очень признательны!..

Затем долго и крепко пожимали руки, а потом наступила некоторая пауза, после которой Яков Дмитриевич сказал:

— Только... вот какое дело, товарищи уважаемые... гм! Не удивляйтесь, что возрастной состав сегодняшней аудитории будет несколько иным, чем вы предполагали.

— Это в каком смысле иным? — спросил Кукушкин.

— Видите ли, Пантелей Карпович... сегодня здесь собрались юные, так сказать, исследователи, изобретатели, но не из старших классов, а... а более младшего возраста.

— Позвольте! — пробасил Троеградов.— А что вы подразумеваете под более младшим возрастом?

— Н-ну... шестые классы... кое-кто из пятых...

На некоторое время воцарилось молчание. Потом Кукушкин развел руками.

— Товарищи! Ну... ну, а почему же вы не предупредили?

Директор посмотрел на Тигровского.

— Альфред Павлович, может, вы объясните...

Альфред Павлович покашлял и заговорил о том, что маститых ученых будут слушать дети исключительно одаренные, способные разобраться в очень сложных вопросах современной науки.

— И поверьте, товарищи,— добавил Яков Дмитриевич,— они будут очень огорчены, если вы откажетесь. Чрезвычайно огорчены!

— Коротче говоря, вы хотите сказать, чтобы я выступал перед вот такими клопами! — сказал на весь вестибюль Троеградов и указал на Зою, стоявшую возле гардероба.—

По-моему, это издевательство! Идемте, Пантелей Карпович! — И он направился к двери.

— Ну, Виктор Евгеньевич, зачем уж так резко! — пробормотал Кукушкин и обратился к директору с Тигровским: — И вместе с тем я тоже... я не смогу выступать перед детьми такого возраста. Я просто не найду с ними общего языка. Так что извините, но... Всего хорошего!

И он вышел вслед за Троеградовым, а за ним бесшумными шагами проследовала Зоя. Альфред Павлович и Яков Дмитриевич продолжали стоять неподвижно. Директор был так огорчен, что даже, увидев Зою, не вспомнил о «Слип камли».

Оба ученых были соседями по дому, и Троеградов привез Пантелея Карповича на своей «Волге». Выйдя с Кукушкиным на тротуар перед дворцом, он достал из кармана ключи от машины, и в этот момент перед ним возникла Зоя.

— Это я клоп, да? — спросила она с расстановкой. — Это, значит, я клоп?

Троеградов сдвинул брови.

— В чем дело? Что тебе надо?

Зоя уперлась кулаками в бока и повысила голос:

— А вот мне то надо, чтобы вы сейчас пошли и выступили перед ребятами. Идите и выступайте! — Она повернулась к Кукушкину: — И вы идите выступайте! Все! — И, заложив руки за спину, даже не оглянувшись на ученых, она зашагала прочь.

Троеградов и Кукушкин помолчали, посмотрели ей вслед.

— Пантелей Карпович! А ведь в самом деле, — вдруг проговорил Троеградов. — Ну чего ради мы с вами в бутылку полезли? Почему бы нам с вами действительно не выступить?

— Н-нда... можно... можно и выступить, — как-то очень уж вяло ответил Кукушкин.

— Нет, вы что, не согласны со мной?

— Ну почему же... Сэгласен... Вполне согласен...

— Ну так пойдете, дорогой! — Троеградов бодро зашагал назад к подъезду, а Кукушкин, растерянно озираясь, поплелся за ним.

Директор дворца и руководитель научного общества все еще стояли в вестибюле на прежнем месте. Троеградов хлопнул Якова Дмитриевича по плечу:

— Извините, старина! Мы погорячились, а в общем-то, вы правы, конечно.

Тигровский просиял:

— Вот и прекрасно! Большое вам спасибо, товарищи! Яков Дмитриевич, давайте проводим наших гостей к вам в кабинет, пусть они отдохнут с дороги, а сами пойдём подготовим аудиторию.

— Конечно, конечно! Виктор Евгеньевич, Пантелей Карпович, прошу! — Директор провел ученых в свой кабинет, который находился на первом этаже.— Располагайтесь, товарищи, отдыхайте, мы буквально через несколько минут...

Яков Дмитриевич вышел. Троеградов сел в кресло и закурил, а Кукушкин стал ходить из угла в угол, сцелив пальцы на выпирающем брюшке. Помолчав с минуту, он спросил:

— Виктор Евгеньевич, а вы не замечаете ничего странного в нашем с вами поведении?

Троеградов слегка выпрямился в кресле.

— Не понимаю, что вы находите странного?

— Ну вот... мы были настроены против выступления перед маленькими детишками, а тут подошла к нам эта молодая особа, сказала несколько слов, и мы так круто изменили свое решение.

— Так что ж, по-вашему: вы изменили свое решение под влиянием той девчонки?

— Я лично да. А вы разве нет?

— Конечно, нет. Ни в какой мере.

— А тогда, простите, что вас заставило согласиться выступать?

— Да то, что я... что я просто понял, что мы ведем себя слишком уж надменно, чванливо, и еще я подумал, что мы живем в век акселерации, в век, когда дети так рано развиваются... и мы, ученые, просто не имеем права отказываться от серьезного разговора с ними.

Кукушкин продолжал ходить, сцепив пальцы на животе и глядя на них.

— Мне кажется, Виктор Евгеньевич, все эти мысли не могли так быстро прийти вам в голову. Мне кажется, что мы оба действовали под влиянием этой молодой особы, а вам, как психологу, следовало бы особенно заинтересоваться этим феноменом.

— Извините меня, Пантелей Карпович, но... но вы просто какую-то чепуху городите,— сердито сказал Троеградов, и ученые продолжали спорить.

Яков Дмитриевич ходил очень сердитый. Все желающие записаться в «Разведчик» были уже записаны, лаборатории ребятам показаны, и директор чувствовал, что его как бы «отпустило». Теперь он мог спокойно объявить День открытых дверей оконченным и попросить всю публику, собравшуюся на втором этаже, удалиться. Так нет же! Ему приходилось устраивать еще одно дурацкое мероприятие, чтобы не обидеть двух ученых!

Тигровский стал обходить лаборатории и упрашивать немногочисленных старшеклассников спуститься в малый зал на встречу с учеными, а Яков Дмитриевич, отыскав в коридоре Надежду Сергеевну, попросил ее отобрать наиболее толковых ребят и тоже направить их в малый зал.

— Яков Дмитриевич... а как же насчет «Слип камли»? — спросила та.— Я сгораю от любопытства.

— Потом, потом! — ответил директор и двинулся в самый конец коридора, где находился радиоузел.

По дороге ему встретился расстроенный Иван Иванович.

— Яков Дмитриевич, знаете, какая неприятность? У нас в лаборатории экспонетр украли.

— Надо было лучше следить, Иван Иванович. Сами видели, что творится. Извините, мне сейчас не до этого.

Пробиваясь в толпе по коридору, Веня уже со всех сторон слышал, что в фотолаборатории украли экспонетр. Навстречу ему попала Круглая Отличница. Глаза у нее были какие-то странные.

— Ты Маршева не видел? — спросила она отрывисто.

— Я сам его ищу, — ответил Веня и прошел мимо.

Он отыскал Родю в лаборатории электроники.

— Родька! Где ты пропадал? Я тебя ищу, ищу... Ты

слышал, что в фотолаборатории экспонометр свистнули? — Он пригляделся к своему другу повнимательней: — Что это ты какой-то... словно из бани вынутый?

И действительно, вид у Маршева был очень странный. Он стоял в углу рядом с дверью, прислонившись спиной к стене и прижав к ней ладони. Не только лицо его было мокрое от пота, влажные были и волосы, которые он, как видно, взъерошил и которые слиплись теперь длинными прямыми вихрами.

— Родька, ну что с тобой? — с нарастающей тревогой спросил Веня.

Родя посмотрел на него мутными глазами и сказал: — Пойдем куда-нибудь.

Он провел своего друга на площадку между вторым и первым этажами, на ту самую, где стояли недавно директор дворца с Тигровским, помолчал несколько секунд и проговорил:

— Экспонометр из фотолаборатории свистнул я.

На некоторое время Рудаков лишился дара речи. Потом он прошептал:

— Зачем?

— По приказанию Зойки Ладошиной, — прохрипел Маршев.

Челюсть у Рудакова слегка отвисла, а глаза остекленели.

— Родька... Родька!.. Да ты что?.. — после долгого молчания произнес он.

Мало-помалу Маршев приобрел способность говорить связно. Увидев беспорядок, царивший на Дне открытых дверей, узнав, что в «Разведчик» записывают всех и каждого, он еще больше укрепился в своей догадке о фантастической Зойкиной силе.

— Ну, и вот, понимаешь, я решил следить за ней. Думаю, она на моих глазах еще что-нибудь выкинет, а я увижу, как все это происходит.

И дальше он рассказал о своем разговоре с Зойкой и о том, как сунул экспонетр в карман, как не сообразил вовремя положить его на место.

— Ну, а потом, сам понимаешь, было уже поздно: все уже «гу-гу-гу, гу-гу-гу...» — попробуй докажи им, что я не по своей воле его взял!

— Ну, это конечно,— мрачно согласился Рудаков.— Если теперь вернешь — подумают, что испугался или просто раскаяние взяло.

На этаже, усиленный громкоговорителями, разнесся голос Якова Дмитриевича. Он приглашал шестиклассников в малый зал на встречу с известными учеными, говорил, что профессор Троеградов познакомит ребят с основами такой науки, как психология, а профессор Кукушкин расскажет об удивительных открытиях, сделанных им во время археологических раскопок. Друзья молча прослушали это объявление, и вдруг Родя улыбнулся:

— Венька! А все-таки получается, что я ведь тоже сделал открытие! Научное! Ведь доказательство-то у меня в кармане!

— Какое доказательство?

— А вот... экспонетр!

Веня помолчал, покусал сначала верхнюю губу, потом нижнюю и наконец сказал:

— Родька! А ты о таком не подумал? Ты, может, втеснял себе в голову, что Зойка гипнозом действует, и, когда Зойка сказала тебе: «Возьми эту штучку», ты и вообразил, что не можешь не взять. У тебя вроде этого получилось... ну, как его? Как это называется?

— Самовнушение?

— Ага! Во! У тебя самовнушение получилось, вот ты и взял!

Прежде чем ответить, Родя от удовольствия потер ладони и даже причмокнул.

— Веньк!.. А ты о такой штуке не подумал? Неужели

Ладошина полная дура? Неужели она станет приказывать мне: «Возьми эту штучку», если она знает, что она самая обыкновенная девчонка и я могу преспокойно послать ее куда-нибудь подальше?

И тут Веня впервые заколебался.

— Да...— пробормотал он.— Да, тут, конечно, что-то есть. Только вот как ты другим докажешь, что свистнул экспонометр, потому что Зойка тебя загипнотизировала?

На лестнице началось движение. Один за другим стали спускаться ребята, чтобы пройти в малый зал. Прошел Тигровский в окружении старшекласников, помогавших проводить «мероприятие». Прошла Надежда Сергеевна с группой мальчиков и девочек из шестых классов. Веня все время хотел что-то сказать, но ему то и дело мешали проходившие мимо. Едва открыв рот, он тут же закрывал его. А Родя и не пытался заговорить: он о чем-то думал. Но вот в потоке ребят прошел по лестнице и Яков Дмитриевич. Родя проводил его глазами и вдруг сказал:

— Пойдем вниз. Там найдем местечко, чтобы поговорить.

Друзья спустились в вестибюль и остановились в сторонке, недалеко от директорского кабинета. Тут Маршев в упор посмотрел на Рудакова.

— Венька! Я принял решение! — сказал он негромко, но очень торжественно.

— Какое решение?

— Я подойду к директору Дворца пионеров, отдам экспонометр и расскажу все, как было.

— Родька! Ты... ты что?! — еле выдавил Рудаков.

— Венька, ты только послушай, о чем я сейчас подумал! Послушай и вникни!

— Ну давай!.. Давай, слушаю.

— Так вот, я знаешь, что заметил? Все, на кого Зойка подействовала, отказываются признаться, что она на них подействовала. Я Борьку спрашивал — он мне по носу дал...

Я Павлова спрашивал, он тоже обиделся, Трубкин тоже не признается... Каждый, наверное, боится, что его за сумасшедшего примут.

— Ну и что?

— А вот слушай. Я уверен, что на директора дворца Зойка тоже подействовала. Но очень может быть, что он тоже побоится об этом сказать.

— Ну ладно! Ну и что?

— А то, что если я к нему подойду да расскажу, как я свистнул экспонометр, тогда, может, и он признается. Ведь тут главное, чтобы кто-то первый об этом заговорил. А тут ведь еще у нас профессор психологии находится. Я точно не знаю, что это за наука такая, но ведь с этой самой... с психикой-то она, наверно, связана... Он тоже может заинтересоваться. Ну, и начнут Зойку исследовать да изучать и, может, выяснят, что в ней такое сидит.

— А если не начнут изучать да исследовать? А если директор откажется? Если он просто скажет: «А ну брось заливать! Ты просто украл экспонометр, а потом испугался». Вот ты и будешь опозорен, пойдет по всей школе славушка!

— Ну и что? Мало, что ли, людей ради науки страдало! Джордано Бруно на костре сожгли — и то ничего.

— Не фигу себе «ничего»: живьем на костре!

— Ну, я, может, неудачно выразился.

Из малого зала прошел Тигровский, за ним директор и Надежда Сергеевна.

— Яков Дмитриевич, родненький... так когда же все-таки про «Слип камли»? — негромко говорила она.

— Потом, потом! — отвечал директор.

— Так... так ты все-таки идешь? — полупшепотом спросил Веня.

— Пойду.

— Когда?

— Вот сейчас.

— Родька, а может, мне с тобой?

— Иди.

Друзья замолчали. У каждого сильно билось сердце. Ни тот, ни другой не заметили, как на нижнем пролете лестницы сверху появилась Круглая Отличница. Она застыла на середине пролета, изо всех сил вцепилась в перила двумя руками, глядя на Родю. Из-под круглых очков ее текли слезы.

Глава двадцать шестая

За минуту до прихода директора, Троеградова и Надежды Сергеевны два профессора продолжали спорить. Теперь уже Троеградов не сидел, теперь уже ходили из угла в угол оба.

— Я ученый, уважаемый Пантелей Карпович,— громко говорил Троеградов.— Я привык оперировать фактами, а не мистическими домыслами.

— Я тоже ученый, уважаемый Виктор Евгеньевич,— отвечал Кукушкин, уже весь красный.— Но я считаю, что мы, ученые, встретившись с каким-либо непонятым явлением, не должны отмахиваться от него, не должны называть его мистическим домыслом, а обязаны исследовать его. А вы, уважаемый Виктор Евгеньевич, просто трусили, просто испугались непонятого факта...

В кабинет вошли Тигровский, Яков Дмитриевич и Надежда Сергеевна.

— Аудитория готова, товарищи; ребята вас ждут,— сказал Тигровский.— Кто выступит первый?

Ученые вежливо поторговались друг с другом, наконец решено было, что первым выступит Троеградов. Альфред Павлович вышел вместе с ним, чтобы проводить его в малый зал.

— Надежда Сергеевна! — сказал Яков Дмитриевич.— Разрешите вас познакомить с нашим замечательным архео-

логом Пантелеем Карповичем Ку...— Он, не договорил, потому что в дверь без стука вошли двое мальчишек.

Это были Родя и Веня.

— Так! — строго обратился к нѣм Яков Дмитриевич.— Зачем пожаловали?

— Яков Дмитриевич, я хотел сказать...— начал было Родя, но тут в кабинет вошла Круглая Отличница.

Она ударила Родю кулаком в нос, потом привалилась плечом к стене и разревелась.

— Родька! Прости меня! Я... я просто не знаю, что со мной творится.

Над верхней губой Маршева показалась капелька крови. Он стер ее тыльной стороной руки.

— А я знаю, что с тобой творится,— проговорил он спокойно.— Тебе приказала ударить меня Зойка Ладوشина.

Услышав это, Надежда Сергеевна молча опустилаcя в кресло и прижала ладони к щекам. Яков Дмитриевич шагнул к Роде и уставился на него сквозь свои четырехугольные очки.

— Так, так! Ну-ка, ну-ка! — только и выговорил он.

И тут у Роди отлегло от сердца. Он понял, что директор сам знаком с изумительной способностью Зойки и не станет этого отрицать.

— А меня эта Ладوشина заставила сунуть в карман экспанометр. Вот, пожалуйста! — Родя вынул экспанометр и положил его директору на стол.

— Так-так-так-так!.. Ну-ну-ну-ну!.. — только и смог повторить Яков Дмитриевич, почесывая подбородок. И вдруг он резко повернулся к Кукушкину: — Пантелей Карпович! Позвольте вам задать несколько странный вопрос.

— Пожалуйста. Слушаю.

— Вы ведь были очень настроены против беседы с детьми среднего возраста?

— Да. Мы оба категорически были против,— быстро ответил профессор.— Категорически!

— А потом вы как-то очень уж вдруг изменили свое решение?

— Совершенно верно! С поразительной быстротой! — еще энергичнее подтвердил профессор.

Директор значительно взглянул на Надежду Сергеевну, застывшую в кресле, затем он снова обратился к ученому:

— Скажите, Пантелей Карпович, перед тем как вы изменили свое решение... к вам не обращалась девочка лет двенадцати? Довольно хорошенькая, брюнеточка...

Тут Пантелей Карпович вскинул указательный палец, и небольшие бесцветные глазки его расширились.

— Вот! Вот именно, что обращалась! — провозгласил он. — И знаете, что она нам сказала? Она сказала: «Идите и выступайте!» У нас только сейчас был крупный спор с Виктором Евгеньевичем.

Родя взглянул на Веню, как бы спрашивая его: «Ну, что?!»

— Да-а-а-а! — не то чтобы прошептал, а скорее выдохнул тот.

Глотая слезы, подходила Зоя к своему дому. Злость ее прошла, теперь ее мучило раскаяние. Ну зачем она заставила Маршева сунуть в карман экспонетр?! Ну зачем она приказала Круглой Отличнице ударить Родьку по носу?

Ей вспомнился Купрум Эс и его мечтательная улыбка, с которой он говорил о своем эликсире, о том, сколько хорошего он может принести. А что сделала она? Из доброго дела, затеянного ею, получилась какая-то глупость, а потом... потом вот что она наделала!

— Дура подлая! — шептала она, поднимаясь в лифте и вытирая слезы платком. — Кретинка идиотская!

А дома ее ждала еще бóльшая неприятность. Мама встретила ее хмурая, чем-то явно расстроенная.

— Чай будешь пить? Иди! — коротко сказала она и ушла в кухню.

Чаю Зое не хотелось, но она прошла вслед за матерью и села за стол.

— Мама, ну а как папа? — спросила она.

— Ничего, — ответила мама, бесцельно помешивая на блюдечке варенье.

— Ну, а что врачи говорят?

— Ничего не говорят.

— Мама, ну что ты меня за дурочку принимаешь! — воскликнула Зоя и добавила властно: — А ну-ка скажи мне подробно, в чем заключается папина болезнь и как она выражается. Рассказывай!

Зоина мама подняла на нее такие же большие, как у дочки, глаза и заговорила с досадой на себя, сознавая, что этого не следует дочери говорить:

— Так вот! У папы была вспышка острого психического заболевания. Ты попросила его в порядке шефства подарить Дворцу пионеров станок, и он отправил во дворец станок ценнейший, уникальный, который тысячи стоит. Не удивительно, что, когда он опомнился, с ним случился инфаркт. Ведь он теперь считает себя психически неполноценным.

Зоя застыла над чашкой с чаем. Так вот оно как обернулось еще одно ее «доброе дело»! Нет, довольно с нее «добрых дел». Через несколько минут она сказала:

— Мама, я пойду прогуляюсь. Голова что-то тяжелая.

Надев плащ, она вышла. Все-таки еще одно доброе дело она совершит, самое последнее: с помощью эликсира она заставит, чтобы ее пропустили к папе в больницу, а там расскажет отцу про эликсир и объяснит ему, что он никакой не сумасшедший. Чтобы он не мучился.

А в кабинете директора Дворца пионеров продолжался негромкий взволнованный разговор. Решено было пока ничего не говорить о чудесах, связанных с Зойкой, ни Троеградскому, ни Тигровскому даже — словом, никому. Затем профес-

сор Кукушкин сказал, что прежде всего ему необходимо выступить перед детьми, что, только освободившись от этой, навязанной ему Зойкой идеи, он сможет вновь чувствовать себя нормальным человеком. Между тем Надежда Сергеевна узнала по справочной телефон Ладошиных и стала звонить Зоиной маме. Было решено пригласить ее во дворец и растолковать, каким фантастическим даром обладает ее дочка. Однако телефон у Ладошиных все время был занят.

Профессор Троеградов выступал перед ребятами не больше десяти минут. Он даже не пытался говорить так, чтобы слушатели могли его понять. Сердитым голосом он просто-напросто прочел отрывок из лекции, которую обычно читал студентам. Ребята вертелись, довольно громко разговаривали и то и дело со звоном роняли на пол номерки от пальто. Когда он кончил, Кукушкин попросил не ждать его, сказал, что задержится, и Троеградов уехал. Уехал и Тигровский, потому что День открытых дверей в «Разведчике» закончился.

Пантелей Карпович выступал еще хуже, чем Виктор Евгеньевич. Он экал, мекал, запинаясь, путал слова, потому что думал совсем о другом. Потом он вернулся в директорский кабинет. Там Надежда Сергеевна все еще пыталась дозвониться Ладошиным, но в трубке по-прежнему раздавались короткие гудки.

— Может быть, у них телефон испорчен? — проговорил Яков Дмитриевич.

— Скорее всего, она разговаривает с какой-нибудь подругой о состоянии своего мужа,— сказала Надежда Сергеевна.

Пантелей Карпович сидел в это время откинувшись на спинку дивана, сцепив, по своему обыкновению, руки на животе, и вертел одним большим пальцем вокруг другого.

— А знаете, что я предлагаю, товарищи? — воскликнул

он неожиданно громко.— Пойдемте сейчас к ним, к Ладосиным!

Тут все почти хором, даже ребята, заговорили о том, что из этого ничего не получится. Ведь Зойка почти наверняка окажется дома, и тогда всем придется залепить уши «Слип камли» и разговаривать с Зойкиной мамой будет невозможно.

Слегка улыбаясь, профессор продолжал вертеть большими пальцами.

— Я все это прекрасно понимаю,— спокойно сказал он.— Но, видите ли, мне на этот раз хочется стать кроликом.

— Кем? — не понял Яков Дмитриевич.

— Стать подопытным кроликом. Если мы узнаем, что Зоя дома, вы залепите себе уши «Слип камли», а я этого не сделаю и попытаюсь поговорить с ее мамой.

Все помолчали, ошеломленные предложением профессора, потом Родя пробормотал:

— Так она... она прикажет вам уйти, и дело с концом!

— А вот мне как раз интересно узнать, как долго я смогу сопротивляться ее приказанию, если соберу всю свою волю.

Яков Дмитриевич поднялся со своего места:

— Но, Пантелей Карпович, уважаемый, послушайте меня! Девчонка взбалмошная, самолюбивая... Она вам не только уйти прикажет, она вам может приказать выкинуть что-нибудь такое, что...

— Я это предвижу,— прервал его Кукушкин.— В таком случае, вы силой удержите меня, и посмотрим, что со мной после этого получится.— Пантелей Карпович встал. Теперь он не держал руки на животе, он опустил их по швам, а живот слегка подтянул.— В общем, так, товарищи,— сказал он, уже не улыбаясь, — этот случай слишком необычен, слишком серьезен. Просто непростительно будет не исследовать его с начала и до конца.

Больше профессору не возражали. Через некоторое время

все шестеро приближались к дому Лadoшиных. Пятеро несли в каждой руке по комочку «Слип камли», зажав их между большим и указательным пальцами, Кукушкин шел несколько впереди, заложив руки за спину.

— А вообще, товарищи родненькие, мне эта затея кажется довольно глупой,— сказала вдруг Надежда Сергеевна.— Ну, представьте себе: входим мы в квартиру, видим, что там Зоя, затыкаем себе уши, и остается у нас один беззащитный Пантелей Карпович. Зоя что-нибудь скажет ему, а мы даже не узнаем, что между ними произошло, и даже не осмелимся вынуть из ушей эти кусочки.

— А ведь Надежда Сергеевна, пожалуй, права,— согласился Яков Дмитриевич.— Может быть, нам вернуться да попытаться все-таки по телефону?..

Он не договорил. Веня вдруг резко остановился.

— Она! — сказал он.

Все тоже остановились. Навстречу шла Зойка. Шла торопливо, с очень деловым видом, энергично размахивая руками. Надежда Сергеевна, директор и трое ребят тут же затолкали себе «Слип камли» в уши. Профессор остался стоять, заложив руки за спину. Он только втянул голову в плечи.

Приблизившись, Зоя остановилась.

— Маршев, прости меня! Я потом тебе все объясню,— проговорила она быстро.— И ты, Круглая, прости!

Родя изобразил на своем лице насмешливую улыбку и молча показал Лadoшиной сначала одно свое ухо, потом другое. Но Зоя не обратила на это никакого внимания. Она увидела приближающееся такси с зеленым огоньком, шагнула к краю тротуара и вскинула руку. Машина остановилась. Зоя открыла дверцу, села на заднее сиденье, и профессор услышал такой разговор:

— В больницу имени Снегирева. На Черноморскую.

Шофер обернулся к Зое.

— А деньги есть у тебя?

— Нету денег, везите бесплатно! — приказала Зойка. —
Бесплатно везите! Ну!

— Ты что? Глупенькая? А ну вылезь отсюда!

Пантелей Карпович с огромным интересом прислушивался к этому разговору, да и все остальные придвинулись к машине поближе, увидев, что шофер препирается с Зоей. Она вытаращила на водителя глаза и закричала почти на всю улицу:

— Везите меня в клинику имени Снегирева! Приказываю! Слышите?

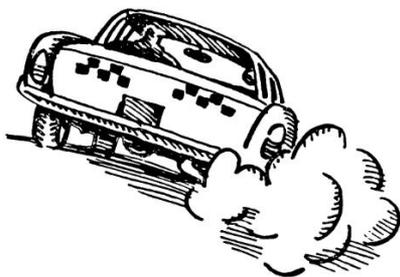
Шофер вылез из машины, обошел ее кругом и выволок на улицу Зойку.

— Видали дурную? — сказал он Кукушкину и дал Зое такого шлепка, что она отлетела к стене дома.

После этого таксист уехал. Зоя стояла и беззвучно плакала. Родя с Веней переглянулись и вынули из ушей «Слип камли». Их примеру последовали остальные. Родя шагнул к Зое:

— Ладошина, а ведь похоже, что шофер тебе не подчинился!

— Эликсир выдохся...— вскрикнула Зойка.

Эпилог

Через несколько дней Куприяна Семеновича и Митрофана Петровича навестили в больнице два посетителя. Это были профессор Кукушкин и Яков Дмитриевич.

Куприян Семенович подтвердил все то, что он тщетно пытался втолковать директору школы и начальнику милиции.

— Ну и доченька у меня! Ну, доченька!.. — цедил при этом сквозь зубы директор завода.

Потом стали думать: а что же делать дальше? И профессор Кукушкин предложил: самое лучшее, если все, кто знает эту историю, о ней забудут. Ведь эликсира больше нет, аппарат для его изготовления и рецептура уничтожены, и Куприян Семенович твердо решил не возвращаться к этой своей работе. Таким образом, всякое упоминание об эликсире будет воспринято как вранье. На том и порешили.

Однако в эту историю было посвящено слишком много людей, в том числе и ребят, которые плохо умеют держать язык за зубами. Слухи об этой странной истории и легли в основу данной книги. Где тут правда, а где выдумка — разбирайтесь сами.

Автор слышал, что борьба пятиклассников за свои права еще продолжается. А вот кого выбрали председателем совета отряда в пятом «Б», ему не известно: увлеченный другими событиями, он позабыл об этом спросить.

К О Н Е Ц

О Г Л А В Л Е Н И Е

<i>Глава первая</i>	3
<i>Глава вторая</i>	10
<i>Глава третья</i>	19
<i>Глава четвертая</i>	25
<i>Глава пятая</i>	32
<i>Глава шестая</i>	41
<i>Глава седьмая</i>	51
<i>Глава восьмая</i>	62
<i>Глава девятая</i>	71
<i>Глава десятая</i>	79
<i>Глава одиннадцатая</i>	89
<i>Глава двенадцатая</i>	97
<i>Глава тринадцатая</i>	108
<i>Глава четырнадцатая</i>	117
<i>Глава пятнадцатая</i>	131
<i>Глава шестнадцатая</i>	142
<i>Глава семнадцатая</i>	153
<i>Глава восемнадцатая</i>	164
<i>Глава девятнадцатая</i>	167
<i>Глава двадцатая</i>	170
<i>Глава двадцать первая</i>	182
<i>Глава двадцать вторая</i>	196
<i>Глава двадцать третья</i>	207
<i>Глава двадцать четвертая</i>	217
<i>Глава двадцать пятая</i>	232
<i>Глава двадцать шестая</i>	244
<i>Эпилог</i>	253

Для среднего возраста

Юрий Вячеславович Сотник
ЭЛИКСИР КУПРУМА ЭСА

ИБ № 1024

Ответственный редактор
С. Н. Боярская
Художественный редактор
А. В. Падина
Технический редактор
Г. Е. Гафт
Корректоры

Л. И. Дмитриюки В. В. Кудинова

Сдано в набор 18/V 1978 г. Подписано
к печати 28/XI 1978 г. А14646.
Формат 60 × 84 1/4. Бум. тип. № 1.
Шрифт школьный. Печать высокая.
Усл. печ. л. 14,88. Уч.-изд. л. 11,64.
Тираж 75 000 экз. Заказ № 2632.
Цена 55 коп. Ордена Трудового Крас-
ного Знамени издательство «Детская
литература». Москва, Центр, М. Чер-
касский пер., 1. Отпечатано с диапо-
зитивов Экспериментальной типогра-
фии ВНИИ полиграфии на ордене
Трудового Красного Знамени ф-ке
«Детская книга» № 1 Росглавополи-
графпрома Государственного комитета
РСФСР по делам издательств, поли-
графии и книжной торговли. Москва,
Сушевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Отзывы об этой книге
просим присылать по адресу:*

*125047, Москва,
ул. Горького, 43.
Дом детской книги.*

Сотник Ю. В.

С67 Эликсир Купрума Эса: Повесть/Рис. Е. Медве-
дева.— М.: Дет. лит., 1978.—254 с., ил.

В пер.: 55 к.

Веселая, с элементами фантастики, повесть о пятиклассниках — юных исследователях и конструкторах, в которой затрагиваются глубокие нравственные проблемы.

P2

С $\frac{70803-522}{M101(03)78}$ 45P-78

55 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»